

Шиф

№ 16
СПЕЦВЫПУСК

приключения фантастика

ГАРРИ ГАРРИСОН

Библиотечка «Уральского следопыта»

ПОВЕСТЬ
«Чувство долга»

1

В СЕ тело Брайана покрывал пот, стекавший в набедренную повязку — его единственную одежду. Легкая фехтовальная рапира казалась его истощенным мускулам, в течение месяца выдерживающим постоянное напряжение, тяжелой, как свинцовый брусок. Однако все это было неважно. Порез на груди, все еще сочившийся кровью, боль в перенапряженных глазах, даже трибуны с тысячами зрителей — все это не существовало для него сейчас. Во всей Вселенной было только одно: острие из сверкающей стали, угрожающее ему и отводившее в сторону его оружие. Он чувствовал дрожание этого острья, знал, когда и куда оно двинется, и сам двигался соответственно, но когда атаковал, оно всегда отводило его удары.

Внезапное движение. Брайан среагировал, но клинок встретил воздух. Острый укол в грудь.

— Удар! — Заполнивший весь мир голос проревел это слово через миллионы громкоговорителей, и в ответ волной обрушились аплодисменты зрителей.

— Одна минута, — произнес тот же голос, и начался отсчет времени.

Брайан расслабился. Минута — не очень большой срок, и тело должно использовать каждое мгновение. Гудение счетчика заставило мышцы расслабиться, и только сердце и легкие по-прежнему энергично работали. Он закрыл глаза, чувствуя, как секунданты подхватывают его и несут к скамье. Пока они массировали тело и обмывали рану, его внимание переключилось вовнутрь. Брайан впал в полузабытие, скользя на грани сознания. всплыло раздражающее воспоминание предыдущей ночи, и он крутил его так и этак, разглядывая со всех сторон.

Это событие явилось абсолютной неожиданностью. Участники Игр нуждались в полном покое, поэтому ночи в спальнях были спокойны и тихи, как смерть. Правда, в первые несколько дней это правило соблюдалось не очень-то строго: люди были слишком возбуждены, чтобы легко засыпать. Но по мере того, как состязание продолжалось, ряды участников редели, и сразу после наступления темноты воцарялась полная тишина. Особенно в эту, последнюю ночь, когда были заняты только две маленькие спальни, а тысячи остальных остались пустыми и темными.

Из глубокого сна Брайана вырвали гневные слова, произносимые шепотом, но достаточно ясно. Кто-то назвал его имя.

— ...Брайан Бренд. Конечно, нет. Кто бы вам это ни сказал, он ошибся, и у вас будут неприятности.

— Не будьте идиотом! — произнес второй, резкий голос, явно привыкший командовать. — Я здесь потому, что дело чрезвычайно важно, и Бренд — единственный человек, которого мне нужно видеть. С дороги!

— Игры...

— К черту ваши проклятые игры, аплодисменты и физические упражнения! У меня важное дело, иначе я не был бы тут.

Первый — видимо, это был дежурный — ничего не ответил, но Бренд почувствовал его нарастающий гнев. Очевидно, он достал пистолет, потому что пришелец быстро сказал:

— Уберите это! Не делайте глупостей.

— Вон! — было единственным ответом.

Воцарилась тишина, и вскоре, все еще удивленный, он снова заснул.

— Десять секунд!

Голос смел воспоминания, и Брайан почувствовал, как напряжение вновь овладевает телом. С горечью он осознавал свою полную истощенность. Месяц постоянного физического и умственного напряжения сделал свое дело. Трудно было даже просто стоять на ногах, а требовалось собрать все свои силы и мастерство и выиграть.

— Какой счет? — спросил он секунданта, разминавшего его ноющие мышцы.

— Четыре — четыре. Все, что нужно тебе для победы, — один удар!

— Ему нужно то же самое, — сказал Брайан, открывая глаза, чтобы взглянуть на жилистое тело человека на противоположном конце большого ковра. Слабому противнику вообще невозможно добраться до финала Игр, а этот — Ирол — был одним из сильнейших. Рыжеволосый гигант с совершенно неистощимыми запасами сил. Последний раунд фехтовального поединка. Один укол — и ты победитель.

Брайан закрыл глаза и понял, что момент, которого он надеялся избежать, наступил.

У каждого участника Игр имелся какой-то особый прием. У Брайана их было несколько, и до сих пор они ему помогали. Он был сравнительно сильным шахматистом и выигрывал благодаря использованию необычных ходов. Это была не случайность, а результат многолетней работы. У него имелись постоянные связи с торговыми агентами на других планетах, а те доставляли ему старые книги. По книгам он изучил и запомнил тысячи старых шахматных партий. Это было разрешено. Вообще, разрешалось все, не связанное с наркотиками и механическими приспособлениями. Самогипноз тоже был допустимым средством.

Брайану потребовалось два года работы, чтобы нащупать источники скрытой силы организма. Несмотря на то, что это явление описывалось в книгах, повторить его было трудно. Кроме того, такое напряжение могло привести к смертельной травме, так как сама смерть и предельное напряжение организма связаны неразделимо. Берсеркиеры продолжали сражаться даже будучи смертельно ранеными, то же бывало и с людьми, получившими пулю в сердце и находящимися уже в состоянии клинической смерти. Но имелся и другой тип использования скрытых сил организма — гипнотическая жестокость, сила, которая позволяет человеку в транс держать тело горизонтально, имея лишь две точки опоры: голову и ноги. Работая в этом направлении, Брайан овладел техникой самогипноза, позволявшей ему черпать силы из этого скрытого резерва.

Это тоже могло убить — полностью истощить тело, так что восстановление окажется невозможным, — особенно в ситуации, в которой он сейчас находился. Но это было уже неважно. И раньше участники Игр умирали, а смерть в финале предпочтительнее поражения.

Глубоко дыша, Брайан сосредоточенно произносил фразы гипнотической формулы, приводившей в действие этот процесс. Усталость постепенно проходила, так же, как ощущение жары, холода и боли. Теперь он видел и слышал с обостренной чувствительностью. С каждой секундой он черпал все новые силы в резервуаре своей жизни, совершенно истощая тело.

Едва прозвучал гонг, он выхватил рапиру из рук секунданта и бросился вперед. Ирол лишь в последнюю секунду схватил оружие и отразил нападение. Натиск Брайана был так силен, что защитные щитки рапир столкнулись, а тела противников переплелись. Ирол был удивлен такой яростной атакой, но потом улыбнулся. Он решил, что это последняя вспышка энергии. Он знал, насколько оба они истощены, и был уверен, что теперь Брайану конец.

Наконец они разъединились, и Ирол встал в защитную позицию. Он не пытался атаковать, предоставив эту возможность Брайану, в ожидании, когда тот истощит последние силы.

Однако Брайан не уставал, напротив, его натиск усилился. Когда Ирол понял свою ошибку, на лице его появилось выражение ужаса, заметив которое, Брайан понял, что пятый укол за ним.

Выпад, еще один — и каждый раз парирующая рапира движется чуть медленнее. Мощный удар, отводящий ее в сторону, нырок под нее, и кончик рапиры касается груди Ирола в области сердца.

Шквал звуков обрушился на них — аплодисменты, приветственные крики, — но Брайан лишь смутно ощутил все это. Ирол выронил рапиру и потянулся позвать руку Брайану, но ноги его внезапно подогнулись. Брайан подхватил бесцельное тело и потащил к бегущим навстречу секундантам, двигаясь, как в густом тумане. Потом опустился на колени. Нет, не опустился, упал. Наконец-то он мог позволить себе упасть и потерять сознание.

2

А ИДЖЕЛ дал врачам всего один день, после чего явился в госпиталь. Брайан не умер, хотя еще ночью его жизнь была под сомнением. Теперь же, спустя сутки, он находился вне опасности, и это было все, что требовалось Айджелу. Самое ожесточенное сопротивление встретило его у дверей палаты.

— Вы не имеете права, Победитель Айджел, — сказал врач. — А если будете продолжать рваться сюда, мне придется разбить вам голову.

Айджел начал было объяснять ему, насколько малы его шансы осуществить задуманное, но тут Брайан прервал спор. Он узнал голос ночного посетителя.

— Пропустите, доктор, — сказал он. — Я хочу видеть человека, считающего, что есть нечто более важное, чем Игры.

Пока врач колебался, Айджел быстро прошел мимо и захлопнул за собой дверь. Потом взглянул на лежавшего в постели Победителя. К рукам Брайана крепилась капельница, глаза его смотрели из глубоких впадин, а зрачки окружала сетка красных жилок. Борьба, которую он вел со смертью, оставила свои следы. Его квадратная выступающая челюсть казалась теперь костью, обтянутой кожей так же, как длинный нос и скулы. Они резко выдавались вперед, обтянутые сероатой кожей. Лишь ежик коротко подстриженных волос остался прежним. Сейчас Брайан был похож на человека, перенесшего долгую, тяжелую болезнь.

— Выглядите вы жутковато, — сказал ему Айджел. — Поздравляю с победой.

— А вы совсем не похожи на Победителя, — парировал Брайан. Слова эти были вызваны усталостью и раздражением, и Айджел не обратил на них внимания.

Но все же это было правдой. Рост и фигура были в порядке, но все тело обросло жиром. Мягкая плоть покрывала его, образуя складки на шее и под глазами. На Анваре не бывает тучных людей, и казалось невероятным, что такой располневший человек мог стать Победителем. Лишь глаза выдавали внутреннюю силу, помогающую ему одолеть всех соперников и выиграть ежегодные Игры. Брайан отвел взгляд, сожалея о том, что оскорбил человека без достаточных на то оснований. Однако он был слишком слаб, чтобы извиняться.

Впрочем, Айджела это не волновало. Вновь посмотрев на него, Брайан почувствовал, что посетителя волнует нечто настолько важное, что он сам, нанесенное оскорбление и даже Игры интересны не более, чем пыль, носящаяся в воздухе.

За спиной Айджела беззвучно раскрылась дверь, и он повернулся с грацией, присущей лишь спортсменам. В дверях стоял доктор Колри, а рядом с ним — два человека в мундирах. В ту же секунду Айджел бросился вперед, и сила его толчка вышвырнула их за порог. Он вновь захлопнул дверь и зашелкнул замок.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал он, поворачиваясь к Брайану, потом добавил: — По секрету.

Наклонившись, он выключил коммуникатор.

— Давайте, — ответил Брайан. — Если только смогу...

— Лежите и слушайте. Думаю, у нас есть минут пять, после чего они взломают дверь. Не будем терять времени. Готовы ли вы отправиться со мной на другую планету? Имеется задание, которое требуется выполнить, — вообще-то, это моя работа, но мне нужна помощь. И вы единственный, кто может мне помочь... Теперь можете отказываться, — закончил он, прежде чем Брайан успел сказать хоть слово.

— Конечно, я отказываюсь, — пожал плечами Брайан, чувствуя себя так, словно Айджел вложил это слово в его уста. — Анвар — моя планета, где я живу и работаю, к тому же я только что выиграл Игры. У меня есть определенные обязанности.

— Ерунда. Я тоже Победитель и тем не менее улетел. На самом деле вы хотите немного насладиться успехом, которого добились с таким трудом. За пределами Анвара никто не знает о Победителях, так что преклонения не будет.

В дверь громко заколотили.

— У меня нет сил, чтобы рассердиться, — хрипло сказал Брайан, — и я не в восторге от идеалов, позволяющих вам оскорбить человека, слишком слабого, чтобы защитить себя.

— Прошу прощения, — тут же сказал Айджел без тени раскаяния в голосе. — Но есть более важные вещи, чем ваша оскорбленная честь. У нас мало времени, поэтому объясню главное.

— То, что должно убедить меня покинуть родную планету?

— Ничуть. Но обдумайте это, и многие ваши иллюзии рухнут. Как и все жители Анвара, вы верите в гуманизм, занимаетесь наукой и увлечены Играмми. Вы принимаете этот образ жизни без тени сомнения, ни разу не подумав о прошлом, о тех миллиардах, которые жили, пока человечество

создавало прекрасные условия для вашей жизни. Думали вы когда-нибудь о людях, которые страдали и умирали в нищете и суевериях, пока цивилизация карабкалась вверх ступенька за ступенькой?

— Конечно, нет, — ответил Брайан. — Да и зачем! Мне не дано изменить прошлое.

— Но вы можете изменить будущее! — воскликнул Айджел. — Мы все в долгу перед предками, приведшими нас и сегодня. Если гуманизм для вас не просто слова, у вас должно быть чувство долга. Хотите оплатить часть задолженности, помогая тем, кто и сегодня живет в таких же условиях, как наши далекие предки — троглодиты?

Стук в дверь усилился. Это, а также обилие лексикона, которыми напищкали Брайана, мешало ему думать.

— В принципе я, конечно, с вами согласен, — медленно сказал он, — но ничего не могу сделать, пока логика не будет подкреплена личностным отношением.

— Значит, мы подошли к сути дела, — мягко сказал Айджел, прижимаясь спиной к двери, в которую колотили чем-то тяжелым. — Я должен торопиться. Времени для подробностей нет, но заверяю вас честным словом Победителя, что для вас лично это важнейшее дело. Именно для вас. Если вы можете мне, мы спасем семь миллионов человеческих жизней. Таковы факты.

Замок разлетелся, и дверь начисто приоткрылась. Айджел с усилием закрыл ее вновь.

— Вот вопрос, над которым я прошу вас подумать. Почему в Галактике, полной войн, ненависти и страданий, люди Анвара все свое существование строят в зависимости от сложной системы Игры?

3

ПРОДОЛЖАТЬ держать дверь было невозможно, да Айджел и не стал пытаться. Он отступил в сторону, и в комнату ворвались два человека. Не говоря ни слова, Айджел вышел.

— Что случилось? Что он делал? — спросил доктор, вбегающий через распахнутую дверь и бросаясь к датчикам у ног Брайана. Дыхание, температура, кровяное давление — все было в норме. Пациент лежал спокойно и молчал.

Оставшуюся часть дня Брайану было о чем думать, хоть это и давалось нелегко: усталость, усиленная действиями транквилизаторов и других средств, смягчала его сопереживание с действительностью. Мысли вяло крутились в голове. Что имел в виду Айджел? Что это за ерунда насчет Анвара? Анвар пришел к нынешнему состоянию естественным путем. Или нет?

История планеты была очень проста. С самого начала здесь не было ничего, представляющего реальный торговый интерес. Она находилась в стороне от межзвездных торговых путей, не имела запасов полезных ископаемых, которые стоило бы добывать и транспортировать на большие расстояния в другие миры. Охота на пушных зверей была довольно выгодна, но не достаточно для открытия большого постоянного рынка. В конечном итоге заселен Анвар был во многом случайно. Несколько научных групп основали обсерваторию и станции для наблюдения за необычным аварским годом, потом ученые, долгое время живущие на планете, привезли сюда семьи, и медленно, но верно население планеты стало расти. Добавилось к нему и некоторое количество охотников на пушного зверя. Таким было начало.

Записей о тех днях практически не сохранилось, и первые шесть веков анварской истории основаны скорее на домыслах, чем на фактах. В конце этого периода начался Упадок, и в охватившем всю Галактику распаде Анвар начал борьбу за жизнь. Работники обсерватории и исследовательских станций обнаружили вдруг, что представляют несуществующие большие институты, у охотников исчез рынок сбыта. К тому же у Анвара не было собственных космических кораблей. Но несмотря на это, лишения периода Упадка не очень затронули Анвар — планета сама удовлетворяла свои нужды. Когда ее жители привыкли к мысли, что теперь они самостоятельный мир, а не сборище с различным подданством, жить стало проще. Не легче — жить на Анваре всегда было нелегко — но проще.

Мысли и привычки людей претерпели значительную трансформацию, и раз за разом предпринимались попытки создать стабильную структуру общества. Об этом периоде записей тоже осталось немного, известно лишь, что кульминацией по-

исков стали Игры. Чтобы понять их, нужно знать необычную орбиту, по которой Анвар вращается вокруг Солнца. В системе имелись и другие планеты, и их орбиты располагались в целом в плоскости эклиптики Анвар же, вероятно, был планетой-бродягой, или принадлежал когда-то системе другой звезды. Большую часть своего 780-дневного года планета находилась вдали от звезды и летела по вытянутой орбите кометного типа. Когда она приближалась к Солнцу, долгие зимы сменяло короткое жаркое лето, длившееся около 80 дней. Эта резкая смена времен года заставляла местные формы жизни приспосабливаться. Большая часть животных проводила зиму в состоянии спячки, растения зимовали в виде спор и семян, и лишь некоторые теплокровные травоядные оставались активными в покрытых снегом тропиках и являлись добычей защищенных мехом хищников. Несмотря на ужасный холод, зима — сезон мира по сравнению с летом.

Лето на Анваре было временем бешеного роста. Растения пробуждались к жизни с силой, которая разрушала скалы. Они росли настолько быстро, что их рост был заметен на глаз. Снежный покров таял, и поля за один день превращались в непроходимые джунгли. Все росло, цвело, размножалось, растения карабкались друг на друга, сражаясь за жизненную энергию солнца. В этот короткий период — каждый ел каждого, ибо когда выпадет первый снег, наступит зима, занимающая 90 процентов продолжительности года.

Чтобы выжить, людям пришлось приспособиться к анварскому циклу. Поколение за поколением адаптировалось, пока безумная смена года перестала казаться им чем-то сверхъестественным. Первая же оттепель почти незаметной весны вызвала глубокие изменения метаболизма человека. Прежде всего исчезал слой подкожного жира и пробуждались к жизни потовые железы; остальные изменения были менее заметны, но тоже очень важны. Центр сна в мозгу изменялся, так что достаточной становилась короткая дремота через три-четыре суток. Жизнь требовала лихорадочного темпа, чтобы соответствовать окружающему. К первым морозам быстрорастущие хлеба были уже собраны, мясо законсервировано или заморожено в огромных хранилищах. Адаптационная способность сделала человека частью местной экологии и тем самым гарантировала ему жизнь на протяжении всей зимы.

Физическое выживание было гарантировано, а как насчет умственного? Примитивные эскимосы Земли могли впадать в полубессознательное состояние, почти в спячку... Возможно, цивилизованный человек тоже способен на такое, но только на время земной зимы. Невозможно проводить так зиму, которая значительно длиннее земного года. Когда удовлетворены физические нужды, скука становилась главным врагом каждого анварца. Бороться с ней было нечем, кроме охоты, но даже охотники не могли заниматься своим делом всю зиму. Тогда одни начинали искать выход в пьянстве, другие — в ярости, и волны алкоголизма и насилия захлестывали зимние сезоны.

Конец этому положили Игры. Когда они прочно вошли в жизнь, лето стало восприниматься лишь как перерыв между ними. Игры были не просто соревнованиями, они стали образом жизни, который удовлетворял соревновательские потребности планеты — физические и умственные. Это было десятиборье, точнее двойное десятиборье, поднятое на высший уровень, где шахматы и поэтическая композиция занимали равное место с прыжками с трамплина и стрельбой из лука. Каждый год проводились два всепланетных розыгрыша: один для мужчин, другой для женщин. В соревнованиях мог принять участие любой, ни у кого не было никаких преимуществ или ограничений.

Когда лучший выигрывал, он действительно был лучшим. Сложная серия соревнований и розыгрышей всю зиму держала участников и зрителей в напряжении. Мужчины и женщины, опередившие всех людей планеты, оставались лучшими до следующей зимы.

Победитель. Таким титулом можно было гордиться. Брайан повернулся на бок и посмотрел в окно. Победитель Анвара. Его имя попадет в книги по истории, он стал одним из героев планеты. Теперь школьники будут читать о нем, как он сам читал о Победителях прошлого, мечтать о такой победе и готовиться к ней ежедневно.

Снаружи полуденное солнце слабо светило в темном небе, бесконечные ледяные поля поглощали тусклый свет. Одинокая фигура на лыжах пересекала равнину; больше ничто не

деигалось. Бесконечная усталость обрушилась вдруг на Брайана, словно он заглянул в зеркало с обратной стороны.

Внезапно он с ужасающей ясностью понял, что быть Победителем равно ничего не значит. Это все равно, что быть лучшей блохой среди блох на одном псе.

Так что же такое Анвар? Закованная в лед планета, населенная несколькими миллионами человеческих блох и неизменная прочим частям Галактики. Здесь не за что было бороться, войны, последовавшие за Упадком, не затронули ее. Анварцы всегда гордились этим, как будто то, что никто не обращает на тебя внимания, может быть предметом гордости. Остальные человеческие миры росли, боролись, побеждали и терпели поражение, в общем, ИЗМЕНЯЛИСЬ, и лишь Анвар вел жизнь неизменную, повторяющуюся, как испорченная пластинка.

Глаза Брайана наполнились слезами, и он заморгал. Слезы! Сознание этого невероятного факта изгнало sentimentalную жалость из его мозга, заменив ее страхом. Неужели его мозг поврежден напряжением последней схватки? Нет, это не его мысли. Жалость к самому себе не могла сделать его Победителем — так почему же он испытывает ее сейчас? Анвар — его Вселенная, как же он может так думать о ней? Что с ним случилось, что внушило подобные мысли?

Поразмыслив, он сразу нашел ответ: Победитель Айджел. Толстый человек со странными вопросами. Не волшебник ли он, не дьявол ли из «Фауста»? Нет, чепуха!.. Но что-то же он сделал! Может, просто заронил сомнения, пока сопротивление было слабым? Брайан не понимал, на чем основаны его подозрения, но был уверен, что причина в Айджеле.

Он нажал кнопку у изголовья, и коммуникатор ожил. На маленьком экране появилась дежурная сестра.

— Я должен связаться с Победителем Айджелом, — сказал Брайан, — человеком, который был сегодня здесь. Вы знаете, где он?

Почему-то это нарушило ее профессиональное спокойствие, женщина начала извиняться, а потом экран погас. Когда он вновь осветился, ее место занял человек в мундире.

— Вы спрашивали о Победителе Айджеле, — сказал он: — Мы задержали его за бесчестный поступок — вторжение в вашу комнату.

— Я не собираюсь предъявлять обвинений. Попросите его заглянуть ко мне.

Охранник с трудом подавил изумление.

— Сожалею, Победитель, но доктор специально распорядился, чтобы вы...

— У доктора нет права вмешиваться в мою личную жизнь, — прервал его Брайан. — Я не заразный больной, я вообще не больной, просто сильно истощен. Мне нужно видеть этого человека.

Охранник глубоко вздохнул и решился.

— Сейчас он у вас будет.

— Что вы со мной сделали? — спросил Брайан, как только Айджел закрыл дверь, и они остались наедине. — Вы же не будете отрицать, что вложили мне в голову чужие мысли?

— Не буду. В том и заключалась моя цель.

— Расскажите, как вы сделали это, — настаивал Брайан. — Я должен знать.

— Рассказать, но вам нужно узнать еще много других вещей, прежде чем вы решитесь покинуть Анвар. Вы должны не просто услышать, но и поверить. Ключ ко всему — истинная сущность нашей жизни здесь. Как, по-вашему, возникли Игры?

Прежде чем ответить, Брайан принял двойную дозу стимулятора, разрешенного врачом.

— Это есть в исторических записях, — сказал он. — Основателем Игр был Джиролди, первые соревнования состоялись в 378 году. С тех пор Игры проводились ежегодно, сначала в отдельных областях, потом стали всепланетными.

— Верно, — согласился Айджел. — Но вы описываете, ЧТО произошло, а я спрашиваю, КАК были организованы Игры? Как мог один человек превратить планету, населенную полубезумными охотниками и фермерами-алкоголиками, в исправно действующий социальный механизм, вся жизнь которого вращается вокруг Игр? Этого просто не могло быть!

— Но так было, — настаивал Брайан, — и вы не можете отрицать этого. В Играх нет ничего искусственного, они логичный выход для жизни на планете, вроде этой.

Айджел коротко рассмеялся.

— Очень логичный, — сказал он. — Но часто ли логика

имеет отношение к деятельности социальных групп и правительства? Представьте себя на месте основателя Джирольди, вообразите, что это вы додумались до великой идеи Игр и должны убедить остальных. Теперь вам нужно пойти к ближайшему вшивому, суеверному и пьяному охотнику и очень ясно ему изложить, как его любимые виды состязаний — поэзия, шахматы, стрельба из лука — изменят жизнь, сделают ее более интересной. Допустим, вы решились на это. Но будьте осторожны, возможно, вам придется спастись бегством...

Даже Брайан улыбнулся абсурдности такого предложения. Разумеется, так быть не могло. Однако это произошло, и должно существовать какое-то простое объяснение.

— Можно обсуждать это целый день, — сказал Айджел, — и вы не додумаетесь до истины, пока... — он вдруг замолчал, глядя на коммуникатор. Экран светился, хотя на нем ничего не было. Айджел протянул массивную руку и разделил провода. — Ваш врач слишком любопытен, а это его не касается. Это ваше дело, и вы должны понять, что жизнь, которую ведете, — результат сложной и искусной операции, разработанной социологами и осуществленной усилиями полевых агентов.

— Челуха! — прервал его Брайан. — Общественную жизнь нельзя изменить таким образом, без кровопролития и ярости. — Нет, не челуха. Вы прочли слишком много старой земной классики, и вам кажется, что мы до сих пор живем в век суеверий. Однако вспомните историю. В одно и то же время демократия и самоуправление развивались в таких бывших колониях, как Индия и Северная Африка, где единственным видом вражды была рознь между различными религиозными группами. Все, что мы сейчас считаем обыденным, когда-то было смелым и новаторским, и одно из самых древних «новшеств» — попытка организовать человеческое общество так, чтобы все его члены были счастливы.

Было множество неудачных попыток приучить население к необычному для него политическому климату. Анвар — пример того, чего можно добиться разумно проведенной операцией. Однако с тех пор многое изменилось, и мы поняли, что чем больше знаем, тем больше должны узнать. Мы больше не пытаемся привести цивилизацию к состоянию, которое считаем для нее благом, а лишь стараемся защитить растущие культуры, дать толчок для развития заострившимся и отвернуть смерть. Когда работа проводилась здесь, на Анваре, теория еще не продвинулась так далеко, еще не была разработана система уравнений, применяемая к культурам 1—5 типов. Вся сложность состоит в создании наиболее благоприятной культуры и внесении ее элементов в жизнь планеты.

— Но как это делается? — спросил Брайан. — Как это было сделано здесь?

— О, прогресс налицо: вы уже спрашиваете «КАК»? Операция проводилась здесь с большим количеством агентов и стоила немалых денег. Для начала было раздуть предвзятости о личной чести, затем введены дуэли, принесшие повышенный интерес к индивидуальным схваткам. Когда все это утвердилось, появился Джирольди, утверждавший, что специально организованные соревнования будут интересней дуэлей. Добавить к Играм интеллектуальные виды соревнований оказалось несколько трудней, но и эта задача была решена. Детали не важны, сейчас мы обсуждаем конечный результат — а это и есть вы. И вы мне очень нужны.

— Но почему я? — спросил Брайан. — Почему именно я? Потому что выиграл Игры? Не верю. Говоря объективно, нет большой разницы между мной и десятком победивших. Почему бы не спросить одного из них? Они могут выполнить вашу работу не хуже меня.

— Нет, не могут. Чуть позже я скажу, почему вы единственный человек, которого можно использовать. Время уходит, а я должен еще убедить вас кое в чем. — Айджел взглянул на часы. — В нашем распоряжении три часа. За это время я должен убедить вас добровольно присоединиться к нам.

— Трудная задача. Вам следует сначала объяснить, кто эти таинственные «мы».

— «Установление Культурных Взаимоотношений. Неправительственная организация, действующая тайно и существующая для поддержания мира и обеспечения благосостояния независимых планет».

— Похоже на цитату, — сказал Брайан. — Экспромтом такое не скажешь.

— Это и есть цитата из устава нашей организации. Однако

вернемся к вам. Вы — продукт высокоразвитого общества, ваши индивидуальные особенности объясняются тем, что вы выросли в обществе с таким малым населением, что даже минимальная форма правительственного контроля вам не нужна. Даже обычное анварское образование превосходно, а подготовка к Играм и участие в них дали вам образование, равного которому нет во всей Галактике. Будет очень жаль, если вы растеряете свои знания и проведете жизнь на одной из ферм.

— Не очень-то высоко вы меня оцениваете. Я собираюсь учиться...

— Забудьте Анвар! — Айджел хлопнул рукой по столу. — Этот мир будет так же успешно вращаться без вас, как и с вами. Подумайте о его сравнительной незначительности в масштабах всей Галактики, о других мирах, где страдают миллионы людей. Подумайте о том, как помочь им.

— Но что я как личность могу сделать? Давно прошли времена, когда один человек мог изменить историю человечества.

— Верно — и вместе с тем нет. Есть люди, которые, оказавшись в центре событий, действуют как катализатор, позволяющий начаться реакции. Вы один из таких людей, хотя, если говорить честно, я не могу этого доказать. И потому, чтобы не тратить время на бесконечные дискуссии, зываю к вашему чувству долга.

— Долга перед кем?

— Конечно, перед человечеством, перед теми миллиардами мертвецов, что двигали историю, пока вы не получили свою долгую и счастливую жизнь, которой сейчас наслаждаетесь. То, что они дали вам, вы должны дать другим. Это краеугольный камень гуманистической морали.

— Хороший аргумент. Но все-таки он не соблазняет меня покинуть эту кровать...

— Что ж, начало положено: вы согласились с главным доводом. Теперь я обращаюсь лично к вам. Существует планета с населением семь миллионов человек, и, если я не предотвращу катастрофы, все эти люди будут уничтожены. Вы полнить задание один я не могу, мне необходимы вы. Никто другой, только вы, вы один.

— У вас осталось мало времени для убеждений, так что позвольте вам помочь. Работа, которая вас ждет: планета и неотвратимая опасность, нависшая над людьми, — все это, очевидно, правда, и я верю, что если дать вам время, вы докажете истинность своих слов. Таким образом, мы возвращаемся ко мне. Как вы докажете, что я единственный человек в Галактике, который может вам помочь?

— Это доказывает присущая только вам способность, наличие которой я определил.

— Способность? Я ничем не отличаюсь от других жителей планеты.

— Ошибаетесь. В воплощенное доказательство эволюции. У вас редкая способность проникать в чувства других людей. Уже два поколения, как эта способность появилась на Анваре, и я слезу за ней все время.

— А в чем состоит это проникновение? И как вы определили его, когда встретились с ним? — раздраженно спросил Брайан, поскольку разговор становился нелепым.

— Я могу определить эту способность, поскольку сам ею обладаю — другого способа нет. А вот как действует проникновение, вы испытали совсем недавно, когда к вам явились необычные мысли об Анваре. Пройдет немало времени, прежде чем вы полностью овладеете этой способностью, но она ваша врожденная черта. Это не мыслительный процесс, скорее это можно описать как проникновение в эмоции. Невозможно солгать натренированному чувствователю, ибо нельзя скрыть за лживыми словами своих чувств. Ваш поразительный талант оказал вам неоценимую услугу в Играх; вы знали о намерениях противника до того, как он начал действовать. Видите, вы даже не пытаетесь возражать.

— Но откуда вы знаете? — Это была тайна Брайана, никто другой этого не знал.

Айджел улыбнулся.

— Всего лишь догадка. Но вспомните, я тоже выиграл Игры, к тому же ничего не зная о проникновении. Вместе с обычной тренировкой это дает удивительное преимущество. Кстати, вам было нужно доказательство, что вы единственный человек, который может мне помочь. Я верю, что так оно и есть, и не могу солгать. Хотите узнать мои чувства? Хотя нет, это плохое слово, в нашем языке еще нет нужного термина.

Скажем лучше так: хотите объединиться со мной, разделить мои чувства, воспоминания?

Брайан хотел возразить, но было уже поздно. Двери его чувств широко распахнулись, и Айджел заметил это.

— Дис, — громко сказал он. — Семь миллионов людей... водородные бомбы... Брайан Бренд.

Это были ключевые слова, приметы ассоциаций. С каждым из них Брайан ощущал волны эмоций собеседника.

Дис... Дис... Дис... Это слово гремело, как гром — гром-гром... Планета смерти, где жизнь есть смерть, и смерть гораздо лучше жизни...

СМЕРТЬ... Смерть семи миллионов... Обгоревшие трупы навсегда лишат тебя сна... Навсегда... Навсегда...

Водородные бомбы... Они ждут, чтобы убить, если... если ты, Айджел, их не остановишь. Но ты (смерть)... ты (смерть)... один не можешь (смерть), тебе должен помочь...

Брайан Бренд. Он один в Галактике может завершить это дело...

Когда поток эмоций прервался, Брайан понял, что лежит, откинувшись на подушку, мокрый от пота и истощенный восприятием волны чувств. Айджел сидел, закрыв лицо руками.

— ...Смерть... — сказал Брайан. — Какое ужасное чувство смерти! И это не смерть людей Диска, а что-то более личное.

— Это я, — сказал Айджел. — Моя собственная смерть близка. Это цена, которую приходится платить за свою способность. Предчувствие будущего — неотъемлемая часть чувствования. Смерть настолько ужасна, что отбрасывает свое отражение назад во времени, и чем ближе я к ней, тем яснее ее ощущаю. Это не точное знание даты, а лишь приблизительная ориентировка, и в этом весь ужас. Я знаю, что умру вскоре после прибытия на Дис и задолго до того, как работа будет завершена. Мне известно, что работа должна быть сделана, и известен единственный человек, который завершит начатое мной. Ну, теперь вы согласны? Пойдете со мной?

— Да, — сказал Брайан, — я пойду с вами.

4

— **Н**ИКОГДА я не видел, чтобы кто-то был так рассержен, как доктор, — сказал Брайан.

— Нельзя винить его в том, — Айджел склонился к приборному щитку, ведя кодированный разговор с корабельным мозгом. Нажав кнопку, он прочел на экране ответ. — Вы лишили его возможности прославиться. Вряд ли ему представится возможность вернуть здоровье истощенному Победителю Игр.

— Это верно. Но как вам удалось убедить его, что вы и корабль позаботитесь обо мне ничуть не хуже, чем персонал госпиталя?

— А я этого и не делал, — ответил Айджел. — Просто УКВ имеет на Анваре влиятельных друзей, — он наклонился, читая текст на ленте, выползавшей из указателя курса. — У нас в запасе немного времени, но я предпочитаю ждать на другом конце пути. Мы стартуем, как только я закреплю вас в стазис-поле.

Стазис-поле не оставляло следов на теле и в мозгу, в нем не было веса, давления, боли — вообще никаких ощущений. Когда Брайан пришел в себя, Айджел расстегивал ремни с легкостью, которая достигается многолетними тренировками. На корабле ничего не изменилось, но за иллюминаторами была красная полутьма, характерная для движения в джамп-режиме.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Айджел.

Очевидно, корабль интересовало то же самое. Из прибора, установленного рядом с генератором стазис-поля, выскокил датчик и прижался к руке Брайана. Врач с Анвара дал медицинской секции корабля подробные инструкции. Очевидно, все было хорошо, потому что единственной реакцией корабля была инъекция витаминов и глюкозы.

— Не скажу, что чувствую себя отлично, — ответил Брайан, приподнимаясь повыше, — но с каждым днем мне все лучше.

— Надеюсь на это. До прибытия на Дис около двух недель. Войдете вы в форму к тому времени?

— Я ничего не обещаю, но, кажется, времени достаточно. Завтра начну легкие упражнения, и это быстро укрепит меня. А теперь расскажите о Дисе и о том, что мы будем делать.

— Мне не хочется рассказывать дважды, поэтому умерь-

те свое любопытство. Вскоре мы встретим другой корабль и заберем еще одного человека. В нашем отряде будут трое: я, вы и экзобиолог. Как только он окажется на борту, я все расскажу вам обоим. А сейчас суйте голову в лингвистический аппарат и начинайте изучение дисанского языка. К моменту прибытия вы должны владеть им в совершенстве.

С помощью гипноза Брайан без труда овладел грамматикой и словарем дисанского языка. Значительно труднее оказалось с произношением: язык был богат звуками, произносимыми на выдохе, а он постоянно глотал окончания. Когда Брайан, используя голосовое зеркало и анализатор звуков, старался усвоить это ужасное произношение, Айджел уходил в другую часть корабля.

Корабль двигался в джамп-режиме по рассчитанному курсу, заботясь о своих пассажирах, кормя их и поставляя им свежий воздух. Ему было приказано следить за здоровьем Брайана, что он и делал, отмечая постоянный прогресс.

Корабельный мозг тщательно отсчитывал микросекунды и, когда подошел нужный момент, включил реле. Вспыхнула лампа, мягко, но настойчиво загудел зуммер.

Айджел вздохнул, отложил в сторону бумаги, которые просматривал, и направился в рубку. Проходя мимо каюты Брайана, который прослушивал записи своего дисанского, он содрогнулся.

— Выключите этого умирающего бронтозавра и пристегнитесь, — сказал он через тонкую дверь. — Мы подошли к точке оптимальной вероятности и скоро вернемся в обычное пространство.

Едва они успели закрепиться, как джамп-режим прервался, и корабль вынырнул в обычном пространстве. Не отвязываясь, они просто сидели, глядя на необычный рисунок созвездий. Единственным их соседом в этом удаленном уголке Вселенной была звезда примерно пятой величины. Компьютер произвел вычисления, чтобы уточнить местонахождение, прозвенел сигнал, и корабль опять вошел в джамп-режим, почти тут же выйдя из него. Так повторялось снова и снова, пока корабельный мозг не был удовлетворен. Вспыхнула надпись «Двигатели включены». Айджел отстегнул ремни, потянулся и отправился готовить еду.

Момент прибытия был рассчитан с большой точностью. Десять часов спустя их приемник принял сигнал другого корабля. Они вновь пристегнулись.

Второй корабль вышел в обычное пространство и послал сигнал на заранее обусловленной волне, а после ответа оставил в пространстве десятифутовую металлическую капсулу. Сразу после этого корабль вошел в джамп-режим и исчез.

Корабль Айджела принял сигнал капсулы, рассчитал время и место встречи. Щелкнули магнитные захваты, и капсула была притянута к борту.

— Спуститесь и выпустите доктора, — сказал Айджел. — Я на всякий случай останусь у приборов.

— Что я должен делать?

— Надеть скафандр и открыть внешний люк корабля. Капсула сделана из металлической фольги, поэтому не теряйте время на поиски входа. Протрите дыру инструментом, который найдете в этом ящике. Когда доктор Морис будет на борту, выбросьте эту штуку. Только захватите передатчик и локатор — они могут понадобиться.

Брайан тщательно закрыл за собой входной люк, потом осторожно взрезал тонкую фольгу. Доктор Морис вылетел из капсулы, отшвырнув его в сторону.

— В чем дело? — поинтересовался Брайан.

В скафандре доктора не было передатчика, и он не мог ответить, а лишь гневно потрясал кулаком. Лицевая пластина его шлема была непрозрачной, поэтому нельзя было определить выражение лица, которым сопровождался жест. Брайан пожал плечами и повернулся, чтобы выбросить пустую оболочку и вновь закрыть люк. Когда давление стало нормальным, он сбросил свой шлем и предложил доктору сделать то же самое.

— Свора грязных лживых собак! — донеслось до него, как только шлем доктора Мориса был снят. Брайан оторопел. У доктора Мориса оказались черные волосы, большие глаза и прекрасной формы рот, искривленный в данный момент гневом. Доктор Морис был женчиной.

— Где грязная свинья, ответственная за эту жестокость? — зловеше спросила Леа Морис.

— В контрольной рубке, — быстро ответил Брайан.

Человек по имени Айджел. Идите вперед, а я присоединюсь к вам... — Впрочем, это он говорил ей уже в спину.

Брайан поспешил следом.

— Да это просто похищение! Ни один суд в Галактике не сможет подобрать вам достойного наказания, и я буду вне себя от радости, когда ваше жирное тело упрячут в одиночку...

— Они не должны были посылать женщину, — заметил Айджел, полностью игнорируя ее слова. — Я просил высококвалифицированного экзобиолога, достаточно молодого и крепкого для работы в полевых условиях, а отдел новобранцев прислал мне самую маленькую женщину из всех, каких мог найти. Да она растает под первым же дождем.

— Нет, не растает! — крикнула Леа. — Женская выносливость хорошо известна, а я в гораздо лучшей форме, чем средняя женщина... Но это не относится к тому, что я говорила. Меня наняли для работы в университете планеты Моллер, и я подписала соответствующий контракт. Потом этот дурак агент заявил, что контракт изменен, — смотри § 139-С, — и меня передадут на другой корабль. Безо всяких объяснений меня затолкали в этот баскетбольный мяч и просто вышвырнули за борт. Если это не нарушение неприкосновенности личности...

— Брайан, проложите новый курс, — прервал ее Айджел. — Найдите ближайшую населенную планету и направляйтесь к ней. Мы высадим эту женщину и подберем себе мужчину. Нам ждет самая интересная для экзобиолога планета, но нам требуется человек, который повинуется приказам и не падает в обморок, когда становится жарко.

Брайан растерялся. До сих пор всю навигационную работу выполнял Айджел, а он просто не знал, как это делается.

— О, нет! — воскликнула Леа. — Так легко вы от меня не отделяетесь. Я заняла первое место на курсе, а большинство из его пятисот студентов были мужчинами. Как называется это райское место, куда мы направляемся?

— Дис. Я расскажу вам о нем, как только мы ляжем на курс, — он повернулся к приборам, а Леа освободилась от скафандра и отправилась в каюту приводить себя в порядок.

Брайан закрыл рот, который открыл довольно давно.

— Это что, урок прикладной психологии? — спросил он.

— Не совсем. Она все равно должна была выполнить работу, поскольку подписала контракт, даже если не прочла всех его пунктов, но ей требовалась возможность излить свой гнев. Я лишь ускорил этот процесс, подсунув мысль о ненавистном мужском превосходстве. Большинство женщин, занимающихся мужской работой, реагирует в подобных случаях болезненно: им слишком часто доставалось по голове.

Он ввел в прибор ленту с курсом и нахмурился.

— Но в моих словах большая доля истины. Мне нужен был молодой, быстро адаптирующийся и высококвалифицированный биолог из добровольцев. Я никак не думал, что мне подберут женщину, а теперь слишком поздно отправлять ее обратно. Дис — не место для женщин.

— Почему? — спросил Брайан, оглянувшись на звук шагов. В рубку вошла Леа.

— Садитесь, и я расскажу вам, — сказал Айджел.

5

— **Д**ИС, — начал он, заглянув в толстую папку, — третья планета звезды Эпсилон Эридына. Четвертая называется Ниджорд, запомните, это очень важно. Чтобы посетить Дис, нужна весьма существенная причина, а чтобы покинуть — не требуется ничего. Планета горячая и сухая, температура на ней редко опускается ниже ста градусов по Фаренгейту, вся она — обожженный камень и песок. Большая часть воды в виде соленых болот, и ее нельзя пить без специальной очистки. Все эти и многие другие факты собраны в dossier, и позже вы сможете их изучить, а пока я хочу убедить вас, что Дис — самое отвратительное и негостеприимное место во Вселенной. То же относится и к его обитателям. Вот изображение дисанцев...

Леа взглянула на снимок. Как опытный биолог, специализирующийся на изучении чуждых форм жизни, она позидала много странного, и сейчас ее поразили не физические отличия, а поза человека и выражение его лица.

— Он смотрит так, словно хочет убить фотографа, — сказала она.

— Он так и поступил, как только был сделан снимок. Как все дисанцы, он полон ненависти и презрения к чужеземцам. И не без причин. Эта планета была заселена случайно. Детали мне неизвестны, но общая картина достаточно ясна.

Очевидно, здесь велась разработка полезных ископаемых: планета богата минеральным сырьем, и добыть его очень легко. Но воду получить только путем очистки, и большая часть продуктов доставляется извне. Все было хорошо, но потом о планете забыли — такова судьба многих колоний во время Упадка. То, что произошло с ее обитателями, можно назвать гимном приспособляемости человека. Отдельные люди умирали в страшных муках, но раса в целом уцелела. Они сильно изменились, но остались людьми. Когда вода и пища исчезли, а изношенные механизмы перестали действовать, люди предприняли героические усилия, чтобы выжить. Они не могли сделать это сразу, но к тому времени, когда сломалась последняя машина, к окружающему приспособилось достаточное количество людей, чтобы род человеческий продолжался.

Их потомки по-прежнему населяют планету, полностью приспособившись к ее условиям... Температура их тела около 130° по Фаренгейту, а в глотке есть особые ткани, запасающие воду. Я не знаю точно, но в докладе есть упоминание о симбиотических отношениях, причем впервые человек становится активным их членом.

— Удивительно! — воскликнула Леа.

— Неужели? — нахмурился Айджел. — Может, только с абстрактно-научной точки зрения. Но меня это не интересует. Не сомневаюсь, что все эти морфологические изменения и отталкивающие детали восхитят вас, доктор Морис, но когда будете определять группу крови и восхищаться показаниями ваших термометров, не забудьте уделить внимание личностям дисанцев. Мы должны выяснить, что делает их такими, иначе в один прекрасный день увидим, как их мир взлетает на воздух.

— Что вы несете?! — возмутилась Леа. — Уничтожить их? Но почему?

— Потому что они совершенно невыносимы, — сказал Айджел. — В руки местных горячих голов попали несколько примитивных кобальтовых бомб. Они хотят подпалить фтиль и швырнуть эти бомбы на Ниджорд, соседнюю планету. Убедить их не делать этого невозможно — они требуют безоговорочной капитуляции, неприемлемой потому, что ниджорцы хотят сохранить свою планету для себя. Они пытались найти компромиссное решение, но ничего не вышло — дисанцы буквально горят жаждой самоубийства. Уже установлен крайний срок, когда будут пущены кобальтовые бомбы. С другой стороны, флот Ниджорда висит над Дисом, и у ниджорцев достаточно водородных бомб, чтобы сжечь всю планету в атомном пламени. И мы должны этому помешать.

Брайан взглянул на снимок, пытаясь составить представление об изображенном на нем человеке. Голые, ороговевшие ноги, единственная одежда — клоч материи вокруг бедер. Через плечо висело что-то, похожее на зеленую лозу, из-за пояса торчало несколько странных предметов, сделанных из металла, камня и кожи. Единственным знакомым вещью был тонкий нож с необычным рисунком. Какое-то петли, колокольчики и изогнутые предметы переплетались в сложном рисунке. Возможно, они имели религиозное значение. Впрочем, они были тщательно обработаны, и ими явно часто пользовались. Брайан ощутил беспокойство: если они использовались, то для чего?

— Трудно поверить, — сказал, наконец, он. — Если не считать нескольких металлических предметов, этот узколобый кажется выходцем из каменного века. Не пойму, как такие существа могут реально угрожать другой планете.

— Ниджорцы в это верят — и этого достаточно, — ответил Айджел. — Они заплатили большие деньги УКВ за то, что мы попытаемся предотвратить войну. Поскольку они нас наняли, мы обязаны выполнить задание.

Брайан игнорировал эту ложь, очевидно, адресованную Леа, но решил позднее расспросить Айджела о действительной ситуации.

— Вот доклады техников, — Айджел бросил их на стол. — У Диса есть кобальтовые бомбы, но главная угроза не в этом, а в том, что они имеют установку джамп-режима, которая может сбросить бомбы на Ниджорд. Объявлено даже о том, когда это произойдет.

— И когда же? — спросила Леа.

— Через десять дней. Конечно, если ниджорцы еще не уничтожили всю жизнь на Дисе. Вообще-то, они мирные люди и не хотят этого делать, но если иного выхода не будет...

— А что требуется от меня? — спросила Леа, листая доклад. — Ни в джамп-режиме, ни в водородных бомбах я ничего не понимаю. Я всего лишь экзобиолог с уклоном в антропологию. Какую помощь я могу вам оказать?

Айджел взглянул на нее.

— Моя вера в поставщиков новобранцев восстановлена, — сказал он. — Такую комбинацию редко встретишь даже на Земле. Однако хватит болтовни. Пытаясь обнаружить бомбы, ниджорцы потеряли около 30 агентов. Наша организация потеряла шестерых, включая моего предшественника, руководившего операцией. Он был хорошим человеком, но, думаю, пошел по неверному пути. По-моему, это не физическая, а культурная проблема.

— Хорошо бы представить события в развитии, — хмурясь, сказала Леа. — Все, что говорилось до сих пор, статично.

— Все когда-то имело свое начало. Если мы установим, почему эти люди так торопятся в ад, может быть, сможем устранить причину. Я собираюсь продолжить поиски бомб и джамп-режима. Нужно попробовать все, что может предотвратить самоуничтожение планеты.

— А вы умнее, чем кажется на первый взгляд, — сказала Леа, собирая листы доклада. — Можете на меня рассчитывать. А теперь, если кто-нибудь укажет мне комнату с прочным замком, я изучу это в постели. Не зовите меня, я выйду, когда захочу есть.

Брайан не был уверен, шутит она или говорит серьезно, и потому промолчал. Он показал ей пустую каюту (она тут же закрылась в ней), потом вернулся к Айджелу. Тот был на камбузе, добавляя к своему весу огромную порцию холодца.

— Не мала ли она для урожайной землянки? — спросил Брайан. — Ее макушка ниже моего подбородка.

— Это вполне нормально. Земля — заповедник устаревших генов. Слабые спины, аппендиксы, плохие глаза. Не будь у них университетов, мы никогда бы не стали их использовать.

— Почему вы солгали ей насчет УКВ?

— Потому что это тайна. Достаточно? — Айджел выбирал из сумочки последние кусочки студня. — Съешьте лучше что-нибудь. Восстанавливайте силы. Организация должна действовать тайно, если хочет чего-то добиться. Если она вернется домой, ей лучше ничего не знать о том, на кого она в действительности работала. Если же она присоединится к нам, можно будет объяснить ей все. Но сомневаюсь, чтобы она одобрила мои намерения. Если мы не сумеем предотвратить войну, я сам сброшу на Дис несколько водородных бомб.

— Что?!

— Это действительно так. И не пяльте на меня глаза. В качестве последнего средства я сам сброшу бомбы, не позволив сделать ниджорцам. Это может спасти их.

— Спасите! Да они умрут от одной радиации! — воскликнул Брайан.

— Я имею в виду ниджорцев. Перестаньте сжимать кулаки, сядьте и возьмите кусок торта. Ниджорцы единственные, кого следует принимать в расчет. Когда Дис был оторван от всех, его обитатели превратились в банду рыщущих по болотам убийц. На Ниджорде было совсем иначе — там можно жить, просто срывая фрукты с деревьев. Население его было маленьким и интеллигентным, и вместо того, чтобы пресытиться бездельем и деградировать, они создали жизнеспособное и развивающееся общество. Но не техническое — когда их открыли вновь, они не пользовались даже колесом. Они стали чем-то вроде специалистов по культуре, глубоко проникнув в суть взаимоотношений между людьми — сфера, в которой никогда не преуспевали технические цивилизации. Конечно, они были ценной находкой для нашего Установления, и мы много работали с ними. Для этих людей характерно непротivление злу и насилию, и если они будут вынуждены уничтожить Дис, чтобы выжить самим, их философия рухнет. Физически они будут продолжать жить, но на их планете воцарятся волчьи законы. Они будут грозить бомбой всем своим конкурентам.

— Похоже, у них сейчас рай.

— Не кощунствуйте. Это просто мир людей с любовью и ненавистью, но они научились жить вместе без злобы и ярости. Возможно, именно они укажут путь всему человечеству.

Как бы то ни было, они стоят того, чтобы о них позаботились. А теперь отправляйтесь вниз, учите свой дисанский и читайте доклады. Все должно быть закончено до приземления.

6

— **ПОЖАЛУЙСТА**, назовите себя. — Спокойные слова, несшиеся из динамика, контрастировали с изобращением на экране. Космический корабль, пересекавший их орбиту над Дисом, недавно был торговцем, но сейчас в глаза бросалась установленная на корпусе орудийная башня. Черное жерло орудия смотрело прямо на них. Айджел включил коммуникатор.

— Говорит Айджел. Рисунок сетчатки глаза 490-ВИ-67, что является паролем для прохода через вашу эскадру. Хотите проверить рисунок?

— Спасибо, в этом нет необходимости. Включите запись, и я передам сообщение, полученное для вас от Примы-4.

— Записываю, — передал Айджел. — Проклятье! Опять неприятности, и всего четыре дня до взрыва... Прима-4 — это наш штаб на Дисе. Для маскировки на корабле имеется груз, поэтому мы можем приземлиться, прямо в космопорте. Видимо, план изменен, и мне это не нравится.

Что-то крылось за словами Айджела, и Брайан против воли своей проник в его мысли. Внизу, на планете, их ждала неприятность. Когда появилась лента с записью, Айджел склонился над ней, вчитываясь в каждое слово по мере его появления. Закончив чтение, он фыркнул и отправился на камбуз. Брайан подобрал ленту и прочел сообщение.

«Айджел Айджел Айджел Приземление в космопорте опасно. Предпочтительнее ночная посадка. Координаты 46 Б92 МН 76 Немедленно отправьте корабль. Вас встретит Рион Колец Конец Конец».

Альтиметр остановился на нуле, и мягкий толчок возвестил о посадке на планету. Освещение было выключено, и слабо светились лишь циферблаты приборов. Инфракрасный экран был полон серовато-белого свечения — песок и камень еще нагреты. Вокруг корабля ничто не двигалось.

— Мы прибыли первыми, — сказала Айджел, затемняя люминаторы и включая в рубке свет. Все трое переглянулись, лица их блеснули от пота.

— Зачем вы держите на корабле такую жару? — спросила Леа, вытирая лоб скомканным носовым платком. Без верхней одежды она казалась еще тоньше. Тонкое платье, едва достигавшее колен, скрывало немногое. Грудь ее были полны и высоки, тонкая талия контрастировала с округлостью бедер.

— Должна ли я повернуться, чтобы вы осмотрели мне спину? — язвительно спросила она, поймав взгляд Брайана. Пятидневный опыт научил его, что такие замечания лучше оставлять без внимания. Будет только хуже, если он попытается найти разумный ответ.

— На Дисе жарче, чем здесь, — сказал он, меняя тему. — Подняв температуру внутри, мы избежим шока при выходе...

— Я знаю теорию, но это не мешает мне потеть, — отозвалась она.

— Кстати, это лучше, что вы можете сделать, — заметил Айджел. Он выглядел, как сверкающий воздушный шар в шортах. Допив бутылку пива, он взял из холодильника другую. — Пейте пиво.

— Нет, спасибо. Боюсь, тогда растают последние ткани, и мои почки выплывут наружу. На Земле мы никогда...

— Вынесите багаж доктора Морис, — прервала ее Айджел. — Рион приближается, вот его сигнал. Как только мы выйдем, я отправлю корабль обратно, чтобы никто из туземцев его не заметил.

Когда он открыл люк, на них дохнуло жаром, как из печи. Воздух был сухим и горячим, будто язык пламени. Услышав, как вскрикнула в темноте Леа, Брайан помог ей спуститься. Еще не остывший песок обжигал ноги даже сквозь обувь. Айджел вышел последним, неся прибор дистанционного управления кораблем. Как только они отошли, он нажал кнопку, и корабль бесшумно скользнул вверх.

Света звезд было достаточно, чтобы разглядеть вокруг песчаное море. На одной из дюн появился темный силуэт песчаного кара, который с гудением направился к ним. Айджел вышел вперед, и в этот момент все и произошло.

В синей вспышке разрыва Айджел упал, кожа его почернела. Он умер мгновенно. Второй разряд обрушился на кар, и оттуда донесся крик.

Брайан упал в тот момент, когда пламя еще не погасло. Пакеты и ящики полетели в сторону, а сам он бросился на песок, увлекая за собой Леа. Он надеялся, что у нее хватит сообразительности лежать неподвижно. Это была его единственная мысль, все остальное он делал рефлекторно.

Электрическое пламя вспыхнуло вновь, но на этот раз он уже ждал выстрела и плотно прижался к земле. При этом он смотрел в сторону кара и заметил, откуда бьет ионное оружие. Собственный пистолет был у него в руке. Когда Айджел давал ему оружие, Брайан без вопросов прикрепил его к поясу, но никак не думал, что оно понадобится так скоро. Держа пистолет обеими руками, он тщательно прицелился в то место, откуда стреляли. Разрывная пуля нашла цель, кто-то там дернулся и умер.

Мгновение спустя какая-то тяжесть обрушилась ему на спину, и огненная линия опоясала горло. Обычно на соревнованиях он сражался спокойно, но всего минутой назад умер Айджел — товарищ и друг, — и Брайан чувствовал, как его захлестывает ярость.

Есть много глупых и опасных штук, вроде курения рядом с высокооктановым горючим или сования пальцев в электрические розетки, но еще опаснее нападать на Победителя Игр.

Против Брайана были два человека, но для него это не имело значения. Первый умер сразу же, когда руки Брайана нашли его шею и одним движением разорвали главные артерии. Второй успел вскрикнуть, но умер так же быстро.

Согнувшись, почти на четвереньках, Брайан быстро пробежался вокруг, держа пистолет наготове. Больше никого не было. Лишь когда он коснулся мягкого тела Леа, гнев покинул его. Внезапно он почувствовал боль и усталость, все тело покрывал пот, а дыхание с хрипом вырывалось из горла. Сунув пистолет в кобуру, он оцупал голову Леа и обнаружил ссадину на виске. Она ударилась головой, когда он толкнул ее, и это явно спасло ей жизнь.

Сев рядом, он расслабился, упорядочил дыхание. Стало немного лучше, если не считать боли в горле. Пальцы его нащупали тонкий шнурок с утолщением на конце. На другом конце, свисавшем с плеча, тоже было утолщение, а вокруг шеи протянулась полоска боли. Он убрал шнурок. Это была тонкая, прочная ткань, похожая на гибкую проволоку — захлестнув шею, она разрежала кожу, но была приостановлена напряжением его мышц. Брайан бросил шнурок во тьму, откуда он пришел.

Зная, что это бесполезно, он все же подошел к телу Айджела. Одного взгляда было достаточно.

Леа застонала, и он заторопился к кару, переступив через тело у дверцы. Водитель был мертв, убитый, видимо, тем же шнурком, который едва не перерезал горло Брайану. Осторожно положив тело убитого на песок, он закрыл его глаза, полные ужаса. Потом взял фляжку и вернулся к Леа.

— Голова... — хрипло сказала она. — Я разбила голову.

— Всего лишь ушиб, — успокоил он ее. — Выпейте немного воды, и вам станет лучше. И полежите. Все кончилось, и можно отдохнуть.

— Они убили Айджела! — внезапно вспомнила Леа, попытавшись встать. — Что, вообще, случилось?

— Я все расскажу, а вы лежите. Была засада, кроме Айджела убиты Рион и водитель кара. Нападавших было трое, все они теперь мертвы. Не думаю, чтобы поблизости были другие, но, если они придут, я услышу. Мы подождем несколько минут, пока вам станет лучше, и поедем в каре.

— Верните корабль! — В ее голове звучали истерические нотки. — Мы не можем оставаться здесь одни. Мы не знаем, куда идти и что делать. Айджел умер, и нужно улетать...

Есть новости, звучавшие сурово независимо от тона, которым произнесены, и это была одна из них.

— Мне очень жаль, Леа, но корабль для нас недостижим. Айджел убит ионным оружием, и прибор сгорел. Нам придется взять кар и добираться до города. Можете ли вы встать? Я помогу вам.

Не говоря больше ни слова, она встала, и они направились к кару при свете красноватой луны, взошедшей над дюнами. Подойдя ближе, Брайан увидел темную линию полпрека борта песчаного кара. Он остановился.

— В чем дело? — спросила Леа.

Раскрытый двигатель машины мог обозначать только одно, и он заглянул вовнутрь, заранее зная, что увидит. Нападавшие оказались предусмотрительными. В отпущенное им

время они не только убрали водителя, но и разрушили машину. Красноватый свет отражался от разорванных проводов и разбитых деталей. Ремонт был невозможен.

— Думаю, придется идти пешком, — сказал он, стараясь скрыть озабоченность. — Сейчас мы примерно в ста пятидесяти километрах от города Хоуастад и сможем...

— Мы вообще не сможем идти. Вся планета — смертельная западня! Нам нужно обратно на корабль!

Брайан не стал объяснять ей. Это было следствие удара. Усадив ее, он принялся готовиться к долгому переходу.

Прежде всего одежда. По мере того, как рассеивалось дневное тепло, воздух пустыни становился все холоднее и холоднее. Леа начала дрожать, и он, достав несколько вещей из ее собственного саквояжа, велел надеть их поверх платья. Машина дала очень мало: фляжка, сумка первой помощи, найденная на сиденье. Не было ни карт, ни радио. Направление в этой, лишенной каких-либо ориентиров пустыне определялось, очевидно, по компасу. Кар был оборудован гирокомпасом, теперь бесполезным, но Брайан определил по нему направление на город и увидел, что следы машины тянутся точно в том направлении. Машина пришла прямо оттуда. По ее следам они смогут найти дорогу.

Время шло. Ему хотелось похоронить Айджела и людей из кара, но ночные часы были слишком ценны. Все, что он мог сделать, это положить трупы в кар, чтобы уберечь их от дисанских хищников. Он запер дверь кабины и забросил ключ в темноту. Леа спала, и он осторожно разбудил ее.

— Идем, — сказал Брайан, — немного прогуляемся.

7

В ПРОХЛАДНОМ воздухе по слежавшемуся твердому песку идти было нетрудно, но все портило Леа. Казалось, шок на время приглушил ее разум, оставив лишь тот участок, который контролировал речь. Бредя в полубессознательном состоянии, она выдавала страхи и опасения, которые было бы лучше оставить при себе. Они потеряют дорогу, никогда не найдут города, умрут от жары, холода, жажды, голода. К этим опасениям примешивались страхи прошлого, всплывшие из ее подсознания. Кое-что из этого Брайан понял, хотя и старался не слушать. Это был страх потерять доверие, не заняв хорошего места и остаться позади, затеряться среди безымянных орд, борющихся за жизнь в перенаселенных городах-государствах Земли. Страхи женщины в мире мужчин.

Было еще и другое, но для человека с Анвара это не имело смысла.

В конце концов Брайан остановился и взял ее на руки. Она со вздохом приняла к его груди и тут же уснула. Даже с добавочной ношей идти было легко, и он пошел своим привычным широким шагом, чтобы как можно полнее использовать эти наиболее благоприятные часы.

Иногда на участках каменных развалов или скальных обнажений он терял следы гусениц кара, но не тратил время на их поиски. Внимательно следя за движением звезд, он определил направление на географический полюс. У Дис не было своей Полярной звезды, однако созвездие, похожее на квадрат, медленно поворачивалось вокруг невидимой точки полюса. Им нужно было идти на запад, поэтому он следил, чтобы это созвездие всегда находилось у него над правым плечом.

Когда руки начали уставать, он осторожно положил Леа на песок — она не проснулась. Немного полежав, прежде чем взять свою ношу вновь, Брайан поразился одиночеству пустыни. Как далеко он был от своего дома, народа, планеты! Даже созвездия неба были другими. Он привык к уединению, но здесь одиночество затрагивало глубоко скрытые инстинкты. Дрожь, вызванная не холодом, пробежала у него по спине.

Нужно было идти. Отбросив сомнения, он тщательно укутал Леа в свою куртку. Если подвесить ее к спине, идти будет гораздо легче. Камни сменились пологими, песчаными дюнами, тянущимися, казалось, бесконечно. Началось болезненное карабкание на вершину очередной дюны, а затем спуск во тьму у подножия следующей.

При первых проблесках света на востоке, чувствуя, что грудь его разрывается, он остановился, чтобы отметить направление, прежде чем исчезнут звезды. Одна линия, подчеркнутая на песке, указывала на север, вторая — направ-

ление, по которому нужно идти. Брайан прополоскал рот глотком воды и сел на песок рядом со спящей Леа.

Золотые пальцы света бродили по небу, сметая звезды, и Брайан забыл усталость от восхищения. Нужно было сохранить это: лучше всего тут подойдет четверостишие. Достаточно короткое, чтобы запомнить его, но требующее большого искусства, чтобы вложить в него все. Он прославился своими четверостишиями в Играх, и это будет особенно хорошим. Его учитель поэзии был бы доволен.

— Что вы там бормочете? — спросила Леа, глядя на орлиный профиль, темнеющий на фоне красного неба.

— Стихотворение, — ответил он. — Подождите минутку. После напряжения и опасностей ночи это было слишком для Леа. Она рассмеялась, и смех стал еще громче, когда она нахмурился. Солнце осветило горизонт, и Леа воскликнула:

— У вас рана на шее! Вы истечете кровью!

— Нет, — ответил он, слегка коснувшись пореза, шедшего вокруг шеи. — Рана поверхностная.

Когда он вспомнил сражение и смерть прошлой ночи, им вдруг одолела депрессия. Леа не видела его лица, роясь в медицинской сумке. Ему пришлось помассировать лицо, убрать гримасу боли, скривившую рот. Как легко он убил трех зверюшек... Как легко овладевают цивилизованным человеком звериные инстинкты! Он использовал этот прием в бесчисленных поединках, не думая об убийстве противника, поскольку схватки были частью Игры. Но когда был убит его друг, он сам стал убийцей. Он верил в святость жизни, но лишь до первого испытания, когда начал убивать без колебаний. Самое страшное, что он не испытывал чувства вины даже сейчас. Шок был, да, но не больше.

— Поднимите подбородок, — сказала Леа, размахивая антисептиком, найденным в сумке. Он повиновался, и жидкость холодным обжигающим потоком полилась ему на шею. Поскольку рана почти затянулась, антибиотики были бы лучше, но он ничего не сказал. В свою очередь, он нанес немного антисептика на ее уши, и она, взвизгнув, отшатнулась. Потом они проглотили по таблетке.

— Солнце уже жжет, — сказала Леа, сбрасывая верхнюю одежду. — Нужно найти прохладную пещеру или салун с кондиционером и провести там день.

— Не думаю, что здесь есть что-то, кроме песка. Нужно идти...

— Это я и сама знаю, — прервала его Леа. — Незачем читать мне лекции. Вы серьезны, как земной бык. Расслабьтесь, сосчитайте до десяти тысяч и начинайте сначала, — Леа говорила, пытаясь остановить истерический припадок.

— У нас нет времени, нужно идти.

Брайан с трудом поднялся на ноги, предварительно ухватив свою поклажу. Взглянув на горизонт в направлении своей линии, он не увидел никаких ориентиров, кроме дюн. Тогда он помог Леа встать и медленно пошел.

— Подождите, — сказала она ему вслед. — Куда мы идем?

— В этом направлении, — ответил он, показывая. — Я надеялся на ориентиры, но тут их нет. Придется идти по солнцу. Если не дойдем до ночи, звезды покажут нам направление.

— И это все на пустой желудок? Как насчет завтрака? Я голодна и хочу пить.

— Еды нет, — он нашел фляжку и встряхнул. Та была пуста до половины. — А воды мало, и она нам потребуется позже.

— Мне она нужна сейчас, — коротко сказала девушка. — У меня рот, как грязная пепельница. Я суха, как бумага.

— Один глоток, — сказал он после некоторого колебания. — Это все, что у нас есть.

Леа проглотила воду с закрытыми глазами, а Брайан закрыл фляжку и уложил в узел, даже не коснувшись воды. Прядявшись на первую дюну, они уже были покрыты потом.

Пустыня была безжизненна, и лишь двое людей двигались под безжалостным солнцем. Тени бежали перед ними, постепенно укорачиваясь, жара усиливалась. Леа даже не представляла себе, что такое возможно: обжигающие лучи буквально давили на нее. Одежда пропиталась потом, солевые ручейки заливали глаза. Свет и жара мешали смотреть, и она шла, полузакрыв глаза и опираясь на руку Брайана, который, казалось, не обращал внимания на жару и прочие неудобства.

— Интересно, можно ли есть эти штуки? Может, в них содержится вода? — Хриплый голос Брайана вывел ее из оцепенения. Леа заморгала и увидела на вершине дюны кожистые предметы. Трудно было сказать, растение это или животное. Они были размером с человеческую голову, сморщенные, обтянутые серой кожей и усеянные толстыми шипами. Брайан пнул одно из них, и на мгновение показалось беловатое дно, похожее на корнеплод. Предмет покатился вниз, потом остановился, углубившись в песок. В момент пинка что-то острое высунулось из него, ударило в ботинок Брайана и вновь спряталось. На прочном пластике ботинка осталась царапина с пятнами зеленоватой жидкости.

— Должно быть, яд, — сказал он, чистя ботинок о песок. — Не стоит задерживаться без причин. Идемте.

Незадолго до полудня Леа упала. Она хотела идти дальше, но тело не повиновалось ей. Тонкие подошвы ботинок больше не защищали от жара песка, и ноги сильно болели; воздух, который она хватала ртом, вливался вовнутрь, как раскаленный металл, иссушая и обжигая. Каждый удар сердца гнал кровь к ране на голове, пока ей не начало казаться, что у нее раскалывается череп. Она почти разделась, несмотря на предупреждение об ожогах, но спасения от нестерпимой жары не было.

Горячий песок обжигал колени и руки, но она не могла встать — все силы ушли на то, чтобы не упасть совсем. Потом глаза ее закрылись, перед ними поплыли разноцветные круги.

Брайан, тоже полузакрывший глаза, увидел, как она падает. Подняв на руки, он понес ее, как ночью. Кожа ее приобрела розовый цвет, платье было разорвано, и обнажившаяся грудь поднималась и опускалась в такт дыханию. Вытерев пот с руки, Брайан коснулся ее кожи и ощутил зловещую горячую сухость.

Все симптомы теплового удара были налицо: сухая обожженная кожа, неровное дыхание. Тело ее перестало бороться с жаром, сдалось — температура его быстро поднималась.

Защитить ее от жары было невозможно. Брайан влил часть оставшейся воды ей в рот, и она судорожно проглотила. Тонкая разорванная одежда служила плохой защитой от солнца, и все, что он мог сделать, — это взять ее на руки и продолжать нести. На горизонте показалась скала, дававшая небольшую тень, и он направился к ней.

Песок в тени, защищенный от прямых лучей солнца, казался по контрасту холодным, и, когда он положил на него Леа, девушка открыла глаза. Ей хотелось извиниться за свою слабость, но из пересохшего горла не вырвалось ни звука. Леа казалась, что Брайан раскачивается перед ней взад и вперед на волнах жары, как дерево под напором ветра.

Постепенно глаза и мысли ее прояснились, и она поняла, что он действительно качается. Мышцы его тела вздымались и опалили, жили на шее натянулись, рот был раскрыт, и этот беззвучный крик был ужаснее любого вопля. Затем глаза его затуманились, и он рухнул назничь, как подрубленное дерево. Обморок это или смерть, она не могла сказать. Шатаясь, она поднялась, но не смогла перетащить тяжелое тело в тень.

Брайан лежал на спине под лучами солнца, покрываясь потом, и, видя это, Леа поняла, что он еще жив. Но что с ним происходит? Она рылась в памяти, перебирая все, что знала из медицины, но не могла объяснить происходящего. На каждом квадратном сантиметре его тела потовые железы работали с незерошной активностью. Из каждой поры сочились большие капли маслянистой жидкости, значительно большие, чем обычный пот. Взглянув на руку Брайана, Леа в испуге вскрикнула: каждый волосок на ней стоял дыбом, живая самостоятельная жизнью. Не сошла ли я с ума перед смертью? — мелькнула у нее мысль.

Лающий кашель нарушил ритм его дыхания, а когда прекратился, мужчина задышал тише. Пот все еще покрывал тело, отдельные капли соединялись, образовывая ручейки, стекавшие вниз.

— Я не хотел пугать вас, — сказал Брайан. — Меня схватило внезапно. Сильная встряска организма после болезни. Хотите воды? Еще осталось немного.

— Но что случилось? Когда вы упали...

— Два глотка, не больше, — сказал он, поднеся открытую фляжку к ее губам. — Ничего страшного, всего лишь легкие изменения. На Аларе это происходит с нами ежегодно, но, конечно, не так интенсивно. Зимой наши тела запасают

подкожный слой жира, как изоляцию от холода, а потовыделение почти полностью прекращается. Когда же становится тепло, процесс идет в обратном направлении: жир усваивается, потовые железы начинают работать, чтобы подготовить тело к двум месяцам тяжелой работы, жары и отсутствия сна. Похоже, здешняя жара ускорила во мне этот процесс.

— Вы хотите сказать, что адаптировались к условиям этой планеты?

— Почти. Но все-таки жарковато. Скоро мне понадобится много воды, так что здесь оставаться нельзя. Выдержите ли вы солнце, если я понесу вас?

— Наверное, нет, но и здесь мне не лучше, — голова у нее кружилась и говорила она с трудом. — Все же идемте!

Как только они вышли из тени, солнце обрушилось на нее горячей волной боли, и женщина потеряла сознание. Брайан подхватил ее на руки и двинулся дальше.

Через несколько шагов он почувствовал, что песок тянет его к себе. Он пошел медленнее, и каждая следующая дюна казалась ему выше и круче предыдущей. Из песка торчали сбломки скал, и приходилось их обходить. У основания самого большого останца он увидел узловатый кустарник. Сначала Брайан прошел мимо, но потом остановился, пытаясь понять, что же привлекло его внимание? Что это было? Какое-то отличие, что-то такое, чего он не замечал прежде, проходя мимо кустов.

Повернуть и двинуться назад на непозинующихся ногах было почти невозможно, и он стоял, беспомощно моргая и глядя на растение. Несколько ветвей кустарника были обрублены у самого песка, а обрублены острым лезвием — ножом или топором. Обрубленные ветви были давно мертвы и высохли, но они вызывали в нем слабую надежду. Это было первое доказательство, что на планете действительно живут люди. И если кто-то рубил это растение, значит, оно было полезно. Может — это пища, а может — питье. Руки его задрожали при мысли об этом, и он осторожно опустил Леа в тень скалы. Она не шевелилась.

Нож его был острым, но силы покинули руки. Тяжело дыша пересохшим ртом, они перепилили крепкий ствол, а подняв отрезанную часть, увидел на срезе ручеек жидкости. Подставив ладонь, он наполнил ее соком.

Жидкость была прохладной и быстро испарялась. Конечно, это вода. Он уже хотел выпить, но вместо этого лишь слегка коснулся кончиком языка.

Сначала не было ничего, потом возникла резкая боль, пронизывая глубоко в его тело. Живот судорожно сжался, и его вырвало горькой желчью... Стоя на коленях и борясь с волнами боли, он терял последние силы.

Однако хуже боли было отчаяние. Растение было как-то использовано, наверх есть способ очистки сока, его нейтрализация. Но Брайан — чужек на этой планете и будет мертв задолго до того, как узнает, как это делается.

Ослабленный приступом рвоты, все еще выворачивающей его внутренности, он пытался не думать, насколько близок к концу. Взвалить девушку на спину казалось невозможным, и некоторое время он боролся с искушением оставить ее. Потом, продолжая обдумывать это, поднял и двинулся вперед. Каждый шаг требовал усилий. Почти теряя сознание от боли, он поднялся на вершину дюны и изумленно уставился на дисанца, стоявшего в нескольких футах от него.

Оба были одинаково изумлены встречей. Какое-то время они смотрели друг на друга, не двигаясь, потом Брайан уронил девушку и вынул из кобуры пистолет. Дисанец извлек из-за пояса трубку и поднес ее ко рту.

Однако Брайан не выстрелил. Погибший друг научил его проникновению в чужие чувства, и теперь он решил попробовать. Он почувствовал страх и ненависть дисанца, но над всем этим преобладало желание не стрелять, а посоветоваться. Чтобы избежать трагической развязки, нужно было действовать немедленно. Резким движением он швырнул пистолет в сторону.

И в ту же секунду пожалел об этом. Рисковать жизнью, рассчитывая на понимание, в котором не уверен... Пистолет уже лежал на песке, и дисанец продолжал держать трубку у рта. Некоторое время он оставался в такой позе, потом оценил поступок Брайана и сунул трубку за пояс.

— У тебя есть вода? — спросил Брайан. Звуки дисанской речи ранили его горло.

— Есть, — ответил дисанец, по-прежнему не двигаясь. — Кто вы? И что здесь делаете?

— Мы с другой планеты. У нас был... несчастный случай. Нам нужно попасть в город. Вода...

Дисанец взглянул на потерявшую сознание девушку и решился. Через плечо у него висел зеленый предмет, который Брайан уже видел на снимке. Дисанец снял его с плеча, и тот зашевелился в его руках. Он был живой, длиной около метра и походил на отрубленную часть лозы, лишленную листьев. Один его конец заканчивался образованием, похожим на цветок. Дисанец достал из-за пояса заостренный крючок, сунул его в этот цветок, потом быстрым движением выдернул, и лоза, вздрогнув, обвилась вокруг его руки. Вытащив что-то маленькое и черное, он бросил его на землю, после чего протянул извивающуюся плеть Брайану.

— Поднеси конец ко рту и пей, — сказал он.

Леа больше нуждалась в воде, но он отпил первым, не доверяя этому живому источнику. Отверстие под извивающимся цветком было полно жидкости соломенного цвета, появившейся из тканей. Поднеся конец ко рту, Брайан глотнул — вода была горячей и пахла болотом. Внезапная резкая боль вокруг рта заставила его отдернуть эту штуку. Тонкие белые колючки, выдвинувшиеся из лепестков, были красны от его крови. Брайан гневно повернулся к дисанцу и замер, увидев его лицо: рот туземца окружало множество мелких укусов.

— Веда не любит отдавать воду, но всегда отдает, — сказал тот.

Брайан глотнул еще раз, потом поднес веду ко рту Леа. Женщина застонала, не приходя в себя, губы ее рефлекторно потянулись к влаге. Когда она напилась, Брайан осторожно выдернул колючки из ее губ и еще раз отпил сам. Дисанец сидел на корточках, без выражения глядя на них. Брайан вернул ему веду, потом прикрыв Леа одеждой и сел в той же позе, внимательно глядя на аборигена.

Неподвижно сидя на корточках, дисанец, казалось, наслаждается отдыхом под палящим солнцем. На его обнаженном теле коричневого цвета не было и следа пота. Единственная одежда — набедренная повязка. А веда вновь висела у него на плече, еще продолжая недовольно корчиться. Вокруг талии размещался тот же набор кожаных, каменных и металлических предметов, которые Брайан видел на снимке. Назначение двух из них теперь было ясно: трубка — своеобразное ружье, а крючком открывают веду. Видимо, остальные предметы странной формы тоже для чего-то служили. Если да, их хозяина нельзя назвать грубым дикарем.

— Меня зовут Брайан. А тебя?

— Тебе незачем знать мое имя. Зачем вы здесь? Чтобы убивать мой народ?

Брайан невольно вспомнил прошлую ночь — начал он действительно с убийства. Ожидание в глазах туземца, надежда, которую тот испытывал, заставили анварца сказать правду.

— Я здесь, чтобы предотвратить убийство ваших людей. Я верю в конец войны.

— Докажи.

— Доставь меня в город, к Установлению Культурных Взаимоотношений, и я докажу это. Здесь, в пустыне, я могу только умереть.

Впервые на лице дисанца появилось какое-то выражение. Он нахмурился и что-то пробормотал про себя. Сейчас, когда он вел борьбу с самим собой, стали заметны капли пота над бровями. Приняв решение, он встал.

— Идите за мной, я доведу вас до Хоустада. Но сначала скажи — вы с Ниджорда?

— Нет.

Безымянный дисанец хмыкнул и отвернулся. Брайан поднял на плечи все еще не пришедшую в себя Леа и пошел за ним. Они шли около двух часов, пока не дошли до большой скалы. Туземец указал на нее.

— Ждите здесь, — сказал он. — За вами приедут.

Он подождал, когда Брайан уложил девушку в тень и в последний раз протянул ему веду. А перед самым уходом нерешительно сказал:

— Меня зовут... Ульа. — и исчез.

Брайан устроил Леа поудобнее и стал ждать. Ничего нельзя было сделать для нее. Если не будет медицинской помощи, она скоро умрет: обезвоживание организма и шок прикончат ее.

Незадолго до захода солнца послышался гул мотора песчаного карз, доносившийся с запада.

С КАЖДОЙ секундой гул становился все громче, и наконец машина, лязгая гусеницами, вывернула из-за скалы. В облаке пыли она остановилась перед ними, и водитель распахнул дверцу.

— Забирайтесь скорее! — крикнул он. — Вы напустите нам жары, — он готов был захлопнуть дверцу и раздраженно смотрел на них.

Не обращая внимания, Брайан осторожно уложил Леа на заднее сиденье и только после этого закрыл дверцу. Кар немедленно двинулся вперед, волна холодного воздуха ударила из включенного на всю мощность кондиционера. В машине было не холодно, но температура градусов на сорок ниже, чем снаружи. Брайан прикрыв Леа одеждой, чтобы защитить ее от дополнительного шока. Водитель, согнувшись над рычагами, вел машину на полной скорости и не говорил ни слова.

Из двигательного отсека в задней части машины вышел худой и седовласый человек с пистолетом в руке.

— Кто вы? — спросил он без тени тепла в голосе.

Это было странное приветствие, но Брайан уже понял, что Дис вообще странная планета. Человек раздраженно закурил губу, видя, что Брайан сидит молча, и, не желая, чтобы раздался выстрел, авансера заговорил:

— Меня зовут Бренд. Две ночи назад мы высадились на планету с космического корабля и шли по пустыне. А сейчас я вам кое-что скажу, только не вздумайте стрелять: и Рион, и Айджел мертвы.

Пистолет дрогнул в руке человека, глаза его расширились. Водитель испуганно оглянулся, потом вконец склонился над рычагами. Проверка, придуманная самим Брайаном, сработала. Если даже эти люди не из Установления, они знают о нем. Впрочем, лучше, чтобы они были из УКВ.

— Когда их застрелили, мы с девушкой спаслись и попытались добраться до города, чтобы связаться с вами. Вы из Установления, верно?

— Да, конечно, — сказал человек, опуская пистолет. Некоторое время он смотрел в пространство пустым взглядом, потом, словно испугавшись своей небрежности, вновь поднял оружие.

— Если вы Бренд, то должны кое-что знать, — порывшись свободной рукой в нагрудном кармане, он достал желтый листок, шевеля губами, перечитал запись. — Ответьте мне, если сможете, каковы три последних испытания в... — он снова заглянул в бумажку, — в Играх.

— Шахматный турнир, стрельба из положения лежа и фехтование.

Человек усмехнулся и удовлетворенно сунул листок в карман, а пистолет — в кобур.

— Меня зовут Фоссел, — сказал он, протягивая листок Брайану. — Это последняя воля и завещание Айджела, переданное нам с блокирующей ниджорской эскадры. Он предполагал, что идет на смерть, и оказался првз. Свою должность он передал вам. Я был заместитель Мерва, пока его не убили, потом Айджела, а теперь, по-видимому, ваш заместитель. По крайней мере, до завтра, когда мы упакуем вещи и уберемся с этой проклятой планеты.

— Почему завтра? — спросил Брайан. — Ведь до срока еще три дня, и есть возможность выполнить свою работу.

Фоссель, уже опустившийся на сиденье, теперь снова вскочил и ухватился за поручень, чтобы удержать равновесие в качающейся машине.

— Три недели, три дня, три минуты — какая разница? — с каждым словом голос его поднимался все выше и выше. Сделав видимое усилие, чтобы овладеть собой, Фоссел продолжал:

— Слушайте, вы ничего об этом не знаете. Вы только что прибыли, и в этом ваша удача. Я же здесь давно и слежу за отвратительными поступками, которые совершают туземцы, пытаюсь быть с ними вежливыми, даже когда они убивают моих друзей. А ниджорцы наверху ждут, держа руку на рычаге бомбосбрасывателя. И если один из них, задумавшись о доме и кобальтовых бомбах внизу, нажмет рычаг до срока...

— Садитесь, Фоссел, садитесь и отдохните, — в голосе Брайана звучало участие, но вместе с тем это был приказ. Поставив еще секунду, Фоссел упал на сиденье. Отвернувшись к окну, он закрыл глаза. На виске у него пульсировала жила, губы дрожали: он слишком долго выдерживал огромное

напряжение.

Когда они добрались до здания УКВ, там царило отчаяние, Единственным человеком, не разделяющим его, был врач, торпливо утешивший Леа в клинику. Очевидно, у него было много пациентов, и он был слишком занят, чтобы отчаиваться. У остальных безошибочно определялась депрессия.

Пужинав, Брайан с Фосселом отправились в кабинет Айджела. Сквозь прозрачную стену было видно, как упаковывали записи, готовя их к погрузке на корабль. Не будучи уже руководителем, Фоссел несколько успокоился, а Брайан после всего увиденного отказался от намерения рассказать ему, что является новичком. Ему понадобится власть, поскольку его явно возненавидят за то, что он собирался делать.

— Запишите, Фоссел, и распорядитесь напечатать — печатное слово имеет больший вес. Итак: «С этой минуты подготовку к эвакуации прекратить. Все остаются здесь до тех пор, пока ниджорцы разрешат отлет. Если операция не удастся, мы улетаем, забрав только личные вещи, которые можно унести в руках; все остальное останется здесь». Возможно, вы не совсем понимаете: мы здесь, чтобы спасти планету, а не заполнять кабины ненужными бумагами.

Краем глаза он заметил, что лицо Фоссела вспыхнуло от гнева.

— Как только отпечатаете, принесите мне. И захватите все доклады, на которых основан проект. Пока это все.

Фоссел вышел, и минуту спустя до Брайана донеслись гневные возгласы работающих на упаковке. Повернувшись к ним спиной, он принялся рассматривать ящики письменного стола. Верхний был пуст, если не считать запечатанного конверта, адресованного Айджелу.

Брайан задумался, потом вскрыл. Внутри находилось письмо, написанное от руки.

«Айджел!

Я получил официальное согласие на замену и хочу сказать, что испытываю большое удовлетворение. У вас богатый опыт жизни на этой, проклятой богами планете, и вы вполне справитесь с помощью моих записей. Последние двадцать лет я специализировался как исследователь, и единственной причиной, по которой ниджорцы попросили назначить меня руководителем операции, были мои исследовательские способности и опыт. Я ученый, а не чиновник — надеюсь, никто не станет этого отрицать.

У вас будут неприятности с сотрудниками, и вы должны понимать, что все они — принудительные добровольцы. Часть из них религиозна, другие оказались здесь вообще случайно. Катастрофа обрушилась так внезапно, что никто не был к ней готов. Боюсь, мы сделали слишком мало, чтобы остановить ее. Во взаимоотношениях с туземцами мы не добились никакого прогресса — и это ужасно! Я рассчитал дистрибуцию Пуассона, учитывая дюжину различных факторов, но ничего не получилось. Экстраполяция Парето здесь вообще не действует. Наши агенты не могут даже разговаривать с туземцами, двое из них при попытке сделать это, были убиты. Правящий класс недостижим, а остальные держат рот на замке и просто уходят.

Я попробую поговорить с Лиг-маггом, может, это поможет. Если я вернусь обратно, вы не получите этого письма, если же нет — прощайте, Айджел. Постарайтесь выполнить работу лучше меня.

Астон Мера,

P. S. Считается, что мы здесь как спасатели, но все без исключения сотрудники ненавидят дисанцев. Боюсь, что я тоже».

Брайан подчеркнул основные мысли письма. Придется выяснить, что такое экстраполяция Парето, и не раскрыть при этом своего невежества. Сотрудники разбегутся через пять минут после того, как узнают, что он новичок.

О дистрибуции Пуассона он имел понятие. Она применялась в физике, как неизменная вероятность событий, происходящих в любой момент времени. Например, как в период полураспада радиоактивных веществ. Из контекста, в котором использовал его Мера, следовало, что ученые нашли такие же неизменные явления в жизни общества и его социальных групп. Во всяком случае, на других планетах. На Дисе, по крайней мере, законы не действовали, и смерть Мерва показывала это. Интересно, подумал Брайан, кто такой Лиг-магг? Все говорило о том, что именно он убил Мерва.

Из задумчивости его вывел чей-то кашель, и, подняв г-

лову, Брайан понял, что Фоссел уже несколько минут стоит перед его столом. Анварец смахнул испарину со лба.

— Я вижу, ваш кондиционер не в порядке, — сказал Фоссел. — Прислать механика?

— Машина исправна, это я приспособляюсь к климату Диска. Что вы хотели, Фоссел?

Во взгляде помощника было сомнение, и он не пытался этого скрыть.

— Вот доклады, — сказал он, кладя на стол несколько папок. — Здесь все, что мы знаем о дисанцах. Не очень много, но, учитывая условия этой вшивой планеты, большего мы и не могли добиться, — внезапно глаза его сузились. — Сотрудники недоумевают по поводу туземца, который обратился к нам. Как вам удалось убедить его помочь? Мы не можем даже разговаривать с ними, а вы, едва приземлившись, заставили одного работать на себя. Вы не можете запретить людям думать об этом. В конце концов это выглядит несколько странно... — он замолчал под яростным взглядом Брайана.

— Я не могу заставить людей не думать об этом, но могу приказывать им не говорить. Наша работа заключается в том, чтобы вступить с дисанцами в контакт и предотвратить самоубийственную войну. Я за один день сделал больше, чем вы все за это время, и это — единственное объяснение, которое я могу дать. Вы свободны.

Бледный от гнева, Фоссел повернулся и вышел — рассказывать о том, как груб новый директор. Они все возмущаются Брайана Бренда, но к этому анварец и стремился. Нельзя рисковать выдать себя. Возможно, новое чувство развеет атмосферу поражения и подтолкнет их к новым действиям.

Впервые с момента вступления на эту планету у Брайана появилась возможность остановиться и подумать. Он взял на себя слишком много, ничего не зная ни о самом мире, ни о силах, которые участвуют в конфликте. Сейчас он сидел, претендуя на руководство организацией, о существовании которой услышал всего несколько дней назад. Может, следовало отказаться?

Единственно возможный ответ — нельзя. Пока он не найдет человека, который выполнит эту работу лучше него, он единственный кандидат для этой должности. То же самое утверждал и Айджел, а Брайан чувствовал его уверенность.

Пусть все остается как есть, а о приступе малодушия можно забыть. Кроме всего прочего, Айджел верил в него, и он должен оправдать это доверие.

Приняв решение, Брайан почувствовал облегчение. На столе перед ним стоял интерком, и новый директор нажал кнопку с надписью «Фоссел».

— Слушаю, — даже через аппарат в голосе Фоссела чувствовалась холодная ненависть.

— Кто такой Лиг-магт? И вернулся ли прежний директор со встречи с ним?

— Магт — это титул, примерно соответствующий дворянину или лорду. Лиг-магт — местный предводитель дворянства. У него каменная крепость в городе, и он является глашатаяем группы магтов, подготовивших эту безумную войну. Что касается второго вопроса, я не могу ответить на него ни да, ни нет. На следующее утро мы нашли у входа голову директора Мерва. Кожа с нее была снята, и мы узнали кто это только по коронкам во рту. ПОНЯТНО?

Попытка самоконтроля сорвалась, и Фоссел буквально выкрикнул последнее слово. «Они все тут на грани безумия», — подумал Брайан и быстро сказал:

— У меня все. Скажите доктору, что я хочу поговорить с ним, как только он освободится...

Он прервал связь и открыл первую папку. К тому времени, как его вызвал доктор, он просмотрел уже все папки, не углубляясь в детали. Надев теплую одежду, он прошел через двор мимо группы рабочих, которые молча повернулись к нему спинами.

У доктора Стайна была розовая сверкающая лысина и большая черная борода. Брайану он сразу понравился. Нужно иметь твердый характер, чтобы сохранить бороду в таком климате.

— Как ваш новый пациент, доктор?

— Стайн ухватился за бороду толстыми пальцами.

— Диагноз: тепловой обморок. Прогноз: полное выздоровление. Состояние слабое, учитывая обезвоживание организма и сильные ожоги. Она едва избежала теплового удара. Сейчас я дал ей успокаивающее средство.

— Мне нужно, чтобы завтра утром она мне помогла. Это возможно? Может, какие-то стимуляторы или наркотики?

— Возможно. Но мне это не нравится.

— Это необходимо, доктор. Через 70 часов вся планета будет уничтожена. Чтобы предотвратить это, я готов пожертвовать собой и всеми остальными. Вы согласны?

Доктор порылся в бороде и оглядел Брайана сверху до низу.

— Согласен, — сказал он наконец. — Какое счастье видеть человека, не впавшего в отчаяние! Я с вами.

— Отлично. Тогда вы сможете помочь мне прямо сейчас. Я просмотрел список персонала — среди 28 человек нет ни одного ученого, кроме вас.

— Банда нажимателей кнопок и теоретиков, никто из них не годится для полевой работы.

— Тогда я полностью завишу от ваших ответов, — сказал Брайан. — Это не стандартная операция, и обычная техника теряет здесь свое значение. Даже дистрибуция Пуассона и экстраполяция Парето никому не годятся, — Стайн кивнул, соглашаясь, и Брайан слегка успокоился. Он пытался воскресить свои знания социологии, но напрасно. — Чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь: что это — чисто физическая проблема, что-то связанное с приспособлением дисанцев к их адскому окружению. Может ли это быть связано с их самоубийственным стремлением сворнуть кобальтовые бомбы?

— Вы чертовски правы — может! — Доктор быстро заходил по комнате, сцепив пальцы рук за спиной. — Наконец хоть кто-то понял, что пора перестать рассчитывать на машины и сидеть у экрана в ожидании ответа. Знаете ли вы, как живут дисанцы?

Брайан отрицательно покачал головой.

— Наши дураки считают это отвратительным, я же нахожу великолепным. Они нашли способ соединиться в симбиозе с жизненными формами этой планеты, не брезгуя даже паразитизмом. Понимаете, живой организм способен на все, чтобы выжить. Отращивание — это чувство тех, кто никогда не испытывал настоящей жажды или голода, — Стайн открыл дверь шкафа. — Этот разговор о жажде иссушил меня, — точными экономными движениями он налил в пробирку спирт, добавил его водой и добавил каких-то кристаллов из бутылочки. Потом наполнил два стакана и протянул один Брайану. На вкус оказалось неплохо.

— Доктор, что вы имели в виду, говоря о паразитизме? Разве не все мы паразитируем на низших жизненных формах? Мясо животных, растения и так далее?

— Нет, нет, вы меня не поняли. Я говорю о паразитизме в буквальном значении этого слова. Вы должны понять, что для биолога нет особой разницы между паразитизмом, симбиозом, мутуализмом, комменсализмом, бионтергазией...

— Стоп! стоп! — сказал Брайан. — Для меня все эти слова лишены смысла. Если именно они делают планету такой, как есть, я понимаю чувства сотрудников.

— Это просто разные обозначения одного и того же. Смотрите. В местных озерах живут ракообразные, очень похожие на обычного краба. У них большие клешни, которыми они держат анемоны — животных со щупальцами, не способных к самостоятельному передвижению. Ракообразные размывают этими анемонами, те собирают пищу, а самые большие куски идут крабам. Это — бионтергазия: два существа живут и действуют совместно, однако каждое из них может существовать отдельно и самостоятельно.

Но у того же самого ракообразного есть паразит, живущий под его раковиной, — деградировавшая форма улитки, утратившая способность к передвижению. Это настоящий паразит, получающий от своего хозяина пищу и ничего не дающий взамен. В кишках улитки живут простейшие, питающиеся уже переваренной пищей, однако эти маленькие организмы — не паразиты, как вы могли бы подумать, а симбионты. Они берут у улитки пищу, но в то же время выделения их тел помогают хозяйке переваривать добычу. Теперь вы понимаете? Все эти формы жизни находятся в сложной взаимосвязи.

Брайан сосредоточенно кивнул, потягивая напиток.

— Вот теперь это обрело смысл. Симбиоз, паразитизм и прочее — всего лишь разные способы совместной жизни. И существуют такие взаимоотношения, которые трудно определить.

— Совершенно верно. Жизнь на этой планете настолько

затруднена, что конкурировавшие формы вымерли. Есть лишь несколько видов, охотящихся на других. Сотрудничество — взаимозависимость жизненных форм помогли им выиграть битву за жизнь. Я сознательно употребил выражение «жизненные формы». Местные существа — это нечто среднее между растениями и животными, наподобие наших лишайников. У дисанцев есть существо, которое они называют «веда»; в переходах через пески оно дает им воду. От животного у него рудиментарная способность двигаться, но оно использует фотосинтез и запасает воду, как растение. Когда дисанцы пьют, эта тварь получает их кровь, а вместе с ней необходимые элементы.

— Знаю, — устало сказал Брайан, — пил из одной. Я начинаю понимать, как удалось дисанцам вписаться в этот мир. Это должно было привести к значительным физиологическим изменениям. А не сказало ли это и на их социальной организации?

— Вполне возможно. Впрочем, я высказываю слишком много предположений. Исследователи скажут вам точнее, в конце концов, — это их дело.

Брайан уже изучил доклады о социальной организации дисанцев и не нашел там ничего, имеющего смысл. Это была мешанина непонятных символов и диаграмм.

— Продолжайте, пожалуйста, доктор, — попросил он. — Доклады социологов бесполезны, они явно не заметили какого-то фактора. Вы — единственный из тех, с кем я говорил до сих пор, даете разумные ответы на мои вопросы.

— Ну, хорошо. Я считаю, что тут вообще нет общества, а лишь группа разобщенных индивидуумов. Каждый из них сам по себе в получении пищи от других жизненных форм планеты. Если у них и есть общество, оно ориентировано не на человека, а на другие формы жизни. Местное общество отличается от человеческого, и представители его совершенно обособлены.

— А как насчет маггов, этих представителей высшего класса, которые сооружают замки и являются причиной всех беспокойств?

— Этого я объяснить не могу, — развел руками доктор. — В моей теории есть слабые места, и это — одно из них. Маггы совершенно отличаются от прочих дисанцев. Они кровожадны, не подчиняются разумным аргументам, стремятся к межпланетной войне вместо мира. Это не правители... Во всяком случае, не в нашем понимании, и сохраняют власть, поскольку никто больше ее не желает. Они дают инопланетникам концессию на шахты, тогда как у остальных дисанцев вообще нет представления о собственности. Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что если вы поймете, почему они так отличаются от других, то тем самым найдете решение всех проблем.

Впервые после прибытия на планету Брайан почувствовал прилив энтузиазма. И поверил, что есть приемлемое решение этой задачи. Он осушил свой стакан и встал.

— Надеюсь, доктор, что утром ваша пациентка будет на ногах. Вы должны быть так же заинтересованы в разговоре с нею, как и я. Если все, что вы говорили, — правда, именно она может найти ключ к решению. Это профессор Леа Морис, и у нее глубокие познания в экзобиологии и антропологии.

— Чудесно! — воскликнул доктор. — Я позабочусь о ее голове не только потому, что она очень хорошенькая.

9

ОХРАННИК у входа в здание Установления подпрыгнул от неожиданности и схватился за сружие, но потом с глуповатой улыбкой отвел руку, поняв, что это всего лишь чих, которого, однако, не постыдился бы и Гаргантюа. Фыркая и кутаясь в свой плащ, вышел Брайан.

— Я ухажу, чтобы не схватить воспаление легких, — сказал он.

Охранник отсалтовал, тщательно проверил экраны ближнего обзора, погасил свет и открыл ворота. Брайан выскользнул, и тяжелая дверь с грохотом захлопнулась за ним. Улица была еще теплой от дневной жары, поэтому он счастливо вздохнул и распахнул плащ.

С его стороны это была реакгносцировка и одновременно попытка согреться. В здании делать было нечего: весь персонал давно ушел спать. Брайан уже поспал два часа и чувствовал теперь себя отдохнувшим и готовым к работе. Все доклады, которые он мог понять, были перечитаны по не-

скольку раз, и сейчас, пока остальные спали, он хотел познакомиться поближе с главным городом Диса.

Идя по темным улицам, он начинал понимать, насколько чужд дисанский образ жизни всему, что он знал. «Хуовстад» на местном языке означало «главное место», и это было все. Городом его делало лишь присутствие инопланетников. Одно за другим тянулись покинутые здания, носившие названия горнорудных, торговых и транспортных компаний. Все они теперь были пусты, хотя кое-где горело освещение, включаемое автоматами. Сооружений, построенных местными жителями, было немного, они казались чужими среди собранных из готовых блоков зданий пришельцев. Брайан осмотрел одно строение с тускло горевшей надписью: «Веганская сталеплавильная компания».

Оно состояло из одного большого помещения с песчаным полом. Окно не было, и здание казалось построенным из какого-то дерева, скрепленного окаменевшим цементом. Дверь была открыта, и он уже хотел было войти, но почувствовал, что кто-то следит за ним.

В обычном состоянии Брайан и не заметил бы слабого звука, затерявшегося в ночи, но сегодня ночью он слушал всем телом. Кто-то шел за ним, прячась в тени. Очень осторожно Брайан двинулся вдоль стены назад. Едва ли это мог быть кто-то, кроме дисанца. Ему вдруг вспомнилась отрубленная голова Мерва, найденная у входной двери.

Айджел помог развить ему способность чувствовать, и сейчас он попробовал применить их. В темноте это было трудной задачей: он не был уверен, уловил ли он что-то, или ему только показалось. Но почему в этом было что-то знакомое? Внезапно его осенило.

— Ульв, — спокойно сказал он, — я Брайан.

— Знаю, — ответил голос из ночи. — Ничего не говори и иди в том направлении, в каком шел до сих пор.

Спрашивать о чем-либо не стоило, и Брайан повиновался. Здание стояли все реже, и вскоре по заскрипевшему под ногами песку он понял, что опять оказался в пустыне. Возможно, это ловушка: голоса он не узнал, так как человек говорил шепотом, но он должен использовать этот шанс. Из темноты появилась темная фигура, и горячая ладонь коснулась его руки.

— Я пойду первым, ты — за мной.

На этот раз говорила громче, и Брайан сразу узнал голос. Не дожидаясь ответа, Ульв повернулся и исчез в темноте. Анварец быстро пошел за ним. Постепенно песок сменился более рвонной почвой, пересеченной оврагами. Пройдя по одному все более углубляющемуся оврагу, они свернули в настоящее ущелье, и тут Брайан заметил впереди слабый желтый свет, сочившийся из отверстия в темной стене.

Ульв опустился на четвереньки и исчез в этом отверстии, задев его края плечами; Брайан последовал за ним, стараясь не обращать внимания на растущее напряжение, которое ощущал. В этой позе, с опущенной головой, он был чрезвычайно уязвим.

Туннель оказался коротким и закончился большим помещением. Внезапно раздался топот ног, и Брайана буквально захлестнула волна ненависти. Требовалось всего несколько секунд, чтобы выбраться из туннеля, обернуться и выхватить пистолет, но за эти секунды он был бы уже мертв... Дисанец, возвышавшийся над ним, взмахнул каменным топором на короткой рукоятки, готовясь разбить ему голову.

Ульв перехватил вооруженную руку, и началась молчаливая борьба. Никто не говорил ни слова, единственным звуком был скрип песка под ногами. Брайан отодвинулся от борющихся и направил на незнакомца пистолет. Глядя на него горящими от ненависти глазами, дисанец выронил топор.

— Зачем ты привел его сюда? — крикнул он Ульву. — Почему не убил?

— Он здесь, и мы можем выслушать его, Гебек. Это тот, о ком я говорил тебе. Я нашел его в пустыне.

— Мы выслушаем его, что он скажет, а потом убьем его, — сказал Гебек. Это было сказано совершенно серьезно, но Брайан понял, что непосредственной опасности нет. Он спрятал пистолет и осмотрелся.

Помещение было куполообразным, и в нем до сих пор сохранялся дневной жар. Ульв бросил кусок ткани, в которую кутался от холода, и остался в набедренной повязке с поясом, полным многочисленных предметов, потом пробороздил что-то неразумительное. Кто-то ответил, и Брайан только тогда заметил женщину и девочку.

Они сидели на корточках у дальней стены, а между ними лежала куча каких-то растений. Обе были обнажены, и лишь длинные волосы слегка прикрывали тело. Девочка была точной копией матери. Опустив стебель, который она жевала, женщина поплелась к крохотному костру, освещавшему комнату. На огне стоял глиняный горшок, женщина взяла три чашки и наполнила их. Пища пахла ужасно, поэтому Брайан старался глотать не жуя и не нюхая. Как и туземцы, он ел пальцами, ничего не говоря во время еды. Эта тишина дала ему возможность познакомиться с бытом дисанцев.

Пещера была искусственной, на твердой глине стен были хорошо видны следы инструментов, создавших ее. Стена, противоположная входу, была покрыта сетью корней, поднимавшихся вверх и исчезающих в потолке пещеры. Тонкие корни были заботливо сплетены вместе, образуя сверху единый корень толщиной с мужскую руку. С него свисали четыре ведра — садясь, Ульв повесил туда и свою. Очевидно, ее зубы впились в корень, потому что висела она без поддержки. Еще одно звено жизненного цикла дисанцев. Похоже, это и был источник воды для ведра, которую затем она передавала людям.

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Брайан поднял голову и улыбнулся девочке. Выражение ее лица не изменилось, а руки и челюсти продолжали двигаться. Она брала стебли, которые подавала ей мать, разделявала их каким-то инструментом, потом отделяла кожуру, которую снимала зубами. Работа была трудной, каждый стебель очищался довольно долго. Как только чистка кончалась, девочка проглатывала стебель и брала следующий.

Ульв поставил свою глиняную чашку и рыгнул.

— Я привел тебя в город, как и обещал, — сказал он. — А выполнил ли ты свое обещание?

— Что он обещал? — спросил Гебек.

— Остановить войну. Ты остановил ее?

— Я пытался, — ответил Брайан, — но это не из легких. Мне нужна помощь. Ваши жизни нужно спасать, ваши и ваших семей. Если вы можете мне...

— В чем состоит правда? — прервал его Ульв. — Все говорят по-разному, и невозможно понять, кто прав. Мы издавна поступали так, как говорили магты. Мы приносили им пищу, а они давали нам металл и воду. Они говорили, что пока мы делаем так, нас не убьют. Они живут неправильно, но я получал от них бронзу для инструментов, а еще они сказали, что отберут для вас землю у небесных людей. И это хорошо.

— Всем известно, что небесные люди — зло! Их нужно убивать! — прогремел Гебек.

— Тогда почему ты не убил меня, Ульв? — спросил Брайан, глядя на дисанца.

— Я мог бы убить тебя, но есть вещи более важные. В чем состоит правда? Можем ли мы верить тому, во что верили всегда, или должны слушать это?

Он протянул Брайану кусок пластика размером не больше ладони. В углу имела маленькая ручка, а рядом с ней рисунок. Брайан поднес пластину к свету и увидел изображение человеческой руки, двумя пальцами поворачивающей выключатель. Это была короткая запись, механической энергии, от поворота ручки было достаточно для воспроизведения. Пластика завибрировала, и послышался голос.

Он был тихим, но слова звучали вполне отчетливо. Запись представляла собой призыв к дисанцам не слушать магтов. Голос объяснял, что магты стремятся к войне, которая может иметь только один исход — уничтожение Диска. Только если магтов низвергнут, а их оружие обнаружат, останется надежда.

— Эти слова правдивы? — спросил Ульв.

— Может, они и правдивы, — сказал Гебек, — но мы ничего не можем сделать. Когда эта говорящая пластинка упала с неба, ее нашли мы с братом. Брат пришел к магтам и рассказал обо всем, а они убили его. Они убьют и нас, если узнают, что мы слушаем эти слова.

— А пластинка говорит, что мы умрем, если будем слушать магтов! — выкрикнул Ульв. В его голосе не было гнева, а лишь напряженное желание разобраться в противоречивых суждениях.

— Эти слова правдивы, — сказал Брайан. — Вы можете остановить войну, не принеся вреда ни себе, ни магтам.

— Научи нас, — согласился Ульв.

— Войны не будет, если удастся встретиться с магтами

и убедить их. Расскажите мне, как...

— Никто не может разговаривать с магтами, — прервала его женщина. — Если ты скажешь то, с чем они не согласны, тебя убьют, как убили брата Гебека. Таковы уж они есть. И не меняются, — она положила стебель, который размягчала, в рот девочке. От работы, которой она занималась всю жизнь, на губах ее образовался желобок, а передние зубы были стертые до основания.

— Мор права, — сказал Ульв. — Ты не сможешь говорить с магтами. Что еще можно сделать?

Брайан взглянул на мужчин, с которыми разговаривал и переменял позу. При этом пальцы его коснулись рукоятки пистолета.

— У магтов есть бомбы, которыми они хотят уничтожить Ниджорд, — это другая планета, звезда на вашем небе. Если я смогу найти эти бомбы и обезвредить, войны не будет.

— Ты хочешь, чтобы мы помогли небесным дьяволам, выступая против своей планеты? — закричал Гебек, приставив. Ульв заставил его сесть, но, когда заговорил сам, в его голосе не было тепла.

— Ты просишь слишком много. А теперь уходи.

— Но вы можете мне? Помогите остановить войну? — настаивал Брайан, чувствуя, что зашел слишком далеко, но не в силах остановиться. Гнев мог заставить их забыть, почему он здесь.

— Ты просишь слишком много, — повторил Ульв. — Уходи. Поговорим об этом после.

— Как мне связаться с тобой?

— Мы придем сами, если захотим поговорить.

Если они решат, что он лжет, он их больше никогда не увидит. Но делать было нечего.

— Я решил, — сказал Гебек, вставая и набрасывая на плечи накидку. — Ты лжешь, и все твои рассказы о небесных людях — ложь. Если я встречу тебя еще раз — убью... — Он протиснулся в туннель и исчез.

Говорить больше было не о чем. Брайан прополз по туннелю, проверив сначала, действительно ли ушел Гебек. Ульв проводил его до места, откуда были видны огни Хоувстада. Весь обратный путь он не сказал ни слова и так же молча исчез в темноте. Идя по улицам города, Брайан дрожал от холода и плотнее кутался в одежду.

Уже светало, когда он подошел к зданию Установления. У входа стоял новый охранник, и ни угрозы, ни уговоры не заставили его открыть ворота, пока вниз не спустился Фоссел, зевая от сна. Он начал было извиняться, но Брайан прервал его, приказав приниматься за работу. Чувствуя прилив бодрости, сам он заторопился в свой кабинет, но, войдя в него, выругался: кондиционер устроил в комнате холодильник.

Вошел Фоссел, все еще зевая в кулак, — очевидно, он лучше работал вечером, нежели утром.

— Пока вы еще держитесь на ногах, идите-ка и приготовьте кофе, — сказал Брайан. — Две чашки. Я тоже выпью.

— В этом нет необходимости, — сказал, выпрямляясь, Фоссел. — Если хотите, я могу распорядиться... — Голос его был холоден, как лед.

В приливе энтузиазма Брайан забыл о кампании ненависти, которую развязал против себя. Снова входя в роль, он коротко сказал:

— Приведите себя в порядок, и, если зевнете еще раз, в вашем личном деле появится соответствующая запись. А сейчас расскажите мне о ваших взаимоотношениях с дисанцами. Как они воспринимают вас.

Фоссел подавил зевок.

— Думаю, они смотрят на людей из УКВ, как на простаков. Из поколения в поколение их учат ненавидеть чужеземцев, и по их примитивной логике мы тоже должны ненавидеть местных жителей или убираться. Однако мы остаемся и даем им пищу, воду, медикаменты, другие изделия. Из-за этого они нас не трогают. Полагаю, они считают нас слабыми и оставляют в покое, пока мы не причиним им неприятностей, — он отчаянно боролся с собой, и Брайан отвернулся, давая ему возможность зевнуть.

— А ниджордцы! Что они знают о нашей работе? — Брайан смотрел в окно на пыльные здания, окрашенные солнечными лучами.

— Ниджорд — планета коллективная, и на всех ее исполнительных уровнях люди полностью осведомлены. Они помогают нам, чем могут.

— Пришло время попросить их о большем. Могу я связаться с командиром блокирующего флота?

— У нас с ними прямая связь. Сейчас я выключу, — Фоссел склонился над столом и набрал условный номер. Экран засветился.

— Вы свободны, Фоссел, — сказал Брайан. — Разговор будет секретным. Кстати, как зовут их командира?

— Профессор Крафт, он физик. У них вообще нет военных, в он возглавлял создание бомб и энергетического оружия и потому был назначен на эту должность.

Командир-профессор был очень стар и седовлас.

— Вы, должно быть, Брайан Бренд, — сказал он. — Примите наши соболезнования по поводу смерти Айджела и двух других людей. Они умерли, помогая нам. Уверен, вы были счастливы, имея таких друзей.

— Э-э... да, конечно, — сказал Брайан, собирая разбужившие мысли. Потребовалось некоторое усилие, чтобы вспомнить первую стычку, — теперь его беспокоила судьба всей планеты. — Вы очень добры, говоря так, но мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

— Все, что угодно, мы в вашем распоряжении. Однако прежде чем мы начнем, я хотел бы поблагодарить вас за помощь. Даже если мы будем вынуждены сбросить бомбы, мы никогда не забудем, что ваша организация сделала все возможное, чтобы предотвратить разрушения.

В первый момент Брайан решил, что Крафт лицемерит, но потом понял свою ошибку: гуманизм этого человека был совершенно очевиден. Непременнo нужно добиться окончания войны без уничтожения одной из сторон. Интересно будет посетить Ниджорд и посмотреть, каковы эти люди дома.

Профессор Крафт терпеливо ждал, пока Брайан собирался с мыслями.

— Я все еще надеюсь, что события можно будет вовремя остановить. А теперь то, о чем я хотел поговорить с вами. Мне нужно увидеться с Лиг-маггом, и лучше иметь для этого законный повод. У вас есть с ним связь?

Крафт покачал головой.

— Пожалуй, нет. Когда все это началось, я послал ему передатчик, чтобы мы могли беседовать напрямую, но он лишь изложил ультиматум, говоря от имени всех маггов. Единственное условие, которое он поставил, — безоговорочная капитуляция. Его передатчик в порядке, но он сказал, что желает получить лишь один ответ.

— Вряд ли он его получит, — задумчиво сказал Брайан.

— Шансы на это есть, вернее, были. Надеюсь, вы понимаете, что решение бомбить Дис далось нам с трудом. Множество людей — и я в том числе — голосовали против. нас победили лишь незначительным большинством голосов.

Брайан попытался представить себе такой философский взгляд на жизнь.

— Есть ли еще ваши люди на планете? Есть ли здесь войска, которые я мог бы призвать на помощь? Конечно, вероятность этого мала, но, если я сумею узнать, где находятся бомбы или установка джамп-режима, неожиданное нападение может решить все.

— В Хоувстаде у нас не осталось никого — все, кто не был эвакуирован, мертвы, — но на планете есть отряды командос, оставленные на случай обеспечения посадки, если оружие будет найдено. Кроме того, мы отправили на поиски добровольцев-техников, но до сих пор ничего не найдено, а большинство из них погибли после приземления, — Крафт на секунду заколебался. — Есть еще одна группа, о которой вы должны знать. В пустыне возле города есть наши люди. Официально им запрещено находиться здесь, хотя они и пользуются сильной поддержкой общественности. В большинстве своем — это молодые люди, пытающиеся отыскать оружие, применяя силу.

Это была лучшая из новостей, но понять это по лицу Брайана было невозможно. По-прежнему спокойно он сказал:

— Не знаю, можно ли рассчитывать на совместные действия с ними, но на всякий случай скажите, как с ними связаться.

Крафт слегка улыбнулся.

— Я дам вам длину волны, на которой с ними можно переговориваться. Они называют себя «нидзорская армия». Их дела и так достаточно плохи, и переговоры едва ли ухудшат их. Один из наших техников обнаружил в планетной коре следы джамп-излучения — очевидно, дисанцы испытывают свою установку. Должен сообщить вам, что начало операции

передвинуто на один день, то есть в вашем распоряжении не более двух суток, — лицо его выражало сочувствие. — Мне очень жаль: это сделает вашу работу еще более трудной.

Брайану не хотелось думать о потере целого дня из своего и так ограниченного запаса времени.

— Вы сообщили об этом дисанцам?

— Нет. Решение было принято за несколько минут до того, как вы меня вызвали. Сейчас его передадут по радио Лиг-магту.

— Можете ли вы отменить эту передачу и позволить мне передать сообщение лично?

— Могу, — Крафт на мгновение задумался, — но для вас это будет означать смерть от рук этих людей. Они убьют вас, не задумываясь. Думаю, лучше послать сообщение по радио.

— Этим вы помешаете осуществлению моих планов, а может, вообще разрушите их. Разве я не волен распоряжаться собственной жизнью?

Впервые с начала разговора профессор Крафт почувствовал себя неуютно.

— Жаль... очень жаль. Впутавшись в эти ужасные дела, я утратил возможность рассуждать. Конечно, вы можете поступать, как хотите, — я и не думал удерживать вас, — он повернулся и сказал кому-то, невидимому на экране: — Передача отменяется... — потом Брайану: — Но вся ответственность ложится на вас. Мы желаем вам удачи. Конец связи.

— Конец связи, — подтвердил Брайан, и экран потемнел.

— Фоссел, — сказал он в интерком, — дайте мне лучший кар, водителя, знающего местность, и двух человек, умеющих держать в руках оружие и знающих, что такое приказ. Мы приступаем к активным действиям.

10

— **Э**ТО самоубийство, — пробормотал высокий охранник.

— Мое, а не ваше, так что не беспокойтесь, — огрызнулся Брайан. — Ваша задача — помнить приказ и точно выполнять его. А теперь повторите приказ.

Глядя в сторону, человек монотонно произнес:

— Пока вы будете в этом каменном столбе, мы остаемся в кара и держим двигатель включенным. Мы никого не подпускаем к кару, не выходим, что бы вы ни услышали или ни увидели, и ждем вас здесь. В случае вызова по радио мы выходим с оружием и обстреливаем замок. Но это в крайнем случае.

— Как бы нам не пришлось использовать этот крайний случай, — сказал второй охранник, разглядывая свое оружие.

— Повторяю: в крайнем случае, — гневно сказал Брайан. — Если хоть один выстрел будет произведен без моего разрешения, вы заплатите своими жизнями. Мне нужно, чтобы вы ясно поняли, что находитесь здесь для охраны тыла и как прикрытие. Эта операция моя и только моя, пока я сам не вызову вас. Понятно?

Он подождал, пока все трое кивнули, затем проверил обойму своего пистолета — полна. Впрочем, один пистолет все равно не спасет, так что идти нужно безоружным. Он отложил его в сторону. Передатчик, закрепленный на воротнике, работал и давал достаточно сильный сигнал, который мог пробиться сквозь каменные стены. Брайан снял плащ, распахнул дверь и ступил в опалющую ярость дисанского полдня.

Тишину пустыни нарушало лишь гудение мотора за спиной. Во все стороны до самого горизонта тянулись пески. Крепость была рядом — одинокий массивный столб черного камня. Брайан подошел ближе, ища малейшее движение на стенах, — ничего. Строение, окруженное неровными стенами, хранило угрюмое и угрожающее молчание.

В поисках входа он обошел крепость вокруг — на уровне земли ничего не было. Единственным входом мог служить каменный склон одной из стен; тропа, шедшая по нему, подтверждала это. Брайан мрачно осмотрел склон, затем поднял руки ко рту и громко закричал:

— Я иду! Ваше радио не работает, а я несу послание от нидзорцев, которое вы ждете.

Если не вдаваться в детали, это была правда, но ответа не было — только шелест переносимого ветром песка и гудение двигателя кара. Брайан начал подъем.

Камень под ногами крошился и приходилось внимательно смотреть, куда поставить ногу. Добравшись до верха, он

тяжело дышал, тело его покрывал пот, однако и здесь ничего не было. Стена не окружала какой-то внутренний двор, а была внешней стеной строения, и от нее начиналась куполообразная крыша. Через неравные промежутки виднелись темные отверстия, ведущие вовнутрь. Когда Брайан оглянулся назад, песчаный кар показался ему ярко раскрашенным жуком далеко внизу.

Пригнувшись, он вошел в ближайшее из отверстий. Помещение, в котором он оказался, напоминало комнату из видения сумасшедшего; в высоту оно было больше, чем в ширину, и скорее походило на коридор, чем на комнату. Пол его имел наклон к центру здания, а в конце виднелось темное отверстие. Брайан двинулся вперед. Пройдя несколько полуметрических коридоров, он увидел перед собой свет и пошел туда. В многочисленных комнатах, мимо которых он проходил, была пища, металлические изделия, предметы обычного дисанского обихода. Но не было людей. Свет впереди становился сильнее, а коридор расширялся, приведя наконец в большое центральное помещение.

Это было сердце здания. Все комнаты, коридоры и прочие помещения существовали лишь как подступы к этому гигантскому залу. Грубо обработанные стены окружали круглую площадку и сходились кверху. По форме это был усеченный конус, но без потолка — над головой сверкало горячее синее небо.

В зале стояла группа людей, все они смотрели на Брайана.

Краем глаза он отметил, что у стен стояли бочки, ящики, какие-то механизмы, радиопередатчики, различные тюжи и узлы, но разглядывать все это внимательнее не было времени. Все его внимание сосредоточилось на закутанных людях в надувнутых капюшонах.

Он нашел врага.

Все, происшедшее с ним на Дисе до сих пор, было подготавливающей к этому моменту. Нападению в пустыне, бегство, смертельный жар солнца и песка — все это закалило его и подготовило к главному, начинавшемуся сейчас.

Рефлексы бойца согнули его плечи, и он медленно пошел, готовый отпрыгнуть в любом направлении. Впрочем, пока в этом не было необходимости, опасность еще не стала физической. Глядя на этих людей, Брайан был поражен — никто из них не двигался и не произносил ни звука. Да полно, люди ли это? Они были так закутаны, что видеть можно было только их глаза, лишенные выражения и неподвижные, как глаза змеи, караулящей свою жертву. С тем же отсутствием выражения смотрели бы они на разрываемое жирное тело. За время, пока поднимал и опускал ногу, делая шаг, Брайан понял, что перед ним стоит. Сомнений не было.

Он попытался применить проникновение, понять их интересы, любовь, ненависть, желания, страх — ту волну больших и малых чувств, которая сопровождает все мысли и действия. Чувствитель всегда ощущает ту волну больших и малых чувств, которая сопровождает все мысли и действия. Чувствитель всегда ощущает эту волну, независимо от того, хочет он или нет. Это похоже на то, что видит человек, глядя на раскрытую книгу: он будет видеть буквы, слова, абзацы, даже если не собирает ее вдумываться в их значение.

Но что может увидеть человек, если у книг чистые страницы? Напрасно будет он переворачивать листы в поисках текста — его нет.

Точно так же чисты были магты. Брайан попытался ухватить хоть какое-то чувство, но не было ничего. Либо эти люди полностью лишены чувств, либо способны экранировать их.

Группа в центре зала продолжала смотреть на него. Они ждали, но ожидание их было лишено даже намека на интерес. Он пришел к ним и должен сам объяснить причину. Любые слова с их стороны были излишни, поэтому они просто ждали. Ответственность лежала на нем.

— Я пришел говорить с Лиг-магтом.

Один из людей сделал слабое движение, привлекая внимание к себе. Остальные не шевельнулись.

— У меня для вас сообщение, — Брайан медленно говорил посреди тишины зала и пустоты их мыслей. Нужно было действовать безошибочно. Но как узнать, в чем заключается ошибка? — Как вам, конечно, известно, я — из Установления. Я говорил с людьми Ниджорда.

Тишина продолжалась, и Брайан замолчал. Чтобы составить свое мнение, ему требовались факты, а молчание этих людей ничего ему не давало. Напряжение росло, и наконец Лиг-магт сказал:

— Ниджорцы сдаются.

Никогда прежде Брайан не отдавал себе отчета, как много значат для речи человека эмоции. Произнесенное с воодушевлением, возможно, с энтузиазмом, это предложение означало бы: «Успех! Враг сдаётся!». С восходящей интонацией на конце это был бы вопрос: «Они сдаются?». Однако сейчас ничего подобного не было. Предложение не содержало ничего, кроме отдельных составляющих его слов. Имелось лишь одно сообщение, которое магты готовы были получить от ниджорцев, и, если Брайан принес что-то другое, он их не интересовал.

Это был жизненно важный факт. Если он их не интересует, значит, не представляет для них никакой ценности. Поскольку он пришел от врагов, он сам враг, и поэтому будет убит. Это было логично, а теперь все зависело от логики.

— Вы не можете выиграть войну, а если попытаетесь это сделать — только ускорите свою смерть. — Он старался говорить как можно убедительнее, вместе с тем понимая, что все напрасно. Никто из людей не шевельнулся. — Ниджорцам известно, что у вас есть кобальтовые бомбы, и они засекли вашу джамп-установку. Срок начала действий переведен на день. Осталось всего полтора дня, после чего бомбы упадут, и вы все погибнете. Понимаете ли вы, что это значит?

— Это сообщение? — спросил Лиг-магт.

— Да.

Жизнь ему спасли два обстоятельства. Брайан предвидел, что когда он передаст сообщение, произойдет что-то подобное, и держался настороже. Эта настороженность и рефлекс Победы Игр помогли ему выжить.

От каменной неподвижности Лиг-магт мгновенно перешел к атаке. Прыгнув вперед, он извлек из-под одежды изогнутый обоюдоострый нож и пронзил им то место, где секунду назад находился Брайан.

Не было времени напрягать мускулы и отскакивать, он лишь успел упасть на пол. Лиг-магт бросился на него, целясь ножом, но Брайан зацепил ногой ногу противника и подсек.

С пола они поднялись одновременно, внимательно следя друг за другом. Брайан держал руки перед собой, как поступает безоружный человек, защищаясь от вооруженного. Он был готов отразить нападение с любого направления. Дисанец вдруг наклонился, перебрисил нож из руки в руку и нанес удар в живот.

Лишь крайним напряжением сил и внимания Брайану удалось отбить эту вторую атаку. Лиг-магт сражался с необыкновенной яростью, каждое его движение было смертельно опасно. Если Брайан будет лишь защищаться, исход поединка может быть только один — человек с ножом победит.

Брайан изменил тактику: прыгнув под удар, он схватил руку противника, державшую нож. Резкая боль пронзила его, когда он сжал пальцы, но он не ослабил хватку.

Теперь все решало не искусство борьбы, а сила, добытая упражнениями, или привычка к более высокой гравитации. Вся его сила сосредоточилась в одной руке, ибо в ней он держал свою жизнь, отводя в сторону нож. Как мог, он защищал лицо, хотя ногти противника рвали его тело, и по рукам текла кровь.

Когда Брайану удалось заблокировать и вторую руку Лиг-магта, установилось временное равновесие. Противники стояли нога к ноге, их лица разделяло лишь несколько дюймов. Капюшоны свалились с лица дисанца, и пустые враждебные глаза смотрели прямо на Брайана. От угла его рта тянулся большой белый шрам, создававший впечатление гримасы, но это было не так: лицо вообще ничего не выражало, даже когда боль становилась сильнее.

Брайан побеждал: его больший вес и сила одолевали. Дисанец должен был выпустить нож, когда его рука была согнута к плечу, однако не выпустил, и Брайан вдруг понял, что он никогда этого не сделает.

Стремительная дрожь прошла по телу Лиг-магта, и рука его повисла, вялая и безжизненная, однако пальцы ее продолжали сжимать нож. Дисанец пытался освободить вторую руку, чтобы перехватить ею оружие и продолжить схватку. Ударом ноги Брайан выбил нож и отшвырнул его в сторону.

Здоровой рукой Лиг-магт ударил противника в пах, продолжая сражаться, как будто ничего не произошло. Брайан отскочил в сторону.

— Перестаньте, — сказал он, — вы не сможете победить.

Он повернулся к остальным, смотревшим на неравный бой безо всякого выражения. Никто не откликнулся.

С ужасающей ясностью Брайан понял, что ему придется сделать Лиг-магт также не заботясь о своей жизни, как и о жизни всей планеты. Он будет продолжать нападать, что бы с ним ни сделали. На мгновение перед Брайаном возникло безумное видение дисанца, продолжающего бороться с переломанными руками и ногами. Он будет ползти, катиться и рвать зубами, которые останутся его единственным оружием.

Была лишь одна возможность прекратить это. Брайан сделал ложный выпад, и рука Лиг-магта отошла от тела. Его одежда была тонкой, и сквозь нее можно было видеть очертания живота и грудной клетки с главным нервным узлом.

Это был смертельный удар карате, который Бренд прежде никогда не применял на человеке. Упражняясь, он короткими точными ударами ломал тяжелые доски, сосредоточивая всю силу и энергию тела в ребре ладони... И сейчас рука Брайана глубоко погрузилась в тело противника.

Это было убийство, но не случайное, совершенное в приступе гнева, а убийство, которое одно могло завершить поединка.

Дисанец сложился пополам и рухнул.

Истекая кровью, утомленный борьбой, Брайан стоял над телом Лиг-магта и смотрел на мертвого противника.

11

МЫСЛИ его текли по замкнутому кругу. Все это — лишь небольшая отсрочка, после которой магты быстро и кроваво отомстят. Он испытал мимолетное сожаление, что оставил пистолет, но тут же отбросил эту мысль. Для сожалений не оставалось времени. Нужно было действовать.

Молчаливые зрители стояли в стороне, и Брайан понял, что они не догадываются о смерти Лиг-магта. Только он сам знал смертоносность такого удара. Это их незнание даст ему небольшой выигрыш во времени.

— Он без сознания, но скоро придет в себя, — сказал Брайан, указывая на распростертое тело. Когда их взгляды автоматически последовали за его рукой, он медленно направился к выходу. — Я не хотел этого, но он меня вынудил, не желая слушать объяснений. А сейчас я покажу вам кое-что еще, чего больше нет смысла скрывать.

Он говорил первые приходившие в голову слова, стараясь подольше отвлекать их внимание, и успел пройти через весь зал, причем даже на мгновение остановился, поправил одежду и вытер с лица пот и кровь. Он был уже у самого выхода, когда дисанцы ожили. Один из них наклонился и тронул тело, зыркая и произнес одно-единственное слово: — Мертв!

Брайан не стал дожидаться их реакции. При первых же звуках шагов он нырнул в спасительный проход. Рядом с ним звякнули о стену несколько ножей, он мельком заметил, что один из магтов подносил к губам духовое ружье, но тут изгиб стени скрыл их от него. Он победил по тускло освещенной лестнице, прыгая через три ступеньки.

Толпа, безмолвная и смертоносная, бежала следом. Остановить он их не мог, не было никакой приемлемой хитрости, которую он мог бы использовать, и оставалось изо всех сил бежать тем путем, которым пришел.

Впереди показалась какая-то женщина. Задержись она еще на несколько секунд, и он был бы убит, но она совершила ошибку, выбежав на середину прохода с ножом в руке. Брайан легко увернулся от удара, схватил ее за запястье и дернул в сторону.

Падая, женщина вскрикнула — это был первый человеческий звук, услышанный в этом осяном гнезде. Преследователи были совсем рядом, и он изо всех сил швырнул в них женщину. Они покатались по полу, сбитые с ног ее телом, а Брайан использовал драгоценные секунды, чтобы добраться до верха стены.

Вероятно, имелись и другие проходы, потому что у спуска со стены стоял вооруженный магт, следивший за его приближением. Брайан включил передатчик и закричал: — Тревога! Можете...

Люди в каре, очевидно, ждали его слов, ибо прежде чем оч кончил говорить, шелкнул выстрел, и магт упал, обливаясь кровью. Перепрыгнув через него, Брайан бросился к спуску.

— Следующий я, не стреляйте! — крикнул он.

Охранники пропустили его, а потом обрушили на выход

шквал огня. Во все стороны полетели осколки камня. Брайан не оглядывался, сосредоточившись на том, чтобы спуститься как можно быстрее. С сквозь треск выстрелов пробивался гул двигателя кара. Пристрелявшись, охранники перешли на автоматический огонь, засыпая всю вершину здания смертоносными пулями.

— Прекратить... огонь! — крикнул Брайан, добравшись до подножия. Водитель хорошо знал свое дело, и машина подошла к основанию вместе с анварцем, который тут же прыгнул в дверцу движущегося кара. В приказах нужды не было. Кар развернулся в облаке песка и пыли и на третьей скорости помчался к городу.

Высокий охранник осторожно извлек из одежды Брайана деревянную стрелу и выбросил ее наружу.

— Я знал, что эта штука вас не задела, — сказал он, — иначе вы были бы уже мертвы. Они смазывают свои стрелы ядом, убивающим за двенадцать секунд. Вы счастливо отделались.

Счастливо отделался! Только теперь Брайан начал понимать, насколько ему повезло, что он остался в живых. И получил информацию. Теперь, зная о магтах, он содрогнулся, вспомнив, как один, безоружный, явился к ним в замок. Выжить ему помогло его умение, но счастья в этом было еще больше. Любопытство привело его туда, дерзость и скорость помогли уйти. Он был утомлен, избит и окровавлен, но необычайно счастлив. Сведения о магтах укладывались в теорию, которая могла оказаться разъяснением попытки самоубийства расы. Требовалось лишь немного времени, чтобы окончательно оформить ее.

Внезапно его руку пронзила боль, он подскочил, и мысль оказалась разорванной на куски. Охранник распечатал пакет первой помощи и обработал рану антисептиком. Порез был длинный, но не глубокий. Брайан терпеливо ждал, пока накладывали повязку, затем быстро оделся: работающий кондиционер быстро понижал температуру в каре.

Никто не пытался преследовать их. Когда черная башня скрылась из виду, охранники расслабились, почистили оружие и принялись вспоминать результаты стрельбы. Вся их враждебность к Брайану исчезла, они даже улыбались ему. Впервые со дня прибытия на планету он дал им возможность ответить выстрелом.

Вылазка оказалась небезуспешной — Брайан не сомневался в этом. Теория, сложившаяся в его голове, была необычной, но объясняла все факты. Он рассматривал ее со всех сторон и, если в ней и были какие-то пробелы, не сумел их обнаружить. Дело было за опровержением или подтверждением, и только один человек на Дисе мог сделать это квалифицированно.

Когда он вошел, Леа работала в лаборатории, склоняясь над окуляром микроскопа. На предметном столике лежало что-то маленькое, бесформенное и дрожащее. Услышав шаги, девушка подняла голову и тепло улыбнулась ему. Усталость и боль изменили ее лицо: потемневшая от загара кожа трескалась и шелушилась.

— Я выгляжу ужасно, — сказала она, прижимая ладони к вискам. — Как хорошо промасленный и слегка обжаренный кусок говядины, — она вдруг схватила его за руку, ладони ее были теплые и чуть влажные. — Спасибо, Брайан...

Больше она ничего не сказала. Общество Земли было высокоцивилизованным, способным обсудить любую проблему без эмоций и смущения. Это хорошо во многих случаях, но создает затруднения, когда требуется поблагодарить человека, спасшего тебе жизнь. Когда вы пытаетесь выразить свои чувства, получается нечто, похожее на монолог из исторической пьесы. Однако сомнений в чувствах Леа не было, в этом Брайан был уверен. Не ответив, он только немного задержал ее руку в своей.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, испытывая угрызения совести при воспоминании, что именно по его приказу она встала с постели и занялась работой.

— Должна бы чувствовать ужасно, — ответила она, слабо качнув головой, — но сейчас словно летаю по воздуху. Меня так накачали болеутоляющими и стимулирующими средствами, что я не чувствую собственного веса. У меня отключены нервные окончания, и я хожу, как на двух надувных баллонах. Спасибо, что извлекли меня из этого ужасного госпиталя и разрешили работать.

Брайан признался, что уже пожалел об этом.

— Не жалейте, — сказала Леа, видя огорчение на его лице. — У меня ничего не болит. Временами немного кружится голова, но больше ничего. А здесь работа, ради которой я прилетела. Не могу описать, насколько интересно то, что я наблюдаю. Ради этого стоило поджариться на солнце и вариться в масле.

Она наклонилась к микроскопу и поправила объектив.

— Бедный Айджел был прав, говоря, что для экзобиолога эта планета настоящая находка. Например, эта водоросль похожа на одостомну, но настолько приспособлена для паразитизма...

— Кстати, я кое-что вспомнил, — прервал ее Брайан. — Разве Айджел не говорил, что вы будете изучать и туземцев, а не только их окружение? Все дело тут в дисанцах, а не в местной жизни.

— Но я и изучаю их, — запротестовала Леа. — У дисанцев невероятно развиты всевозможные формы комменсализма. Они настолько тесно связаны с другими жизненными формами, что изучать их можно только вместе с окружением. Сомневаюсь, чтобы они изменились больше, чем эта водоросль, но значительные физиологические сдвиги и приспособления могут явиться объяснением стремления к планетарному самоубийству.

— Может, это и так, хотя сомневаюсь, — сказал Брайан.

— Сегодня утром я предпринял небольшую экспедицию и кое-что узнал.

Только тут Леа обратила внимание на его синяки. Ее затуманенный наркотиками мозг мог следовать лишь по прямой, поэтому сначала она не заметила его повязки и следов драки.

— Я ездил с визитом, — сказал Брайан, предупреждая вопрос, готовый сорваться с ее губ. — За все происходящее ответственны магты, и я хотел посмотреть на них поближе, прежде чем принимать решение. Это оказалось не очень приятно, но я нашел то, что хотел. Они во всем отличаются от обычных дисанцев. Я говорил с Ульвом — туземцем, который спас нас в пустыне, — и мог понимать его. Во многих отношениях он не такой, как мы, — да и не может быть таким, живя в этом пекле, — и все же он, несомненно, человек. Магты — высший класс Диса — полная противоположность ему. Это самая хладнокровная и безжалостная банда убийц, каких только можно представить. Встретив меня, они без всякой видимой причины попытались меня убить. Их одежда, привычки, утварь, обычаи — все отличается от обычных дисанцев. Но самое главное, что магты холодны и бесчеловечны, как рептилии. У них нет эмоций: любви или ненависти, гнева или страха — ничего. Каждый из них просто сумма реакций и жизненных процессов, безо всяких эмоций.

— А вы не преувеличиваете? — спросила Леа. — В конце концов откуда эта уверенность? Маскировку эмоций можно объяснить тренировкой — каждый может научиться скрывать свои чувства.

— Каждый, но не магт. Я не могу сейчас вдаваться в детали, и вам придется принять мои слова на веру. Даже перед смертью они не испытывают ни страха, ни ненависти. Это звучит невероятно, но это так.

Леа попыталась прояснить свой затуманенный мозг.

— Простите, но я сегодня совсем тупая. Если у этих правителей нет эмоциональных реакций, этим можно объяснить их самоубийственную политику. Но объяснение вроде этого вызывает больше вопросов, чем разрешает. Человек не может жить вообще без эмоций.

— Верно, человек не может. Но я считаю, что эти владыки Диса вообще не люди в отличие от остальных дисанцев. Это какие-то чуждые создания — роботы или андромиды, все что угодно, только не люди. Они живут, маскируясь среди нормальных людей.

Сначала Леа улыбалась. Но когда увидела его лицо, настроение ее изменилось.

— Вы это серьезно? — спросила она.

— Абсолютно, хоть и понимаю, что это звучит дико. Но это единственное, что объясняет все факты. Подумайте сами. Прежде всего нужно объяснить полное равнодушие магтов к смерти — своей или чьей-то бы то ни было. Разве это нормально для человека?

— Нет, но я могу предположить множество объяснений, не обращаясь к предположению о чуждой форме жизни. Это может быть результатом мутации или наследственной болезни, которая изменила их мозг.

— А как насчет полного отсутствия у них эмоций? А их манера одеваться, их таинственность? Обычно дисанец надевает набедренную повязку, тогда как магт закутывается полностью. Они живут в своих черных замках и никогда не выходят поодиночке, их мертвецы недоступны осмотру и изучению. Во всех случаях они ведут себя как особая раса, и, я думаю, так оно и есть.

— Допустим на минуту, что ваши предположения справедливы. Сразу возникает вопрос: как они оказались здесь? И почему никто о них ничего не знает.

— Это легко объяснить, — не сдавался Брайан. — На планете не сохранилось письменных документов. После Упадка, когда горстка выживших пыталась наладить здесь свое существование, чужие приземлились и смешались с ними. Когда население стало расти, захватчики поняли, что, оставаясь обособленными, могут сохранить за собой контроль. При этом их отличие не будет замечено.

— Но почему это беспокоит их? — спросила Леа. — Если они настолько равнодушны к собственной смерти, у них не должно быть предубеждения по поводу и общественного мнения. Зачем им такой сложный камуфляж? И если они все-таки прибыли с другой планеты, то что привело их сюда, что заставило здесь остаться?

— Сдаюсь, — сказал Брайан. — У меня нет ответов и на половину поставленных вопросов. Я просто пытаюсь разработать теорию, объясняющую все факты. Магты настолько бесчеловечны, что будут преследовать меня в ночных кошмарах, если я смогу спать в эти дни. Нам нужна большая определенность.

— Тогда действуйте, — сказала Леа. — Я не призываю вас к убийству, но вы могли бы достать похороненное тело. Дайте мне скальпель и одного из этих существ, распростертого на столе, и я быстро скажу, человек он или нет. — Она вновь повернулась к микроскопу и прикинула к окуляру.

Это была единственная возможность разрубить gordиев узел. Когда для всеобщего уничтожения осталось тридцать шесть часов, чья-то отдельная смерть уже не имела значения. Он должен найти мертвого магта или, если это возможно, убить одного из них. Для спасения планеты он готов был пойти и на это.

Он стоял рядом с Леа, задумчиво глядя, как она работает. Ее шея, прикрытая вьющимися волосами, была перед его глазами. С легкостью, возможной только в мыслях, Брайан перешел от смерти к жизни, почувствовал сильное желание погладить это место, почувствовать гладкую поверхность кожи.

Сунув руки поглубже в карманы, он быстро направился к двери.

— Скоро вы сможете отдохнуть, — сказала она напоследок. — Сомневаюсь, что эти жучки дадут вам ответы, поэтому постарайтесь достать более интересный образец.

— Ответ может оказаться где угодно. Я буду здесь, пока вы не вернетесь, — откликнулась она, не отрываясь от микроскопа.

Комната связи была хорошо оборудована и находилась под самой крышей. Брайан мелком видел ее, когда первый раз осматривал здание. Дежурный оператор сидел в наушниках, положив босые ноги на стол, и ел сэндвич, держа его свободной рукой. Увидев Брайана, он заморгал и развил бешеную деятельность.

— Ваша поза меня не волнует, — заметил Брайан, — если из-за своей суетливости вы сломаете аппаратуру, можете считать себя приговоренным к смерти. Взгляните, можно ли настроить передатчик на эту частоту, — он написал цифры на листке бумаги и показал их оператору. Это была частота, которую дал профессор Крафт для связи с террористами — ниджорской армией.

Оператор настроил аппаратуру и протянул Брайану микроскоп.

— Говорит Бренд, директор УКВ. Пожалуйста, отзовитесь, — он повторял это не менее десяти минут, прежде чем получил ответ.

— Что вы хотите?

— У меня важное сообщение для вас и мне нужна ваша помощь. Хотите получить дополнительную информацию?

— Нет. Мы встретимся с вами после наступления темноты. Ждите, — и передатчик замолчал.

До гибели этого мира оставалось тридцать пять часов, а все, что он мог сделать, — это ждать.

12

У СЕБЯ на столе Брайан обнаружил аккуратные папки с бумагами. Усевшись и начав просматривать их, он ощутил вдруг арктический холод, царивший в кабинете. Холод шел от кондиционера, закрытого стальными приваренными пластинами, так что доступа к регуляторам не было. Кто-то недолго подшутил над ним. Брайан поколотил по одной из пластин, пока она не согнулась, потом внимательно изучил внутренности регулирующего устройства и отсоединил провод. Послышался треск, и запахло дымом; кондиционер застонал и выключился.

Позернувшись, Брайан увидел на пороге Фоссела с грудой бумаг. Лицо заместителя выражало искреннее изумление.

— Что в этих папках? — спросил Брайан.

Фоссел положил папки на стол. Добавив их к прежним.

— Доклады всех секций, о которых вы спрашивали. Подробные наблюдения, выводы, приложения и т. д.

— А в этих?

— Межпланетная корреспонденция, накладные, реквизи-ты... — говоря, он подравнивала стопки бумаг, — ...ежедневные рапорты, журнал госпиталя... — голос его замер на высокой ноте, когда Брайан сдвинул грудой папок на край стола и сбросил в корзину для бумаг.

— Одним словом — бюрократизм, — сказал Брайан. — С этим покончено.

Одн за другим доклады наблюдателей следовали за первой грудой, пока стол не очистился. Ничего. Именно этого он и ждал. Оставался шанс, что доклад какого-нибудь специалиста даст ему новый толчок. Но нет, все они были слишком узкими специалистами.

Небось за окном потемнело. Охраннику у входа было приказано впускать любого, кто спросит директора. Делать было нечего, пока ниджорские повстанцы не свяжутся с Брайаном. Раздражение его росло. Может, Леа отыскала что-то важное? Нужно взглянуть.

С чувством приятного ожидания он открыл дверь лаборатории. Микроскоп был зачехлен, девушки не было. Обедает, подумал он, или... в госпитале. Госпиталь был этажом ниже, и сначала он отправился туда.

— Конечно, она здесь, — сказал доктор. — Где еще может быть человек в таком состоянии? Она достаточно поработала сегодня. Завтра последний день, и если вы хотите, чтобы она могла работать до окончания срока, пусть поспит ночь. Нужно отдохнуть всем сотрудникам — они буквально валяются с ног. Я весь день раздавал им транквилизаторы.

— Вас мир валится с ног. Как состояние Леа?

— С учетом того, что она перенесла, — отличное. Можете посмотреть сами, если не верите, у меня же есть другие пациенты.

— Это вас беспокоит, доктор?

— Конечно. Я испытываю страх так же, как и все остальные. Мы сидим на бомбе с часовым механизмом, и мне это не нравится. Разумеется, я буду выполнять свои обязанности, пока это необходимо, но чертовски обреченую, когда нас отсюда вывезут. Единственная штука, о которой я думаю эмоционально, — моя собственная, и, если хотите знать, все сотрудники испытывают то же самое. Нужно смотреть правде в глаза.

— Что я и делаю, — сказал Брайан в спину уходящему врачу.

Комната Леа освещалась лишь дисанской луной, светившей в окно. Войдя, он притворил за собой дверь и, тихо ступая, подошел к кровати. Леа спала, дыхание ее было спокойным и ровным. Сон для нее сейчас лучше любых лекарств.

Ему нужно было уйти, но вместо этого он сел в кресло, стоявшее рядом с кроватью. Охрана знала, где его искать, и он вполне мог побыть здесь.

В мире, стоящем на краю гибели, это было украденное у вечности мгновение покоя. Лицо Леа в лунном свете было молодым и прекрасным, резко контрастируя со смертоносным окружением. Руки ее лежали поверх одеяла, и, повинувшись внезапному импульсу, он взял их в свои. Глядя через окно на пустыню, он позволил миру войти в себя, стараясь забыть, что через пять их жизнь будет сметена с лица планеты.

Когда он вновь взглянул на Леа, глаза ее были открыты, хотя девушка не шевелилась. Брайан убрал руки, чувствуя восторг и вину.

— Хозяин проверяет, готовы ли его рабы к завтрашней

работе? — спросила она. Такого рода замечания она делала и на корабле, но на сей раз оно прозвучало без особой жесткости. К тому же она улыбалась.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Ужасно. К утру точно умру. Дайте мне яблоко из той вазы, а то во рту вкус поношенного ботинка. Хорошо, что здесь есть свежие фрукты — наверное, подарок рабочему классу от улыбающихся убийц с Ниджорда.

Она взяла яблоко и откусила кусок.

— Вы думали когда-нибудь посетит Землю?

— Никогда, — ответил он. — Несколько недель назад я и не собирался покидать Анвар. Игры — настолько значительное событие, что, участвуя в них, вы забываете о существовании всего остального.

— Опять эти Игры, — вздохнула Леа. — Наслушавшись вас с Айджелом, я знаю о них больше, чем хотелось бы. Расскажите лучше о самом Анваре. У вас есть большие города, как на Земле?

— Нет. Для своих размеров у Анвара небольшое население. У нас вообще нет городов. Самые крупные поселения расположены вокруг школ и обрабатывающих фабрик.

— А у вас есть экзобиологи? — спросила Леа с присущей женщинам способностью делать каждую общую проблему личной.

— Наверное, в университетах есть, хотя точно не знаю. Жизнь у нас организована иначе, чем ваша. Основными общественными единицами являются семья и круг друзей, причем друзья важнее, так как семья обычно распадается, когда дети еще достаточно малы. Я думаю, что-то заложено в наших генах, отчего мы предпочитаем одиночество. Вы могли бы назвать это наследственным.

— Интересно, — сказала она, грызя яблоко. — Если это будет продолжаться, вы вообще останетесь без населения. Для продолжения рода нужна некоторая близость.

— Конечно. Однако у анварцев высоко развита личная ответственность перед обществом, и это решает все проблемы. Не имей мы трезвого взгляда на эти вещи, наш образ жизни был бы невозможен... Случайно или по желанию индивидуумы сходятся, и это создает нужную близость.

— Знаете, — сказала Леа, — мне все время кажется, что вы от меня что-то скрываете. Ради бога, будьте определеннее. Возьмите двух гипотетических индивидуумов и расскажите, что с ними происходит.

Брайан глубоко вздохнул.

— Хорошо... Представим человека, только что окончившего университет или школу, — вроде меня. Я живу в большом доме моей семьи, который стоит у края гор, летом присматриваю за стадом, а зимой катаюсь на лыжах и готовлюсь к Играм. Иногда я отправляюсь в гости, иногда навещают меня — дома на Анваре редки и расположены далеко друг от друга. Мы никогда не запираем их, а принимаем гостей и сами приходим в любой дом безо всяких расписов. Принимают всех: мужчин... женщин... Несколько человек или одиночек.

— Какая, должно быть, скучная жизнь у одинокой девушки на вашей ледяной планете. Вероятно, ей все время приходится оставаться дома.

— Только если она сама этого хочет. Она сама может пойти куда угодно, и везде ее примут радушно. Как и любого другого. Кстати, платоническая любовь — очень распространенное явление на Анваре.

— Звучит невероятно скучно. Если вы так холодны, откуда же берутся дети?

Брайан почувствовал, что краснеет.

— Оттуда же, откуда в любом другом месте. Но у нас это не просто рефлекторный процесс, как у кроликов, живущих под одним деревом. Женщина выбирает того, за кого хочет выйти замуж.

— Ваши женщины интересуются только браком?

— Браком и... всем остальным. У нас на Анваре имеется довольно специфическая проблема, вероятно, возникающая на любой планете, где люди адаптируются к местным условиям. Дело в том, что не у всех пар появляется потомство, а, кроме того, очень велик процент выкидышей. Многие дети рождаются только с помощью искусственного оплодотворения. Если вы можете завести ребенка обычным путем — это еще не катастрофа, но большинство женщин жаждет иметь ребенка от собственного мужа. И есть только один способ прова-рить это

Глаза Леа расширились.

— Вы хотите сказать, что еще до брака ваши девушки опережают, может ли их избранный стать отцом?

— Конечно. Иначе Анвар уже столетия назад лишился бы населения. Если мужчина интересуется ею, она говорит ему это. Если нет, он сам никогда не сделает ей подобного предложения. Это не похоже на обычай других планет, но у нас на Анваре именно так. И нас это вполне устраивает.

— На Земле все по-другому, — сказала она, выбрасывая огрызок и облизывая кончики пальцев. — На Земле слишком много людей, а контроль за рождаемостью был установлен поздно, и ему все еще сопротивляются. Земля перенаселена, повсюду кипит толпы: мужчины, женщины, дети. И все вовлечены в великую игру Любви. Мужчины агрессивны, и вы всегда чувствуете на своей шее что-то горячее дыхание. Так что девушкам приходится иметь острые ногти.

— Иметь что?

— Это просто такое выражение, Брайан. Оно означает, что девушка должна быть все время настороже, если не хочет, чтобы ее унесло течением.

— Это звучит... — он подумал, подыскивая слово, но не нашел ничего лучшего, — отаратительно.

— С вашей точки зрения, вероятно, да, но мы так привыкли к этому, что воспринимаем это как норму. Говоря социологически... — она вдруг замолчала и уставилась на него, потом прошептала: — Какая же я дура! Вы говорили не вообще, у вас был вполне определенный объект. Вы имели в виду меня?

— Пожалуйста, Леа...

— Теперь я поняла! — она зашевелилась. — В то время, как я считала вас просто куском льда, вы действовали в лучшем анварском стиле, ожидая знака от меня. Мы бы и дальше продолжали играть в эту игру, не окажись у вас достаточно здравого смысла, чтобы сопоставить наши правила... А я-то считала вас образцом замороженного холостяка... — она подняла руку и провела по его волосам — ей уже давно хотелось сделать это.

— Я был вынужден, — сказал он, стараясь не поддаваться легким прикосновениям ее пальцев. — Я давно думал о вас, но не знал, каковы обычай на вашей планете.

— Ну, теперь-то вы знаете — мужчина наступает, — мягко сказала она. — Хотя, пожалуй, ваш способ нравится мне больше, хотя я мало знаю о нем. Нужно ли объяснить, Брайан, что вы мне нравитесь? Вы самый лучший мужчина из всех, кого я встречала. Сейчас не время и не место говорить о браке, но я хотела бы...

Его руки обняли ее, прижимая к себе, губы их встретились.

— Полегче, — прошептала она. — Мне больно...

13

— Он не хочет входить, сэр, просто стучит и требует: «Передайте Бренду, что я здесь».

— Хорошо, — сказал Брайан, засовывая в кобурку пистолет и идя в карман запасную обойму. — Я ухожу, но к рассвету вернусь. К моему возвращению один из каров пусть будет готов.

На улицах было темнее, чем он ожидал. Брайан сжал рукоять пистолета. Кто-то разбил все фонари по соседству, но света звезд было достаточно, чтобы разглядеть силуэт песчаного кара.

— Брайан Бренд? — спросили из кара. — Садитесь.

Мотор взревел, как только он захлопнул дверцу. Не зажигая фар, машина проследовала через город и вырвалась в пустыню. Здесь скорость увеличилась, но водитель по-прежнему не включал света, каким-то чудом находя дорогу. Местность поднималась, и, достигнув вершины горы, водитель заглушил двигатель.

Щелкнул выключатель, и зажегся свет. Только теперь Бренд смог разглядеть своего спутника. Когда тот шевельнулся, Брайан понял, что он очень мал ростом. Случайность или мутация изогнула его позвоночник, соорудив большой горб. Брайан впервые видел подобную фигуру и с удивлением подумал, сколько усилий стоило медицине сохранить эту жизнь.

Возможно, это уродство объясняло горечь и боль в голове человека.

— Позаботились ли мудрецы с Ниджорда сообщить вам, что на день приблизили начало акции?

— Да, я знаю, — ответил Брайан, — поэтому и просил вашу группу о помощи. Время идет слишком быстро.

Человек что-то пробурчал, глядя на экран радара. Он проверял на всех частотах, не преследуют ли их.

— Куда мы направляемся? — спросил Брайан.

— В пустыню, — водитель неопределенно махнул рукой. — В штаб-квартиру армии. Через день все здесь взлетит на воздух, поэтому могу вам сказать, что здесь наш единственный лагерь. Все кары, люди и оружие сосредоточены здесь, и Хис здесь — это наш руководитель. Какое у вас дело к нам?

— Я буду говорить с Хисом.

— Как хотите, — человек вновь залустил двигатель, и кар двинулся дальше по пустыне. — Только помните, что мы — армия и ведем войну. Идеалисты поймут необходимость этого, когда будет уже поздно. Если бы они подождали нас с самого начала, мы вскрыли бы каждый черный замок на Дисе и нашли эти бомбы. Но как можно, ведь это означает насилие и смерть... А теперь они вынуждены убить всех, — он уставился на прибор, и Брайан отметил напряженность его искаленного тела.

— Еще не все потеряно, — сказал Бренд. — У нас есть целый день, и мне кажется, что я нашел способ остановить войну, не сбрасывая бомбы.

— Вы возглавляете УКВ, верно? Что же вы сможете сделать, когда начнут падать бомбы?

— Ничего. Но, возможно, я сумею предотвратить это. Водитель хмыкнул, но промолчал. Кар начал спуск по усыпанному обломками склону.

— Чего вы хотите? — спросил наконец горбун.

— Осмотреть одного из магтов. Живого или мертвого — не имеет значения. Вам не приходилось захватывать их?

— Нет. Мы часто сражаемся с ними, но всегда в их домах, и они забирают своих раненых и убитых. А что вы хотите с ним сделать? Мертвец ничего не расскажет ни о бомбах, ни об установке.

— Не вижу необходимости объяснять вам, если вы не руководитель. Но ведь вы... Хис?

Водитель гневно фыркнул, продолжая смотреть вперед. Потом спросил:

— Почему вы так решили?

— Назовем это предчувствием, хотя есть и вполне логичное объяснение. Например, вам не часто приходится управлять каром. Конечно, вся ваша армия может состоять из генералов и не иметь ни одного рядового, но я в этом сомневаюсь. Кроме того, известно, что время дорого для всех нас. Это долгая поездка, и для вас было бы напрасной тратой драгоценного времени сидеть в пустыне, ожидая меня, тогда как за это время вы могли составить обо мне свое мнение. Вы уже приняли решение, будете помогать мне или нет. Я прав?

— Да... Я Хис. Но вы не ответили на мой вопрос. Что вы будете делать с телом?

— Мы вскрыем его и хорошенько осмотрим. По моему, магты не люди, а лишь выдают себя за них.

— Замаскированные пришельцы?

— Возможно. Изучение тела должно разрешить вопрос.

— Вы или глупец, или просто невежда, — резко сказал Хис. — Ваш мозг спекся от жары Диса. Я не участвую в этом безумном плане.

— Но вы должны это сделать, — продолжал Брайан, удивленный собственным спокойствием. Он чувствовал, что в глубине души его собеседник заинтригован. — Через день этот мир погибнет, и остановить этого вы не можете. У меня же есть идея, которая может оказаться верной, и вы рискуете упустить единственный шанс. Итак, либо вы — убийца, либо действительно хотите остановить войну. Выбирайте.

— Вы получите тело, — сказал Хис. — Я с вами не согласен, но не вижу вреда в смерти еще одного магта... Мы без труда можем включить эту операцию в наш план. Это последняя ночь, и я разослал всех в рейды. До рассвета мы ворвемся в максимально возможное количество домов магтов. Надежда найти что-то новое, но ничего другого мы сделать не можем. Мой собственный отряд ждет меня, и вы можете присоединиться к нам. Остальные уже ушли. Мы хотим проверить небольшую крепость на этой стороне города, в которой уже побывали однажды и захватили много оружия... Возможно, они решили, что мы туда больше не сунемся. Иногда мне кажется, что у магтов полностью отсутствует воображение.

— Вы даже не представляете, насколько вы правы, — сказал Брайан.

Кар медленно приближался к скале, вертикально поднимавшейся из песка. Сейчас они двигались по камням, не оставляя следов. На приборной доске вспыхнула лампочка, и Хис тут же остановил машину и заглушил двигатель. Они выбрались наружу, дрожа от холода ночи.

В тени скалы было темно, и они с трудом пробирались между нагромождениями обломков. Внезапно вспыхнувший яркий свет заставил Брайана прикрыть глаза рукой. Рядом с ним, на земле, тихо гудел поглотитель энергии, создававший защиту от любых видов излучений. Он накрывал своим полем большое пространство у подножия скалы, казавшееся снаружи абсолютно черным. В этом убежище стояли три открытых кара, огромных и хорошо вооруженных. Когда появились Хис и Брайан, разговоры вокруг смолкли.

— Начинаем выполнение ранее намеченного плана, — сказал Хис. — Грузитесь... Илзовите сюда Телта.

Со своими людьми Хис говорил более мягко. Высокие солдаты-нидждорцы, ростом превосходящие его в два раза, без колебания подчинялись ему. Они были телом нидждорской армии, он — ее мозгом.

Плотный коренастый человек подошел к Хису и приветствовал его взмахом руки. Со всех сторон он был увешан сумками и какими-то электронными приборами, карманы оттопыривались от инструментов и запасных частей.

— Это Телт — мой личный телохранитель, — сказал Хис Брайану. — Во всех наших операциях он участвует со своими приборами и обследует внутренности дисанских крепостей. До сих пор мы не обнаружили джамп-установки или кобальтовых бомб. Пока вы оба бесполезны для нас, но, думаю, сможете помочь друг другу. Берите кар, на котором мы приехали.

Широкое лицо Телта расплылось в улыбку, голос его оказался хриплым и грубым:

— Нужно ждать, и однажды эти стрелки оживут. Тогда все неприятности кончатся. Что я должен делать с этим незнакомцем?

— Обеспечить его трупом одного из магтов, — сказал Хис. — Пройди с ним повсюду и возвращайся сюда, — он нахмурился. — «Однажды эти стрелки оживут...» Когда, ведь это последний декл! — он отвернулся и махнул людям в карах.

— Он мне нравится, — сказал Телт, собирая свой аппарат. — Хис — великий человек, но без моей помощи все равно ничего не найдет. Подайте мне вон тот прибор.

Управляя каром, Телт что-то пробормотал про себя. Потом вдруг замолчал и посмотрел на Брайана.

— Что вы хотите для ДИСА?

— Мира, — ответил Брайан, дремавший на сиденье, пытаясь отдохнуть перед атакой.

— Вы с Хисом идеалисты, — заметил Телт. — Хотите остановить войну, которую не начинали. Они никогда не слушали Хиса, хотя он с самого начала говорил, чем это кончится, и был прав. Они всегда считали, что его идеи так же уродливы, как он сам... а Хис стремился стать военным специалистом. Вы только подумайте — военный специалист по Нидждорду! Это все равно, что быть специалистом по льду в преисподней. Однако он все знает о войне, хотя ему никогда не дадут использовать его знания полностью... И командиром эскадрильи вместо него назначили Крафта.

— Но ведь Хис командует армией?

— Это добровольцы, которых слишком мало и у которых нет денег. И действовать они начали чертовски поздно! Мы делаем все, что можем, а дома нас за это называют мясниками, — в голосе Телта была горечь; он с трудом пытался скрыть свои чувства. — Они думают, что нам нравится убивать, и считают нас сумасшедшими, не понимая, что мы делаем единственное, что должно быть сделано.

Он вдруг быстро нажал на тормоз и остановил машину. Остальные тоже остановились. Впереди, слегка возвышаясь над дюками, виднелась вершина темной башни.

— Машины останутся здесь, — сказал Телт, поднимаясь. — У нас еще есть время.

Сначала они шли, потом, когда дюны перестали их скрывать, поползли. Впереди двигались темные фигуры, остановившиеся у выщербленной черной стены. Они не стали подниматься по спуску, а поползли прямо на стену.

— Веревочные подъемники, — прошептал Телт. — Бросают вверх круги, смазанные быстрохватывающим клеем. Это придумал Хис.

— Мы пойдем таким же путем? — поинтересовался Брайан.

— Нет, мы не будем подниматься, а пробьем скалу. Я знаю план этой крепости, — говоря это, он тщательно измерял что-то у основания стены. — Здесь.

Тишину прорезал крик, и на вершине крепости вспыхнуло пламя. Загremели автоматы, что-то упало сверху, тяжело ударившись о землю.

— Атака началась! — воскликнул Телт. — Сейчас пойдем и мы, — он вытащил из сумки какой-то плоский предмет и прижал его к стене: тот так и остался висеть на ней. Телт что-то повернул в нем и заставил Брайана лечь. — Напряженный взрыв, — сказал он. — Должно подействовать только в одном направлении, но полной уверенности нет.

Земля под ними подпрыгнула, гигантский кулак ударил в стену. Когда рассеялось облако пыли и дыма, они увидели круглое отверстие — туннель, пробитый направленной силой взрыва. Телт осветил через него внутреннее помещение.

— Все в порядке. Идемте, пока сверху не явились провернуть, что здесь происходит.

Пол внутри был покрыт обломками, и они с трудом пробирались вперед. Телт указал уходящую вниз изогнутую лестницу.

— Подземные помещения в скале. Они прячут там свои запасы...

Из отверстия туннеля вылетел дымящийся шар и упал у их ног. Телт раскрыл рот, а Брайан уже прыгнул вперед и ударом ноги швырнул шар обратно. Оба человека бросились на пол, а в туннеле перед ними вспыхнуло сранжевое пламя разрыва. Осколки застучали по потолку и стенам.

— Гранаты! — воскликнул Телт. — До сих пор они использовали гранаты только один раз. Много их не может быть, но нужно предупредить Хиса.

Он прижал ларингофон к горлу и быстро заговорил. Внизу что-то шевельнулось, и Брайан направил туда поток огня.

— Наверху неудача — нужно уходить. Идите первым, а вас прикрою.

— Я пришел за магтом и без него не уйду.

— Вы с ума сошли! Если останетесь — умрете!

Говоря это, Телт пробирался к выходу. Магты появились молча, как тени смерти, и напали беззвучно, с ничего не выражавшими лицами. Двое умерли сразу, третий упал у ног Брайана. Он был ранен, но еще жив и, оставляя кровавую полосу, полз, подтягивая нож. Брайан не двинулся. Сколько человек он может убить? Или это не человек? Мозг и тело Бренда противилось убийству, и он готов был лучше умереть сам, чем убивать снова.

Пули Телта прошли магта, и тот упал.

— Вот ваш труп! А теперь — быстрее! — крикнул Телт. Вдвоем они протаскивали тело магта через отверстие, все время чувствуя за спиной смерть, однако нападений больше не было, если не считать гранаты, взорвавшейся слишком далеко, чтобы причинить вред.

Один из тяжело вооруженных каров кружил вокруг крепости, держа под обстрелом ее вершину. Отразив контратаку, люди забирались в машину; Телт и Брайан потащили к ней тело магта. Оглянувшись через плечо, Телт прибавил ходу.

— Они преследуют нас! — прохрипел ск. — Впервые после рейда.

— Вероятно, они знают, что мы захватили тело, — ответил Брайан.

— Оставим его... очень тяжело тащить...

— Я скорее оставлю вас, — резко ответил Брайан. — Дайте, я понесу один, — он отобрал тело у Телта и взвалил себе на плечи. — Прикройте меня.

Телт обрушил град пуль на беззашие за ним темные фигуры. Водитель кара, видимо, заметил вспышки выстрелов, потому что гусеницы заскрежетали, и машина двинулась к ним. Она затормозила в облаке пыли, и из нее протянулись руки, готовые подхватить их. Но Брайан сказал, чтобы взяли только тело, и вскарабкался сам. Гусеницы залязгали, и машина помчалась прочь от крепости.

— Вы, конечно, поняли, что я шутил, предложив оставить труп, — сказал Телт Брайану. — Вы ведь не поверили мне!

— Поверил, — ответил тот, вкладывая тело на сиденье.

— Ну-у, — протянул Телт, — вы такой же, как Хис, — слишком серьезно все воспринимаете.

Брайан только заметил, что весь покрыт кровью. При этой мысли желудок его сжался, и он перегнулся через борт кара. Абстрактные разговоры о трупе — это одно, но убить человека, а затем нести его тело и чувствовать, как кровь течет по тво-

им рукам, — совсем другое. И хотя он был почему-то уверен, что магты — не люди, эта мысль не успокаивала.

Когда они добрались до остальных машин, весь отряд двинулся в пустыню.

— Все расходятся в разных направлениях, — сказал Телт, — чтобы они не смогли выследить нашу базу. — Он взглянул на листок бумаги, прикрепленный рядом с компасом, и запустил двигатель. — Мы сделаем по пустыне большой крюк и въедем в город с другой стороны. Там я вас высажу и вернусь в лагерь. И не сердитесь за то, что я сказал.

Брайан молчал, пристально глядя в темное стекло.

— В чем дело? — спросил Телт. — Разве на вашей планете этого не бывает? Вы никогда не видели рассвета?

— Рассвета последнего дня мира — никогда.

— Перестаньте, — буркнул Телт. — Я знаю, что они движутся к гибели, но знаю и то, что сделал все возможное, чтобы предотвратить это. Как вы думаете, что будут испытывать завтра на Ниджорде?

— Может, мы еще сумеем остановить это, — сказал Брайан, пытаясь избавиться от мрачного настроения.

К тому времени, когда они описали круг по пустыне, солнце поднялось уже высоко, и началась дневная жара. Их курс пролегал через гряду низких пологих холмов, поэтому скорость резко снизилась, и Телт, истекая потом и изрыгая проклятия, принялся колдовать над приборами. Наконец машина выбралась на твердый песок и направилась к городу.

Увидев Хоувстад, Брайан испытал приступ страха. Где-то в городе поднимался столб дыма, видимо, горело одно из покинутых зданий. Чем ближе они подъезжали, тем больше росло напряжение, но Брайан никак не мог решиться выразить свои мысли вслух, и наконец это сделал Телт:

— Что-то горит и, кажется, в районе, где расположено ваше здание.

Въехав в город, они увидели, что обычно пустынные улицы заполнены людьми. Дисанцы, различные по обнаженному спинам, вперемешку с немногими оставшимися инопланетянами, двигались в том же направлении, что и машина.

Брайан убедился, что тело магта плотно закутано в брезент, и они принялись медленно пробираться сквозь толпу.

— Не нравится мне это оживление, — сказал Телт. — Не будь это последний день, я бы повернул назад. Они знают наши кары — мы слишком часто совершали рейды.

Повернув за угол, он резко затормозил.

Здание впереди было разрушено, превратилось в груды черных, обуглившихся камней. Они еще дымились, а кое-где из руин поднимались языки пламени.

— Это ваше здание, — прошептал Телт. — Они успели первыми, вероятно, объявили по радио сбор и воспользовались какой-то взрывчаткой.

Надежда умерла, и вместе с ней умер Дис. В руинах впереди лежали тела всех, кто верил ему. Леа, доктор Стайн, его пациенты, Фоссел — все. Он задержал их на этой плочке, и вот они мертвы. Все мертвы!

Убийца!

14

ЖИЗНЬ была кончена. В мозгу Брайана не осталось ничего, кроме отчаяния и боли от невозможных потерь. Если бы его мозг полностью овладел телом, оно тут же умерло бы, потому что у него не осталось желания жить. Не подозревая об этом, сердце продолжало биться, а легкие снова и снова втягивали в себя воздух, пахнувший дымом. Тело продолжало жить.

— Что вы теперь будете делать? — спросил Телт, потрясенный зрелищем.

Брайан, когда до него дошел смысл вопроса, только покачал головой. Что он может сделать?

— Иди за мной, — произнес вдруг чей-то голос через открытое заднее окно кара. Говоривший скрылся, прежде чем они успели повернуться, но Брайан все же заметил на краю толпы туземца и пригляделся. Это был Ульв.

— Поверните-ка кар вон туда, — показал он Телту, — но делайте это медленно, не привлекая внимания, — возникшая на мгновение надежда исчезла вновь. Здание разрушено, люди погибли — нужно смотреть в глаза действительности.

— Куда мы едем? — спросил Телт. — Кто говорил с вами?

— Вон тот туземец впереди. Он спас мне жизнь в пустыне, и, я думаю, он на нашей стороне. Это настоящий дисанец, он понимает факты, которых не может понять магт.

Он знает, что произойдет с этой планетой.

Брайан говорил, пытаясь стволечь свой мозг, чтобы в нем не осталось места для надежды. Надеяться было не на что. Ульв неторопливо шел по улице, не оглядываясь, а они двигались в отдалении, не теряя его из виду. Все меньше людей встречалось между покинутыми зданиями, и наконец Ульв исчез в одном из этих зданий.

Над входом виднелась надпись: ТРЕСТ ЛЕГКИХ МЕТАЛЛОВ. Телт притормозил.

— Не останавливайтесь, — сказал Брайан, — а поверните за угол. Там я выйду.

Он ловко выбрался из кара и медленно пошел обратно, осматривая прилегающие улицы. Никого не было видно — только жара, пустота и тишина.

В дверях склада появилась фигура, машущая рукой. Брайан жестом велел Телту двигаться и прыгнул в кар.

— В ту дверь, быстро, пока нас никто не видит!

Кар въехал в темное помещение какого-то склада, и дверь за ним закрылась.

— Ульв, где ты? — позвал Брайан, оглядываясь по сторонам. Рядом появилась серая фигура.

— Здесь.

— А разве ты... — он не закончил.

— Я слышал о рейде. Магты позвали нас, чтобы мы перенесли взрывчатку. Я пошел со всеми, но не мог их остановить. И у меня не было возможности предупредить тех, в здании.

— Значит, все мертвы?

— Да, — кивнул Ульв, — за одним исключением. Я знал, что смогу спасти только одного, но не знал кого. Поэтому взял женщину, которая была с тобой в пустыне. Сейчас она здесь — ранена, но не сильно.

Облегчение, испытанное Брайаном, было огромно, хотя к нему и примешивалось чувство вины за смерть людей Устаповления.

— Покажи мне ее, — попросил он. Его вдруг испугала возможность ошибки — что если Ульв спас другую женщину?

Дисанец провел его через пустой пролет склада. Брайан изо всех сил сдерживал себя, но все-таки, поняв, что Ульв направляется к конторке у дальней стены, побежал.

Леа была без сознания. Пот покрывал ее лицо, и она стояла, не открывая глаз.

— Я дал ей совер, а потом укутал в тряпки, чтобы никто не видел, — сказал Ульв.

В открытую дверь конторки заглянул Телт.

— Совер — это наркотик, который они извлекают из одного растения, — объяснил он. — Мы проводили с ним опыты. В малой дозе лишает сознания, в большой — смертелен. В каре у меня есть антидот, сейчас я его принесу.

Брайан сел рядом с Леа и стер с ее лица грязь и пот. Под глазами у нее появились темные тени, а тонкие черты казались еще тоньше. Но она была жива — и это самое главное.

Напряжение частично спало, и Брайан вновь смог думать. После таких испытаний Леа должна оказаться на больничной койке, но сейчас это было невозможно. Он должен поставить ее на ноги и заставить работать. Каждая секунда промедления уносила частицу жизни планеты.

— Через минуту все будет в порядке, — сказал Телт, внося тяжелый медицинский ящик, и внимательно глядя вслед вышедшему из комнаты Ульву. — Хис должен узнать об этом перебежчике. Его можно использовать для получения информации. Впрочем, уже поздно, скоро здесь будет ад! — Он вынул из ящика пистолет-шприц и набрал на его циферблате номер.

— Закатайте ей рукава, и мы вернем ее к жизни, — прижав стерильный шприц к коже Леа, он нажал на спуск. Шприц коротко щелкнул.

— Подействует быстро? — спросил Брайан.

— Через несколько минут. Пусть пока полежит.

— Убийца! — раздался вдруг возглас от двери. Они повернулись — на пороге стоял Ульв, держа в руках духовое ружье.

— Он был в каре и видел тело! — воскликнул Телт, хватаясь за пистолет.

Брайан прыгнул между ними, подняв руки вверх.

— Остановитесь! Хватит смертей! — крикнул он дисанцу, а потом показал Телту кулак. — Только выстрелите, и я сломаю вам шею. Здесь команду ю д.

Он повернулся к Ульву, который так и не поднес ружье к губам. Это был добрый знак — дисанец еще колебался.

— Ты видел тело в каре, Ульв, и должен был заметить, что это магт. Я сам убил его, потому что готов убить децать, сто магтов, лишь бы спасти планету. Я убил его в честной схватке и хочу осмотреть тело. Ты сам знаешь, что в магтах есть что-то очень странное. Если я пойму, что это, мы сможем заставить их прекратить войну и не бомбить Ниджорд.

Ульв все еще был сердит, но слегка опустил ружье.

— Я хочу, чтобы тут не было чужеземцев, чтобы никто из вас не приходил сюда. Все было хорошо, пока не пришли вы. Магты были сильны, они убивали, но и помогали тоже. Теперь они хотят воевать вашим оружием, а вы решили уничтожить весь мир. И хотите, чтобы я помог вам!

— Не мне, а самому себе, — устало сказал Брайан. — Возврата назад нет. Хорошо это или плохо, но сейчас вы связаны с остальной частью Галактики. Вы должны решать свои проблемы, и я здесь для того, чтобы помочь вам.

Секунды текли, а Ульв продолжал стоять неподвижно. Можно ли остановить смерть убийством? Можно ли помочь своим людям, помогая чужеземцам? Его мир изменился, и, хоть это ему и не нравилось, приходилось меняться тоже.

Наконец он сунул духовое ружье в петлю на поясе, повернулся и пошел к стене.

— Это уже слишком для моих нервов, — выдохнул Телт, пряча пистолет в кобуру. — Вы не представляете, как я буду счастлив убраться отсюда. Пусть взрываются сколько хотят, меня это не касается.

И он направился к кару, внимательно следя за Ульвом, сидевшим на корточках у стены.

Брайан повернулся к Леа — открыл глаза, она смотрела в потолок.

— Они бежали... — сказала она, и голос ее был настолько невыразителен, что это поразило сильнее, чем любое чувство, — бежали мимо моей открытой двери, и я видела, как убили доктора Стайна. Зарезали, как животное, и разрубили на части. Потом в комнату вошел еще один, и больше я ничего не помню, — она медленно повернула голову, взглянув на Брайана. — Что случилось? Почему я здесь?

— Все... мертвы, — сказал он. — После рейда дисанцы взорвали здание. В живых остались только вы. В вашу комнату вошел Ульв, тот самый, которого мы встретили в пустыне. Он унес вас и спрятал здесь.

— Когда мы улетаем? — спросила она тем же пустым голосом, поворачиваясь лицом к стене.

— Сегодня последний день. Срок истекает в полночь, и Крафт придет за нами корабль, когда мы будем готовы. А сейчас нам нужно кое-что сделать. Я принес тело магта, и мы должны осмотреть его, чтобы выяснить...

— Ничего нельзя сделать, — монотонно сказала она. — Пожалуйста, вызовите корабль — я хочу улететь немедленно.

Брайан стиснул зубы. Ничто не могло вывести ее из апатии, слишком силен был шок, слишком много ужасного видела она за такое короткое время. Он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. Она не сопротивлялась, но глаза ее были полны слез.

— Отвезите меня домой, Брайан, пожалуйста, отвезите меня домой...

Он с трудом заставил себя улыбнуться. Время неслось все быстрее, а он так и не знал, что делать. Сначала нужно осмотреть тело, но как заставить себя сделать это? Он поискал взглядом медицинский ящик, но Телт уже унес его обратно в машину.

Когда Брайан забрался в кар, Телт, разложив на походном столике свои инструменты, изучал запись на ленте. Он здорово испугался и спрятал ленту за спину, но, увидев, кто вошел, успокоился.

— Я думал, это ваш туземец, — прошептал он. — Может, он и заслуживает доверия, но я не могу себя заставить... Я не могу даже воспользоваться радио, а мне нужно доложить Хису...

— О чем? — резко спросил Брайан.

Телт дряхнул ему ленту и лупу.

— Взгляните, эти лента записи из счетчика излучения. Красные вертикальные линии проведены с пятиминутными интервалами, черная кривая показывает уровень радиации. Когда мы начали атаку, линия пошла вверх.

— А что это за пик посередине?

— Он точно совпадает с нашим посещением крепости. Возможно, некоторые камни стены имеют высокий естественный уровень радиации. Или у них там спрятаны инструменты с фосфоресцирующими указателями, а может, одна из тактических атомных бомб, которые они иногда использовали против нас. Кто-то поставил им несколько штук...

— Или же это кобальтовые бомбы.

— Возможно, — быстро ответил Телт, упаковывая инструменты. — Бомба с плохой защитой или трещиной в корпусе может дать такой след.

— Почему вы не вызовете Хиса и не сообщите ему?

— Не хочу, чтобы радиопосты дедушки Крафта узнали об этом. Это наше дело, но чтобы быть уверенным, я должен проверить старые записи... Давайте-ка сгрузим ваш труп, — он помог Брайану вытащить громоздкий неуклюжий сверток, потом скользнул на водительское сиденье.

— Подождите, — остановил его Брайан. — Есть у вас что-нибудь для Леа? У нее нервный шок, но не истерический, а как будто уход от действительности. Она ничего не слушает, ничего не хочет делать, а просто лежит и просит отвезти ее домой.

— Наши медики называют это синдром убийства, — сказал Телт, открывая медицинский ящик. — Если вас учили ненавидеть убийство, вам будет трудно, когда придется убивать. Люди теряют сознание, сходят с ума. И тогда медики изготовили вот это лекарство. Не знаю, что это, — вероятно, смесь транквилизаторов с наркотиками, — но оно действует на память о недавних событиях. Часов на 10—12. Вы не будете переживать из-за того, чего просто не помните, — он вынул запечатанный конверт. — Инструкция внутри. Удаchi.

— Спасибо, — ответил Брайан и пожал руку технику. — Дайте мне знать, если это действительно следы бомб, — он осмотрел улицу, чтобы убедиться, что на ней никого нет, затем нажал кнопку двери. Стаорки раздвинулись, кар скользнул наружу и исчез, рокот его двигателя замер вдали. Брайан закрыл дверь и пошел к Леа. Ульв по-прежнему сидел на корточках у стены.

В пакете оказался шприц одноразового пользования. Леа не протестовала, когда он прижал иглу к ее руке.

Как только она заснула, он затащил в помещение закутанное тело магта и положил на стоявший у стены рабочий стол. Когда он снял брезент, мертвые глаза обнимающе взглянули на него.

С помощью ножа Брайан убрал пропитанную кровью одежду, под ней вокруг пояса имелся обычный набор дисанских приспособлений. Это могло означать только одно: человеком был убитый или нет, но он жил на Дисе. Вместе с одеждой Брайан отбросил все в сторону, и перед ним осталось голое тело.

По всем физическим данным это было тело человека. С каждым новым открытием теория Брайана становилась все более нелепой. Если магты не чужеземцы, как объяснить полное отсутствие у них эмоций? Какая-то мутация? Едва ли. В мертвом человеке, лежавшем перед ним, ДОЛЖНО БЫТЬ что-то чужое, и будущее мира зависело от того, сможет ли он обнаружить это «что-то».

Леа все еще спала, и трудно было сказать, сколько времени это продлится. Можно бы попробовать разбудить ее, но ему не хотелось делать этого слишком рано. Наконец он решил дать ей один час, а потом попытаться разбудить. Это будет полдень — ровно 12 часов до уничтожения планеты.

Теперь нужно связаться с профессором Крафтом. Может, это и пораженческие настроения, но ему хотелось иметь уверенность, что у них будет возможность убраться с планеты, если их миссия провалится. Обычно радиосвязь осуществлялась из здания УКВ, и, если его передатчик не работает, контакт не состоится. Это следовало проверить, пока еще не слишком поздно. Брайан включил передатчик и послал вызов. Ответ пришел мгновенно.

— Говорит связист флота. Не выключайтесь. Командор Крафт ждет вашего вызова и будет говорить с вами лично... — связиста прервал голос самого Крафта:

— Кто говорит? Кто-то из УКВ? — Голос старика дрожал от сдерживаемого волнения.

— Это Бренд, со мной Леа Морис.

— И больше никого? Выжил ли кто-то из сотрудников после уничтожения вашего здания?

— Все остальные погибли. Сможете ли вы забрать нас отсюда в случае необходимости?

— Укажите место — корабль вылетит немедленно.

— Сейчас он мне не нужен, — ответил Брайан. — Не отправляйте его без вызова. Если есть возможность предотвратить разрушения, я найду ее.

Крафт молчал, в наушниках слышался треск разрядов и шум дыхания.

— Но почему бы вам не отправить сейчас мисс Морис?

— Она нужна мне здесь. Работа продолжается.

— Но разве можно найти ответ, который предотвратит разрушения? — В голосе ученого слышалось отчаяние, но Брайан был неумолим.

— Если я его найду, вы об этом узнаете. Конец связи, — он выключил передатчик.

Леа спокойно спала, и до намеченного срока оставалось еще более получаса. Как их использовать? Для осмотра тела нужны инструменты, а здесь ничего нет. Может, он сумеет найти что-нибудь в руинах здания УКВ? Ему вдруг захотелось внимательно осмотреть развалины: если там есть другие выжившие, он найдет их.

— Ты не мог бы еще раз помочь мне? — обратился он к Ульву. — Посмотри за девушкой, пока меня не будет. Я вернусь в полдень, — дисанец молчал. — Я все еще иду возможность спасти Дис, — добавил Брайан.

Ульв гневно взглянул на него и с яростью произнес:

— Иди, я посмотрю за ней. Возможно, ты прав.

Брайан выскочил на пустынную улицу и быстро направился к развалинам, бывшим когда-то зданием УКВ. Путь его был не прям, а извилист, поскольку магты могли идти за ним, и ему вовсе не хотелось привести их к Леа и украденному телу.

В очередной раз повернув за угол, он увидел посреди улицы кар, в очертаниях которого было что-то знакомое. Брайан осмотрелся, но покрытая пылью и грязью улица была пуста. Прижимаясь к стене и по минутно оглядываясь, он подобрался к кару и убедился, что именно в нем провел последнюю ночь. Что он тут делает?

Тишина и зной висели над улицей. Окна и двери зданий были пусты, в их тени ничего не двигалось. Поставив ногу на гусеницу, он приподнялся и заглянул в окно. Прямо на него смотрело улыбающееся лицо Телта.

Улыбающееся в смерти... Губы его были раздвинуты, обнажая зубы, глаза вытаращены, черты лица искажены страданием. Из шеи Телта торчала тонкая деревянная стрелка.

15

БРАЙАН спрыгнул с кара и плашмя упал в пыль. Ожидаемая им стрела не свистнула, пустынная улица продолжала молчать. Убийцы Телта ушли. Используя корпус в качестве прикрытия, он открыл дверь и нырнул в нее.

Внутри хорошо пороботали. Все приборы были приведены в негодность, пол покрывали обломки оборудования, обрывки проводов и детали механизмов. Машина была мертва, как и ее водитель.

Восстановить происходящее было нетрудно. Кар заметили, когда он въезжал в город, возможно, те же магты, что уничтожили здание УКВ. Затем они потеряли его (иначе Брайан тоже был бы уже мертв), а когда Телт попытался выбраться из города, остановили наиболее эффективным способом — стрелой в шею через открытое окно.

В первую минуту смерть Телта заставила Брайана забыть о ее последствиях, но теперь он вспомнил. Ниджорец ничего не сообщил о своем открытии, он боялся использовать передатчик и хотел лично рассказать Хису обо всем и показать записи. Но теперь лента разорвана и перемешана с другими, а магт, который мог бы ее проанализировать, мертв.

Брайан взглянул на искалеченный передатчик и повернулся к двери. Быстро открыв ее, он выскочил из машины. Его собственная жизнь, а возможно, и жизнь всего Диса, зависела от того, не замечен ли он. Он должен связаться с Хисом и передать ему сообщение. Пока он не сделает этого, он будет единственным человеком, знающим, какая из крепостей магтов, возможно, содержит разрушительные бомбы.

Стойды подальше от кара, он пошел медленнее, вытирая гот с лица. Его не заметили и не преследовали. Этот район был ему незнаком, но он определял направление по солнцу и пошел к разрушенному зданию. Туземцы, встречавшиеся на улицах, смотрели на него, и Брайан ощущал их гнев и ненависть. Эти люди хотели его смерти, а двое даже держа-

ли в руках духовые ружья, и, проходя мимо, он положил руку на пистолет. Повернув наконец за угол, он был весь мокрый от нервного напряжения.

Впереди показалось разрушенное здание, а рядом с ним возвышалась космическая шлюпка. Два человека стояли на краю выжженного пространства.

Башмаки Брайана громко стучали по обломкам, и люди повернулись к нему, подняв ионные ружья. Увидев одежду мюпланетника, они расслабились.

— Кровожадные дикари, — сказал один из них. Это был житель тяжелой планеты, почти квадратная колонна мускулов, голова его едва достигала груди Брайана. На сдвинутой назад шапке виднелся символ, показывающий принадлежность к команде, обслуживающей корабельный компьютер.

— Я думаю, их нельзя осуждать, — возразил второй человек со знаком казначей. Тело у него было такое же компактное и плотное, издали оба были похожи, как близнецы. — В полночь их мир будет уничтожен. Надеюсь, мы будем в джамп-режиме. Я уже видел гибель планеты и больше не желаю...

Человек из компьютерной команды внимательно посмотрел на Брайана.

— Вам нужно эвакуироваться? — спросил он. — Мы — последний корабль тут и поднимемся, как только весь груз будет на борту. Если хотите, летите с нами.

Огромным усилием воли Брайан подавил уныние, охватившее его при виде развалин.

— Нет, — ответил он, — в этом нет необходимости. У меня связь с блокирующим флотом, и меня заберут до полумочи.

— Вы с Ниджорда? — спросил казначей.

— Нет, но у меня тут есть одно дело, — он заметил, что оба выжидательно смотрят на него. — Я думал, что найду способ остановить войну, но теперь... теперь не уверен, — он не собирался быть таким откровенным с космонавтами, но слова сами собой возникли в его мозгу, и он произнес их.

Казначей начал что-то говорить, но спутник остановил его, толкнув локтем.

— Мы скоро стартуем — мне не нравится, как смотрят на нас дисанцы. Смотрите, не упустите свой шанс, — он направился было к шлюпке, потом, повернувшись: — Можем ли мы что-то сделать для вас?

Брайан постарался освободить свой мозг от воздействия посторонних эмоций и подумать как следует.

— Да, — сказал он наконец. — Мне нужен скальпель или какой-нибудь другой хирургический инструмент. «Это понадобится Лезу», — подумал он, а потом добавил, вспомнив о переданном сообщении Телта: — У вас есть портативный передатчик?

Его собеседник исчез в корабле и через минуту вернулся с небольшим пакетом.

— Здесь скальпель и магнитный пинцет — все, что я смог найти в медицинской сумке. Надеюсь, они в порядке, — он скрылся еще раз и вынес металлический ящик с передатчиком. — Возьмите, у него достаточная мощность даже на длинных волнах.

Чувство долга было знакомо космонавтам, и сознание этого несколько подняло дух Брайана, пока он осматривал руины в поисках чего-нибудь полезного. С трудом пробираясь через развалины, он нашел чудом уцелевший ящик, в котором оказался биноклярный микроскоп. Правая его труба была погнута, линзы треснули, но левая казалась вполне пригодной для работы. Брайан забрал инструмент вместе с ящиком.

Было уже почти полдень, когда, подозрительно поглядывая на встречных дисанцев, он направился к складу. Это был долгий обходной маневр: ему не хотелось раскрывать место назначения... Лишь убедившись, что за ним никто не следит, он вошел в здание, закрыв за собой дверь.

Первое, что он увидел, — это испуганные глаза Леа.

— Наконец-то дружеская улыбка среди людоедов, — пошутила она. — Что случилось? С тех пор, как я проснулась, этот идол, — она указала на Ульва, — не сказал ни слова.

— Что самое последнее вы помните? — осторожно спросил Брайан. Он не хотел говорить слишком много, чтобы вновь не вызвать у нее шока. Ульв проявил незаурядную сообразительность, не разговаривая с ней.

— Если хотите знать, — сказала Леа, — помню я многое, но не желаю вдаваться в детали, — а такие дела туземцев

лучше не посвящать. Но из последнего помню только как уснула после вашего ухода — и все. Странно... Уснула я в госпитале, а проснулась на этом диване, чувствуя себя просто ужасно. А он сидел здесь и хмуро смотрел на меня. Что все-таки произошло?

Лучше было сказать часть правды, оставив детали на потом.

— Магты напали на здание УКВ, — сказал он. — Они теперь злы на всех чужеземцев. Вы до сих пор находились под действием снаоторного, а Ульв помог перенести нас сюда. Сейчас полдень.

— Последнего дня? — в голосе ее был ужас. — Пока я играю в спящую красавицу, мир идет к концу! Кто-нибудь ранен при нападении? Или убит?

— Было несколько пострадавших и множество неприятностей, — уклончиво ответил Брайан, не желая развешивать эту тему. Подойдя к труп, он сдернул с него покрывало. — Это один из магтов. У меня есть скальпель и кое-что еще. Можете вы сейчас вскрыть его?

Леа откинулась на спинку дивана, несмотря на жару, ее знобило.

— Что случилось с людьми в здании? — спросила она пронзительным голосом. Инъекция заставила ее забыть о трагедии, но подсознательные впечатления от пережитого ужаса все еще жили в ее мозгу и теле. — Я чувствую себя такой... уставшей... Пожалуйста, расскажите мне, что случилось. Я вижу, что вы что-то скрываете.

Брайан сел рядом и взял ее руки в свои. Глядя в глаза девушки, он попытался передать ей часть своей силы.

— Это не так просто, — сказал он. — Вы были потрясены и потому до сих пор чувствуете себя плохо. Не спрашивайте меня ни о чем — мы все равно ничего не сможем сделать... А вот узнать кое-что о магтах мы можем. Вы осмотрите тело?

Она попыталась что-то сказать, но передумала и закрыла глаза. По телу ее прошла дрожь.

— Произошло что-то ужасное, — сказала она наконец, — я это знаю. Пожалуй, вы правы, лучше не задавать вопросов. Помогите мне, а то ноги меня не держат.

Повиснув на нем так, что он почти нес ее, она медленно подошла к трупу, посмотрела и вздрогнула.

— Это не естественная смерть, — сказала она, беря скальпель, потом повернулась к дисанцу, внимательно следившему за ее действиями, и произнесла на ужасном дисанском: — Тебе не нужно на это смотреть.

— Но я хочу этого, — ответил тот, не сводя глаз с тела. — Я никогда прежде не видел магта мертвым и без одежды, как обычного человека.

— Дайте мне немного воды, Брайан, — попросила она, — и положите под тело брезент, эта тряпка слишком грязная.

Напившись, она, казалось, стала сильнее и теперь стояла, не держась за стол обеими руками. Приложив острое скальпеля к груди магта, она сделала длинный разрез. Ульв вздрогнул, но не отвернулся.

Один за другим, Леа извлекала внутренние органы, изредка быстро поглядывая на Брайана. Молчание продолжалось, пока Брайан не прервал его:

— Вы нашли что-нибудь?

Его слова словно оборвали тонкую ниточку силы; Леа подскочила к дивану и упала на него. Раскинутые в сторону окровавленные руки жутко контрастировали с бледностью лица.

— Мне очень жаль, — сказала она, — но нет ничего, вообще ничего. Разумеется, есть небольшие отличия и органические изменения, которых прежде я не встречала, но такие изменения вполне возможны у человека при адаптации к условиям других планет. Несмотря на все изменения и модификации, это по-прежнему человек, как вы и я.

— Откуда такая уверенность? — спросил Брайан. — Вы же осмотрели не все тело, — она согласно кивнула. — Так продолжайте же! Есть еще другие органы, мозг, наконец, — обеими руками он протянул ей микроскоп. — Возьмите!

Она уронила голову на руки и заплакала.

— Оставьте меня! Я устала, больна и по горло сыта этой ужасной планетой. Пусть она умирает, мне нет до нее дела. Ваша теория неверна — признайте же это! И дайте мне смыть кровь с рук...

Стоя перед ней, Брайан затаил дыхание. Неужели он ошибался? Нет, нужно продолжать. Глядя на беззащитную спину, едва прикрытую тонкой одеждой, он почувствовал жа-

лость, ту жалость, которой нельзя было допускать. Эта хрупкая беззащитная женщина была его единственной силой, и он должен заставить ее работать.

Однажды Айджел дал Брайану возможность проникнуть-ся своими чувствами, теперь то же самое требовалось сделать с Леа. Конечно, опыта у него маловато, но попробовать стоит.

Сила — вот что требовалось сейчас Леа.

— Вы можете сделать это, у вас достаточно сил и воли, чтобы закончить, — сказал он вслух, а мозг его беззвучно кричал, заставляя ее повиноваться и взять его силу, так как собственные ее ресурсы подошли к концу. Только когда она подняла голову и взглянула на него сухими глазами, он понял, что ему удалось.

— Вы будете продолжать? — спокойно спросил он.

Девушка кивнула и встала, пошатываясь, как лунатик, идущий по невидимой проволоке. Предварительно вытерев руки об одежду, она открыла ящик с микроскопом, а затем сказала:

— Все предметные стекла разбиты.

Сейчас, — откликнулся Брайан и направился к застекленной перегородке. На полу под ней лежало множество осколков, и он обработал несколько молч, чтобы они могли служить предметными стеклами. Леа молча взяла их, перенесла на стекло каплю крови магта и склонилась к окуляру:

Руки ее дрожали, когда она принялась настраивать резкость. Брайан стоял к ней спиной, сжав кулаки, с трудом сдерживая волнение.

— Ну... что там? — спросил он, наконец.

— Фагоциты, лейкоциты... Все кажется совершенно нормальным. — Голос ее звучал тускло, глаза туманила усталость.

Волна гнева захлестнула Брайана. Даже перед лицом очевидного он отказывался признать свое поражение. Резко оттолкнув Леа, он сам принялся настраивать микроскоп.

— Если вы ничего не видите, попробуйте большее увеличение! Это здесь, я знаю, что это здесь! Я дам вам образец ткани. — Он повернулся к вскрытому трупу.

Он не видел, как вздрогнули ее плечи и задрожали пальцы, когда она отрегулировала увеличение, но ощутил исходящую от нее волну эмоций.

— Что такое? — спросил он, как будто она обращалась к нему вслух.

— Что-то есть в лейкоцитах, — ответила девушка. — Это не обычная структура, но она мне знакома. Я видела нечто подобное, но не помню, где... — она отвернулась, прижав руку ко лбу. — Я знаю, что когда-то уже видела это...

Брайан заглянул в микроскоп и в центре поля зрения увидел смутные очертания. Когда он крутанул винт настройки, изображение стало резким — это был медузообразный одноклеточный лейкоцит. Для неопытного глаза в нем не было ничего необычного, поскольку Брайан даже не знал, что нормально.

— Видите округлые зеленые пятна, сгруппированные вместе? — спросила Леа и, прежде чем он успел ответить, воскликнула: — Вспомнила! — возбуждение заставило ее забыть об усталости. — Икоца пурхаза — вот как это называется, во всяком случае, очень похоже. Это маленькое... насекомое. В клетках у него имеются такие же образования.

— Но что это значит? И как это связано с Дисом?

— Не знаю, — пожалала она плечами. — Я никогда не видела ничего подобного в клетках человека. Эти кокки образуют грибок, живущий внутри насекомых. Не паразит, а симбионт...

Когда до нее дошло значение собственных слов, она широко раскрыла глаза. Симбионт... А ведь Дис стал миром, где симбиоз и парасимбиоз развиты больше, чем на любой другой планете. Мысли Леа цеплялись за этот факт, с трудом удерживаясь на грани логики. Брайан чувствовал ее сосредоточенность и старался не мешать ей. Пальцы ее были сжаты, глаза невидяще смотрели на стену, мозг напряженно работал.

Брайан и Ульв терпеливо ожидали выводов. Наконец обрывки собрались в единое целое, Леа разжала кулаки и разглядела одежду. Потом повернулась к Брайану.

— Есть здесь инструменты? — спросила она, и это было так неожиданно, что поначалу он не смог ответить. Пока он собирался с мыслями, она продолжала:

— Впрочем, нет, это будет слишком долго. Мне нужна пила.

Она вновь повернулась к микроскопу, а Брайан отправился на поиски. Внизу ничего не оказалось, поэтому он поднялся на второй этаж. По обе стороны длинного коридора было множество дверей, но все были закрыты, включая одну с обнадеживающей надписью: «Инструментальный склад». Брайан нажал на нее плечом, но дверь не поддавалась. Он взглянул на часы: ровно два. Через десять часов на Дис обрушатся бомбы!

Нужно спешить, но шуметь нельзя, иначе на улице могут услышать. Быстро сняв рубашку, он обмотал ею ствол пистолета, потом плотно прижал его к замку... Выстрел прозвучал глухо, за пределами здания его не должны были слышать. Замок разлетелся, и дверь распахнулась.

Когда он вернулся, Леа стояла у тела, и Брайан протянул ей небольшую дисковую пилу.

— Это подойдет? — спросил он. — Работает на батареях, и они заряжены.

— Отлично, — она перешла на дисанский. — Ульв, найди место, откуда можно осматривать улицу, самому оставаясь незамеченным. Дай нам знак, если она пуста. Боюсь, эта пила производит много шума.

Ульв кивнул и забрался на груды пустых упаковочных ящиков к маленькому окну. Он внимательно осмотрел улицу и махнул рукой.

— А вы, Брайан, станьте здесь и держите подбородок трупа. Держите крепко, чтобы голова не крутилась, когда я буду пилить. Это неприятная работа, но самое быстрое сейчас — просто перепилить кости.

Пила начала вгрызаться в череп.

Несколько раз Ульв давал знак, призывая к тишине, и они терпеливо ждали, пока можно будет продолжить работу. Наконец макушка была срезана.

— Готово, — сказала Леа, массируя онемевшие пальцы.

Потом осторожно сняла спиленную часть черепа.

— Вы были правы, Брайан. Вот ваш чужак.

16

ВСЕ трое разглядывали обнаженный мозг магта. Его странность была настолько очевидна, что ее заметил даже Ульв.

— Я видел мертвых людей с разбитой головой, — сказал он, — но такое вижу впервые.

— Что это? — спросил Брайан.

— Чужак, которого мы так искали, — ответила Леа.

Мозг магта занимал лишь две трети объема черепа, доля его с аморфной зеленой массой. Внешне она походила на мозг, но имела утолщения и узелки.

— Это напоминает мне нечто, виденное на Земле, — сказала она. — Некую мушку с необычным органом, правда расположенном не в голове, а в теле. Назначение этого органа много лет интриговало биологов, выдвинувших несколько сложных теорий для объяснения его существования. Наконец, кто-то догадался рассечь его и изучить отдельно, и орган оказался живым растением, помогающим пищеварению мушки. Оно производило энзимы, без которых мушка не могла усваивать сахар, получаемый из цветочного нектара.

— Это не так уж необычно, — заметил Брайан. — Известно несколько существ, пищеварению которых помогает флора. В чем же отличие этой мушки?

— Главным образом, в воспроизведении. Все остальные растения попадают в организм хозяина как чужаки, и им разрешено там оставаться, пока они полезны. У мушки же с ее растением постоянный симбиоз, необходимый для существования обоих. Споры растения находятся во многих частях тела мушки и всегда в половых клетках. Каждая клетка яичника имеет их, и каждое яйцо, развивающееся во взрослое насекомое, обязательно заражено этим растением. Таким образом, постоянно симбиоза не нарушается.

— Вы думаете, что зеленые шарик в крови магта — явление того же рода? — поинтересовался Брайан.

— Я уверена в этом. По всему телу магта находятся зеленые споры растений, гнездящихся в мозгу. Их много, и каждый магт заражен ими с рождения. По мере роста ребенка растет и его симбионт. Скорее всего, даже быстрее, ведь это простейший организм... Думаю, он хорошо закрепляется в мозгу в первые шесть месяцев жизни ребенка.

— Но что он делает? — спросил Брайан.

— Я могу лишь высказать предположение. Сам по себе симбионт — не единый организм, а союз животных и расте-

ний, подобно большинству форм жизни на Дисе. Эта штука слишком сложна, чтобы развиваться только после появления на планете человека. Вероятно, магты заразились им, съев какое-нибудь местное животное, и симбионт развился и расцвел в новом окружении, хорошо защищенный черепной коробкой долго живущего хозяина. В обмен на пищу и кислород он, вероятно, производит гормоны и энзимы, которые помогают магтам выжить. Возможно, некоторые из них способствуют пищеварению, так что магты могут есть любое местное растение или животное, попадающее в их руки. Симбионт может очищать их кровь от токсинов — ведь здесь так много ядовитых форм жизни. Короче говоря, благодаря этому симбиозу магты стали господствующей жизненной формой планеты. Они заплатили за это огромную цену, но симбиоз помог им выжить. Вы заметили, что мозг магтов по размерам не меньше обычного человеческого мозга?

— Но он должен быть меньше, иначе как поместится в черепе симбионт? — возразил Брайан.

— Мозг обычного размера, но часть его поглощена симбионтом.

— Лобные доли! — понял вдруг Брайан. — Это дьявольское растение совершило фронтальную лоботомию.

— Оно сделало больше, — сказала Леа, отделяя скальпелем верхнюю оболочку и обнажая под ней зеленую субстанцию. — Его отростки пронизывают весь мозг, но не трогают мозжечок. Затронуты только высшие функции мозга. Разрушение лобных долей сделало магтов существами без эмоций и способности к абстрактному мышлению. Вероятно, без этого они лучше выживали. Конечный продукт этого процесса — союз человек — животное — растение — наилучшим образом приспособился в этом ужасном мире. Отсутствие эмоций означает отсутствие желаний, которые могли бы помешать выживанию.

— Но ведь остальные дисанцы — например, Ульв сумели выжить, не превращаясь в подобное создание. Почему было необходимо, чтобы магты зашли так далеко?

— В эволюции нет ничего необходимого, — сказала Леа. — Возможно множество вариантов, и все лучшие из них имели продолжение. Вы говорите, что люди типа Ульва тоже выжили. Верно, но магты приспособились лучше. Не будь установлен контакт с другими планетами, думаю, со временем они стали бы единственной расой планеты. Но теперь у них этой возможности нет, и, похоже, они решили уничтожить обе расы своим самоубийственным поступком.

— Но это не имеет смысла, — воскликнул Брайан. — Магты выжили и забралась на самый верх эволюции при всей своей склонности к самоубийству. Как получилось, что они уцелели до сих пор?

— Индивидуально они агрессивны до самоубийства и нападают на кого угодно, но, к их счастью, на планете нет крупных животных. Так что, хоть они и умирают как индивидуумы, безжалостность гарантировала их выживание как группы. Однако сейчас они оказались перед проблемой, которая слишком сложна для их полуразрушенного мозга. Их личная политика стала всепланетной, и это очень опасно. Они похожи на людей с ножами, которые убили всех противников, вооруженных камнями, и теперь нападают на вооруженных пистолетами. Их убивают, но они лезут вперед и будут это делать, пока все не погибнут.

Это прекрасный пример высшей справедливости. Люди, зараженные этой дисанской формой жизни, были господствующими созданиями на планете, существо в их голове было симбионтом, то есть, получая, что-то отдавало взамен. Но теперь положение изменилось. Мозг магта не может воспринять идею смерти всей планеты и расы в ситуации, когда должен это сделать, чтобы выжить, поэтому существо больше не симбионт, а паразит.

— И как паразит оно должно быть уничтожено! — закончил Брайан. — Мы больше не воюем с тенями. Мы нашли врага — и это вовсе не магты. Это разновидность солитера, слишком глупого для того, чтобы понять, что он убивает себя. А есть ли у него мозг? Может ли он думать?

— Сомневанюсь, — сказала Леа. — Мозг для него абсолютно бесполезен. Будь он у них, они бы уже исчезли. Симбионты или паразиты, живущие внутри другого организма, дегрاديруют до абсолютного минимума функций.

— Что это такое? — спросил вдруг Ульв, показывая на существо. Он слышал весь их возбужденный разговор, но не чонял ни слова.

— Объясните ему, Леа. И сядьте, ради бога, — добавил он, поняв вдруг, насколько она истощена. — Вам надо немного отдохнуть, а я попытаюсь... — он глянул на часы и замолчал.

Четыре часа пополудни, меньше восьми часов до гибели. Что он еще может сделать? Энтузиазм схлынул, когда он вспомнил, что решена только половина проблемы. Если ниджорцы не поймут значения его открытия, бомбы упадут точно по расписанию. И даже если поймут — какое это имеет для них значение? Угроза кобальтовых бомб по-прежнему остается.

С этой мыслью пришло виноватое осознание того, что он совершенно забыл о смерти Телта. Прежде чем связываться с ниджорским флотом, нужно передать Хису сообщение о том, что произошло с Телтом и его каром. И, конечно, о следах радиоактивности. Сейчас невозможно изучить записи, но Хис мог бы позторить рейд и проверить подозрения. Этот разговор не займет много времени, а уж потом он свяжется с профессором Крафтом.

Тщательно настроив передатчик на волну ниджорской армии, он вызвал Хиса. Ответа не было, только статические атмосферные разряды.

Возможно, передатчик неисправен. Он быстро сменил частоту, настроившись на свои личные позывные, и свистнул в микрофон. Ответный сигнал был так силен, что у него заболели уши. Он вновь попробовал вызвать Хиса и на этот раз получил ответ.

— Говорит Брайан Бренд. Вы меня слышите? Я хочу говорить с вами.

К его удивлению, ответил профессор Крафт.

— Сожалею, Брайан, но говорить с Хисом невозможно. Вместе с армией он эвакуировался полчасу назад и теперь находится на пути в Ниджорд. Мы прослушивали его частоты и потому приняли ваш вызов. Вы уже готовы? Скоро любая посадка станет опасной, уже сейчас мне придется искать добровольцев, чтобы забрать вас с планеты.

Хис и его люди улетели! Брайан с трудом освоился с этой мыслью.

— Что ж, ничего не поделаешь... А теперь слушайте и постарайтесь понять. Необходимо отменить бомбардировку. Я выяснил причину самоубийственного поведения магтов, и если ее устранить, мы сможем заставить их отказаться от нападения на Ниджорд.

— Это можно сделать до полуночи? — тут же спросил Крафт.

— Конечно, нет, — Брайан нахмурился, чувствуя, что разговор складывается неудачно, и не зная, как исправить положение. — Но это потребует не так много времени. У меня есть доказательства, которые убедят вас, что я говорю правду.

— Я вам и так верю, Брайан, — гнев исчез из голоса Крафта, остались только усталость и отчаяние. — Чуть раньше я признал, что Хис был прав в оценке ситуации и в своем плане решения проблемы Диса. Мы совершили множество ошибок и потеряли время. Боюсь, это единственный факт, имеющий сейчас значение. Бомбы упадут в полночь, но даже тогда может оказаться уже поздно. С Ниджорда вылетел корабль с заменой для меня. Я превысил полномочия, отодвинув крайний срок на день по сравнению с тем, что мне рекомендовали техники, и поставил на карту жизнь собственного мира в тщетной попытке спасти Дис. Спасти его невозможно, он уже мертв. Я не желаю больше о нем слышать.

— Но вы должны...

— Все, что я должен сделать, — это уничтожить планету, и ваши слова не могут ничего изменить. Все инопланетники, кроме вашего отряда, уже улетели. Я посылаю за вами корабль, и, как только он взлетит, сброшу первую бомбу. А теперь скажите, где вы находитесь.

— Не давите на меня, Крафт! — в приступе гнева Брайан погрозил передатчику кулаком. — Вы убийца целого мира, и не пытайтесь выдать себя за кого-то другого. Я знаю, как избежать уничтожения планеты, а вы не хотите меня слушать. Кроме того, я знаю, где находятся бомбы, — в крепости магтов, на которую Хис напал прошлой ночью. Захватите их — и вам не придется сбрасывать свои!

— Мне очень жаль, Брайан. Я ценю ваши усилия и все обвиняю вас во лжи, но понимаете ли вы, как непрочно ваша позиция с моей точки зрения? Сначала драматическое открытие причины непримиримости магтов, потом, когда это не

подействовало, вы говорите, что знаете, где находятся бомбы, — самый главный секрет магтов...

— У меня нет полной уверенности, но вероятность того, что я прав, очень велика. Телт делал записи, и по ним выходит, что в крепости есть какой-то источник радиоактивности. Однако Телт мертв, а его приборы разбиты... — он замолчал, понимая, насколько неубедительны его слова. Это было поражение.

Передатчик молчал — Крафт ждал продолжения. Когда Брайан заговорил снова, его голос был лишен всякой надежды.

— Присылайте ваш корабль, — устало сказал он. — Мы в здании треста легких металлов. Не знаю его адреса, но уверен, что вы сможете его найти. Вы победили, Крафт.

И он выключил радио.

17

— Вы действительно сдаетесь? — спросила Леа, и Брайан только теперь осознал, что она давно прекратила беседу с Ульвом и слушала разговор с Крафтом. Он пожал плечами и попытался объяснить ей ситуацию.

— Мы старались и добились успеха, но что мы можем сделать, если они не хотят слушать нас? Что может сделать один человек против целого флота, вооруженного водородными бомбами?

Как бы в ответ на этот вопрос тишину нарушил резкий голос дисанца.

— Убей врага! — сказал Ульв. — Убей умедвирка!

Последнее слово он выкрикнул, и рука его потянулась к поясу. Быстрым движением достав духовое ружье, он поднял его к губам; тонкая стрела вонзилась в существо, поглотившее мозг магта. Это действие имело символическое значение объявления войны.

— Ульв понял все лучше, чем можно было ожидать, — сказала Леа. — Он знает о симбиозе и метаболизме столько, что мог бы читать лекции в университетах Земли. Он знает, что такое мозговой симбиоз и что он дает. В их языке есть даже слово для этого, но нам оно ни разу не встретилось. Жизненная форма, с которой вы можете жить, встречается медвирк, но в зависимости от обстоятельств может стать и умедвирком. Ульв решил, что мозговой симбионт — умедвирк, и убил его. Так же поступают остальные дисанцы, если мы покажем и объясним им все это.

— Вы уверены? — с интересом спросил Брайан.

— Абсолютно. Поймите, у дисанцев свое отношение к проблеме выживания, и они будут уничтожать мозговых симбионтов, даже если для этого придется убивать магтов, в которых они живут.

— В таком случае, мы не можем улететь, — Брайан вдруг понял, что ему нужно делать. — Сейчас прибудет корабль, и вы улетите на нем, захватив тело магта. А я останусь.

— Что вы собираетесь делать? — встревожилась Леа.

— Бороться с магтами. Мое присутствие на планете не позволит Крафту сбросить бомбы, по крайней мере, до полуночи. Сомневаюсь, что это удержит его позднее, но до полуночи он будет ждать.

— Но ведь это самоубийство! Вы сами говорили, что один человек не может справиться с флотом. И что произойдет с вами в полночь?

— Скорее всего, я буду мертв. И все-таки я не могу улететь, по крайней мере сейчас, и буду выполнять свой долг до последней возможности. Мы с Ульвом пойдем в крепость и постараемся отыскать бомбы. Он будет сражаться на нашей стороне. Может, он даже знает что-то об этих бомбах, но не хотел говорить мне раньше. Кроме того, мы можем получить помощь от других туземцев.

Леа начала что-то говорить, но Брайан прервал ее:

— Вам тоже предстоит большая работа. Покажите им магта, объясните Крафту значение мозгового паразита и поговорите о последнем рейде Хиса. Попытайтесь убедить его отложить бомбардировку. Я возьму с собой передатчик и сообщу, если что-то узнаю. Это наша последняя надежда, и если мы ничего не сделаем, Дис погибнет.

Леа пыталась спорить, но Брайан не слушал ее, уверяя, что все будет в порядке. В глубине души оба знали, что это довольно сомнительно, но не стали углублять эту тему.

Вскоре здание содрогнулось от громового рева — прямо на улицу садился космический корабль. Из люка показались члены экипажа с оружием наготове. После короткого спора

они забрали труп, Леа поднялась на борт, и корабль взлетел. Брайан смотрел ему вслед, пока он не превратился в точку в небе и исчез, пытаясь избавиться от ощущения, что видел девушку последний раз.

— Пойдем-ка отсюда, — сказал он Ульву, пряча передатчик, — прежде чем кто-нибудь явится посмотреть, зачем сдвинулся этот корабль.

— Что ты хочешь делать? — спросил Ульв, когда они шли по улице, выходящей в пустыню. — Что можно сделать за несколько оставшихся часов? — Он посмотрел на солнце, клонившееся к горизонту.

— Пойдем к крепости магтов, на которую мы напали прошлой ночью. Это наш единственный шанс... если только ты не знаешь точно, где находятся бомбы.

Ульв покачал головой.

— Я не знаю, но кто-нибудь из наших может знать. Мы можем поймать магта, убить его и показать всем умедвика. Тогда они расскажут все, что знают.

— Так куда сначала: в крепость за бомбами или за магтом? Какой путь короче?

Ульв задумчиво нахмурился.

— Если ты можешь вести песчаный кар чужеземцев, я покажу, где они стоят. Никто из наших не знает, как они сделаны и почему движутся.

— Я могу управлять им... Идем.

Им повезло — первый же найденный кар оказался с ключами. Более того, он был легче тяжелых атомных каров и развил хорошую скорость по улицам и в пустыне. Перед ними в красном ореоле садилось солнце. Было шесть часов вечера, а когда они добрались до крепости, часовая стрелка подошла к семи, и Брайан почти физически чувствовал, как натянуты его нервы.

Хоть это и было опасно, вторжение в крепость магтов принесло ему облегчение. Это было какое-то действие и движение вперед, и на время он забыл о висящих над головой бомбах.

Они воспользовались главным входом, а оказавшись внутри, направились к подземному помещению, где была замечена радиоактивность. Вокруг было пусто, и постепенно они начали понимать, что крепость покинута.

— Все ушли, — сказал Ульв, принимаясь. — Здесь было много магтов, но теперь они все ушли.

— Часто они покидают свои крепости? — спросил Брайан.

— Никогда. Я даже не слышал о таком прежде. Не пойму, почему они это сделали.

— А я понимаю. Дом покидают, забирая с собой что-то достаточно важное, например, бомбы. Если они были здесь, их могли перепрятать, потому что... — он вдруг замер. — Или же их увезли к установке! Быстрее наружу!

— Сюда как-то проникает свежий воздух, — сказал Ульв, — а этого не может быть, потому что в зданиях магтов нет входа так низко.

— Пройдя ночью мы проделали один, может, это он и есть. Ты можешь найти его?

Повернув за угол коридора, они увидели впереди свет: сквозь отверстие, пробитое в стене, виднелись звезды.

— Проход сейчас больше, чем был, — сказал Брайан. — Похоже, магты расширили его, — он выглянул наружу и заметил следы на песке. — Как будто они выносили здесь что-то тяжелое и увозили на машине, оставившей эти следы.

Выбравшись через отверстие, они побежали к своему кару. Брайан резко развернул его и осветил следы. Это были гусеницы каров, перекрытые колесными следами. Выключив свет, он повел машину медленнее и осторожнее. Быстрый взгляд на часы показал, что осталось четыре часа. Правя одной рукой, другой он включил передатчик, постоянно настроенный на волну Крафта.

Когда оператор откликнулся, Брайан сообщил о том, что они обнаружили, и о своих выводах.

— Немедленно передайте это сообщение командиру, а я иду по следу и не могу ждать разговора с ним, — он выключил передатчик и нажал акселератор.

Допадка была правильной. Примерно к девяти часам местность перешла в гряды холмов, за которой виднелись темные массивы гор, поднимавшиеся вверх и закрывавшиеся заездами.

— Останови машину, — сказал Ульв. — Скоро начнутся пещеры. Магты могут караулить, поэтому нужно идти тихо.

В девять тридцать Брайан понял, что они слишком рано

остановили машину. Следы уходили все дальше и дальше и, казалось, не имели конца. Ульв показал ему несколько пещер, но следы к ним не сворачивали. Время шло, а кошмарный поход сквозь тьму продолжался.

— Впереди есть еще пещеры, — сказал Ульв.

Они осторожно поднялись на вершину холма и, как делали уже много раз, заглянули в тенистую долину: дно ее покрывал песок, и луна косыми лучами освещала следы, делая их хорошо видимыми. Следы пересекали долину и исчезали в темном отверстии пещеры на дальней стороне.

Спрятавшись за холмом, Брайан включил передатчик.

— Важное сообщение, — зашептал он в микрофон, — пожалуйста, запишите.

Секунды ожидания растягивались в его представлении в минуты. Наконец, получив ответ, он как можно короче рассказал об обнаружении пещеры.

— Бомбы, возможно, здесь, и мы идем вовнутрь. Свой передатчик я оставляю здесь включенным, по нему вы легко найдете пещеру. Другой, помощнее, беру с собой. Если не сможем вернуться к выходу, буду передавать из пещеры. Конец связи. Ответ не нужен, я не могу вас слышать: наушников у меня нет, а обычная передача слишком громка.

Он нажал кнопку постоянной передачи и положил аппарат в сторону.

— Прощай, Леа...

Они обошли скальное основание холма и, тихо скользя в тени, подобрались ко входу в пещеру. Впереди ничто не двигалось, вокруг было тихо. Брайан взглянул на часы: десять тридцать.

Последнее укрытие находилось метрах в пяти от входа. Они было начали подниматься, чтобы одним броском преодолеть открытый участок, но Ульв вдруг потянул Брайана вниз, показывая на свой нос, а потом на пещеру: Он почувствовал запах магтов.

Темная фигура отделилась от входа. Ульв действовал стремительно: свистнула стрела, и маг повалился набок. Прежде, чем его тело ударилось о землю, Ульв подскочил и подхватил его. Послышался легкий шелест шагов, и вновь наступила тишина.

Брайан осторожно подошел, держа оружие наготове и не зная, что его ожидает. Ноги коснулись тела на земле, а Ульв прошептал из темноты:

— Их было двое. Можно идти дальше.

Отыскивать дорогу в пещере было настоящей пыткой: вокруг было темно, а зажигать фонари они не осмеливались; кроме того, на каменном полу не оставалось следов, по которым можно что-то определить. Без чувствительного носа Ульва они, безусловно, заблудились бы. Коридоры то и дело разветвлялись, и вскоре они утратили всякое представление о направлении.

Двигаясь, как слепые, они ощупывали пространство перед собой руками, и вскоре их пальцы покрылись кровью из многочисленных ссадин. Ульв продолжал двигаться по запаху. Если он становился слабее, приходилось возвращаться назад и идти в новом направлении.

Однако еще более мучительным, чем ходьба, было ощущение бега времени. Стрелки часов неумолимо двигались и вскоре показали четверть двенадцатого.

— Впереди свет, — прошептал вдруг Ульв, и Брайан облегченно вздохнул. Они шли медленно и молча и наконец оказались у входа в куполообразное помещение, ярко освещенное светящимися трубками.

— Что это? — спросил Ульв, щурясь от яркого света после темноты.

Брайан воздерживался, чтобы не закричать.

— Ящик с металлическими решетками — установка джамп-режима, заостренные серебристые яйца рядом с ними — вероятно, бомбы. Все-таки мы нашли их!

Первым его побуждением было отправить сообщение, которое остановит бомбардировку планеты. Но неубедительное сообщение — хуже молчания. Он должен подробно описать все, что видит, чтобы ниджорцы ему поверили. То, что он сообщает им, должно соответствовать тому, что они уже знают об установке и бомбах магтов.

Установка явно была наспех переделана из корабельного джамп-генератора, провода от нее тянулись к грубой клетке из металлических полос, отставанных вручную. Техники обслуживали три человека, и Брайан удивился, где магты откопали таких кровожадных любителей войны, которые по-

могли бы им швырнуть бомбы. Только потом он разглядел цепи вокруг их шей и кровавые шрамы на спинах.

Тридцать минут до полуночи!

Прижимая передатчик к груди, Брайан встал. Теперь он лучше видел бомбы. Их было двенадцать, заостренных, как нос космического корабля, и каждая возвышалась на два метра. Видимо, это были отсоединенные головки ракет. Основание одной из них было повернуто к Брайану, и он видел шесть распорок, которые использовались для крепления бомбы в ракете. В плоском дне виделось круглое смотровое отверстие.

Пожалуй, достаточно. По этому описанию ниджорцы поймут, что он действительно нашел бомбы.

Брайан отсчитал пятьдесят шагов и остановился. Теперь он был достаточно далеко, чтобы его не услышали, а изгиб коридора не позволял его увидеть. Включив передатчик, он проверил настройку: все правильно. Затем медленно и ясно описал все, что осталось позади. Он заставлял себя говорить спокойно, перечисляя факты и старательно избегая высказывать свое мнение.

Без шести двенадцать он закончил и, нажав кнопку, стал ждать ответа.

Но его не было.

Смысл этого молчания потряс его усталый мозг. Не было ни атмосферных разрядов, ни шороха статического электричества — ничего. Скальная масса над ним действовала как идеальный экран, поглощая сигнал даже максимальной мощности.

Его не услышали, ниджорский флот не знает, что кобальтовые бомбы найдены, и, значит, бомбардировка начнется, как и было запланировано. Дверцы бомбовых отсеков уже открыты, и водородные бомбы висят над планетой, удерживаемые только соединительными скобами. Через минуту будет дан сигнал, скобы разойдутся, и бомбы упадут...

— Убийцы! — крикнул Брайан в микрофон. — Вы не хотели слушать меня, не хотели слушать Хиса, не желали никакой альтернативы уничтожению. Вы уничтожаете Дис, когда в этом нет необходимости! Было множество путей предотвратить это, но вы не использовали ни один, а теперь слишком поздно. Вы уничтожите Дис, и это, в свою очередь, уничтожит Ниджорд. Так говорил Айджел, и теперь я ему верю.

Он поднял передатчик над головой и швырнул его на пол, а потом побежал к Ульву, пытаясь избавиться от мысли о поражении. Людям на поверхности Диса осталось жить меньше двух минут.

— Меня не услышали, — сказал Брайан. — Радио под землей не работает.

— Значит, бомбы упадут?

— Если не случится чего-то, о чем мы не знаем, то — да. Больше они не говорили ничего, а только сидели. Техники в пещере прекратили работу и, несмотря на удары, которыми принялись осыпать их магты, с ужасом смотрели на стрелки ручных часов, неумолимо приближающиеся к двенадцати. Даже сами магты смутно ощутили необычность происходящего. Они остановились и тоже ждали.

Минутная стрелка соединилась с часовой, и секундная с каждым мгновением сокращала оставшееся расстояние. Наконец все они слились, а затем секундная двинулась дальше.

Чувство облегчения, испытанное Брайаном, исчезло, как только он вспомнил, что находится глубоко под землей. Звук и сейсмические волны распространяются медленно, а пламя атомного взрыва отсюда не видно. Если бомбы упали в двенадцать, здесь об этом еще неизвестно.

Внезапно отдаленный грохот наполнил помещение, а через мгновение земля под их ногами дрогнула, свет в пещере замигал, с потолка посыпались камни.

Ульв повернулся к Брайану, но тот отвел взгляд, не в силах смотреть в обвиняющие глаза дисанца.

Один из техников с криком бросился бежать, магты сбили его с ног и принялись молча бить. Видя это, двое других дрожащими руками принялись за работу. Даже если вся жизнь на планете уничтожена, для магтов это не имело значения. Они будут продолжать выполнять задуманное без изображения и эмоций, которые могли бы только помешать.

Взявшись за работу, техники перешли от состояния оцепенения к ярости. Они умрут — невидимая смерть уже проникла в пещеру — но смогут отомстить. Теперь они работали с равнением и точностью, которых им не хватало раньше.

— Что делают эти чужеземцы? — спросил Ульв.

Брайан словно очнулся от летаргии и посмотрел в пещеру. С помощью тележки люди перевозили одну из боеголовок к джамп-установке.

— Они хотят бомбить Ниджорд. Эта машина может особым образом перебросить бомбу на другую планету.

— Ты хочешь остановить их? — спросил Ульв. В руках он держал свою смертоносную трубку.

Брайан чуть не улыбнулся иронии судьбы. Несмотря на все его усилия, Ниджорд все-таки сбросил бомбы, уничтожив тем самым собственную планету. Брайан мог бы теперь остановить ответную бомбардировку, но должен ли он делать это? Стоит ли спасать жизнь своих убийц, или следует подчиниться древнему правилу: око за око, зуб за зуб?

Кстати, для чего Ульв приготовил свое духовое ружье? Чтобы убить Брайана, если тот попытается предотвратить бомбардировку? Или для чего-то другого?

— А ты сам хочешь остановить их? — спросил он.

Как все-таки велико может быть у человека чувство долга! Пещерный человек испытал его впервые по отношению к товарищу, затем к семье. Чувство это росло, пока люди боролись и умирали за абстрактные идеи городов и наций, затем за всю планету. Неужели пришло время осознать, что долг включает все человечество? Более того — жизнь во всех ее видах?

Задав себе этот вопрос, Брайан тут же дал неизбежный, единственный ответ. Доставая пистолет, он все еще не знал, каким будет ответ Ульва.

— Ниджорд — медвирк, — сказал Ульв, поднял духовое ружье и послал стрелу в пещеру. Она попала в одного из техников, тот вскрикнул и упал.

Выстрелы Брайана разнесли контрольный щит установки, уничтожая нависшую над Ниджордом опасность.

Медвирк, сказал Ульв. Жизненная форма, которая объединяется с другими, помогает им. Она может убить для самозащиты, но по природе своей она не убийца и не разрушитель. Ульв обладал достаточным жизненным опытом, чтобы понять необходимость защиты жизни; ухватив сущность идеи, он игнорировал все словесные тонкости и усложнения. Сейчас он убивал своих соплеменников, выступивших против жизни, и спасал врагов, защищавших ее.

С пониманием этого к Брайану пришло болезненное осознание того, что планета и люди, создавшие эту идею, мертвы.

Поняв, что их планы рухнули, магты молча и яростно устремились на своих врагов.

Даже сознание своей обреченности не заставило Брайана смириться с мыслью о смерти от рук магтов, для Ульва же решение было еще проще — он просто убивал умедвирков. Сам верящий в жизнь, он уничтожал антижизнь.

Отстреливаясь, они отступали в темноту, магты с ионными ружьями преследовали их. Зная пещеры лучше, они окружили беглецов. Заметив впереди свет, Брайан остановил Ульва.

— Если мы попытаемся бежать, нас перестреляют, — сказал он. — Нужно найти место, где можно обороняться.

— Позади есть небольшая пещера с узким входом.

— Идем!

Они помчались назад и вскоре незамеченными добрались до пещеры. Звук их шагов потерялся в топоте преследователей, заполнивших соседние пещеры. Оказавшись на месте, они укрылись за выступом и стали ждать. Конец был близок.

Через некоторое время появился бегущий магт, освещавший фонарем все укромные места. Луч света задел двух спрятавшихся людей, и в то же мгновение Брайан выстрелил. Магт упал, но выстрел, конечно, услышали остальные.

Прежде чем они добрались сюда, Брайан бросился к трупу и, схватив упавший фонарь, закрепил его так, чтобы он освещал туннель.

Ждать пришлось недолго. Первые два появившихся магта умерли мгновенно, но их было еще очень много, и Брайан гадал, когда они вспомнят о гранатах и швырнут одну в их убежище.

Где-то далеко послышался рокот, потом донесся резкий звук взрыва. Прижавшись к стене, беглецы недоумевали, почему не начинается атака. Наконец появился один магт, но удивленный Брайан не выстрелил.

Магт ОТСТУПАЛ, отстреливаясь от кого-то.

Впрочем, у Ульва сомнений не было — его стрела попала магту в руку, и он упал.

— Не стреляйте! — крикнули вдруг из туннеля, и в облаке пыли и дыма появился человек.

Это был ниджорец.

Понять это было невозможно, ведь Брайан сам слышал, как упали бомбы, и все-таки ниджорский солдат был здесь.

— Держите его за руку, сэр, — сказал он, со страхом глядя на духовое ружье Ульва. — Я знаю, на что способны эти стрелы, — вынул из кармана микрофон, он что-то сказал в него.

Вскоре пещеру заполнили множество солдат, а потом появился профессор Крафт. В запыленном военном мундире он выглядел, по меньшей мере, странно, а пистолет в его покрытой сеткой вен руке был просто неуместен. Облегченно вздохнув, он передал оружие ближайшему солдату, быстро подошел к Брайану и взял его за руку.

— Искренне рад встретиться с вами лично, — сказал он, — и с вашим другом Ульвом.

— Что все это значит? — тупо спросил Брайан. Происходящее казалось ему совершенно неральным.

— Мы всегда будем помнить вас — человека, спасшего нас от самих себя, — сказал Крафт.

— Брайану нужны факты, а не высокопарные речи, — сквозь толпу протиснулся Хис, остановившийся рядом с более высоким Крафтом. — Говоря коротко, ваш план удался. Когда мне передали ваше сообщение, я тут же вернулся и встретился с профессором на корабле. Очень жаль, что Телт умер, но он нашел то, что мы искали, и я не мог игнорировать его доклад о следах радиоактивности. Одновременно со мной прибыла девушка с трупом магта, и мы долго разглядывали зеленый лишайник в его мозгу. Ее объяснения придали всему этому смысл. Уже приземлившись, мы получили сообщение о том, что было в крепости, после чего оставалось только идти по следу и сигналу оставленного вами передатчика.

— А взрывы в полночь? — прервал его Брайан. — Я же их слышал!

— Мы так и думали, — засмеялся Хис. — И не только вы, но и магты в пещере. Мы знали, что они вооружены, а пещера усиленно охраняется, поэтому в полночь сбросили у входа несколько химических бомб. Достаточно, чтобы уничтожить охрану, но оставить целыми своды. Кроме того, мы рассчитывали, что они отступят в глубину, чтобы уйти от радиации. Так они и поступили, а мы спокойно вошли, захватив их врасплох. Пришлось провести сестру — уничтожить всех, кого не удалось взять в плен.

— Один из предателей-техников был еще жив, — сказал Крафт. — Он рассказал, как вы двое разбили установку для бомбардировки Ниджорда.

Никто из окружающих, даже циник Хис, ничего не добавил к этим словам, но Брайан ощущал их чувства: облегчение, теплоту и счастье. Этого он никогда не забудет.

— Войны больше нет, — начал он объяснять Ульву, зная, что тот ничего не понял из их разговора, и тут его осенило. — Погодите, — сказал он, — вы приземлились до того, как получили мое сообщение из крепости. Значит, вы ждали, что магты сбросят бомбы на Ниджорд и, несмотря на это, сели?

— Конечно, — ответил Крафт, удивленный непонятливостью Брайана. — А что еще мы могли сделать? Ведь магты больные!

Хис громко расхохотался, заметив состояние Брайана.

— Вы начинаете понимать психологию Ниджорда, — сказал он. — Когда дело касается войны или убийства, моя планета никогда не пойдёт на разумные действия. Война настолько чужда нам, что вряд ли ее даже понимают правильно. Плохо быть вегетарианцами в Галактике хищников: вы являетесь легкой добычей для первого же вцепившегося вам в спину. Жители любой другой планеты давно бы сбросили на Дис бомбы, мы же чуть не погубили оба мира. Ваши мозговые паразиты увели нас от края пропасти.

— Не понимаю, — искренне признался Брайан.

— Видите ли, до вашего появления мы никогда не общались с магтами, они были для нас совершенно чужими. Все, что они делали, не имело смысла, а все, что делали мы, не давало никакого результата. Но вот вы обнаружили, что они больны, и тут мы уже знаем, что нужно делать. Мы вновь объединились: моя армия влилась в общие ниджорские силы. Врачи и медсестры уже в пути, вся планета едина и усиленно трудится.

— Вот именно, — добавив профессор Крафт. — В конце

концов, мы цивилизованные люди. Не думаете ли вы, что мы будем воевать с большими соседями?

— Э-э... конечно, не будете, — сказал Брайан, тяжело дыша. Потом взглянул на Ульва, для которого весь разговор был непонятен.

— Хис, — попросил он, — переведите все это на дисанский и объясните Ульву. Сам я не решаюсь.

13

ДИС остался позади, превратившись в сверкающий золотистый шар, похожий на школьный глобус, висающий в космическом пространстве. Ни одно облако не закрывало его поверхность, и с этого расстояния планета казалась теплой и привлекательной. Дрожащий от холода в своем теплом пальто, Брайан искренне хотел бы вновь оказаться там, гадая, скоро ли его организм переключится на другой режим. Оставалось надеяться, что переход не будет таким резким, драматическим и внезапным, как на Дисе.

Легкое, как сновидение, в пространстве рядом с планетой возникло отражение Леа. Она стояла за его спиной, и только легкое дыхание да отражение в иллюминаторе выдавало ее присутствие. Он быстро повернулся и взял ее руки в свои.

— Выглядите вы значительно лучше, — сказал он.

— Надеюсь, — откликнулась она, машинально откидывая назад волосы. — Пока вы весело проводили время, я ничего не делала, а только лежала в госпитале. Вам пришлось облететь всю планету, стреляя в магтов.

— Всего лишь усыпляя их, — уточнил он. — Ниджорцы никого не могут убить, даже если им самим угрожает смертельная опасность, и теперь им пришлось сдерживать дисанцев во главе с Ульвом — они с радостью убивали всех магтов как умевшиков.

— И что они собираются делать с этими замороженными магтами?

— Они еще сами не знают. Для начала нужно посмотреть, что случится со взрослым магтом, если его мозговой паразит будет удален или убит. С детьми дело обстоит проще: если захватить болезнь вовремя, паразита можно уничтожить прежде, чем он причинит значительный вред.

Леа осторожно прижалась к нему.

— Я еще так слаба... Давайте посидим.

Напротив иллюминатора стоял диван, с которого они прежде не могли видеть Дис.

— Мне не нравится мысль о магте, лишенном мозгового симбионта, — сказала девушка. — Мне кажется, что если даже его организм перенесет шок, не останется ничего, кроме безмозглого тела. Не хотела бы я оказаться свидетелем того, как пройдет эта серия экспериментов. Надеюсь, ниджорцы найдут самое гуманное решение.

— Я уверен в этом.

— А что будет с нами? — спросила она, прильнув к нему. — Нужно сказать, что у вас самая высокая температура из тех, кого я касалась. Это действует возбуждающе.

Брайан смутился. Он не обладал ее способностью забывать ужасы прошлого, заменяя их удовольствиями настоящего.

— Да, что будет с нами? — повторил он.

— Той ночью в госпитале вы так не смущались. Помнитесь, вы кое-что говорили. И делали тоже. Вы не можете быть ко мне совершенно равнодушным, Брайан, и я спрашиваю, как спросила бы анварская девушка: что мы сделаем? Поженимся?

Было необыкновенно приятно держать в объятиях ее стройное тело и чувствовать, как ее волосы касаются щеки.

— Леа, дорогая! Вы знаете, что вы для меня значите... но поймите, пожениться мы не сможем.

Тело ее напряглось, и она рывком отодвинулась.

— Эх вы, большой, эгоистичный кусок мяса! Что вы хотите этим сказать? «Вы мне нравитесь, Леа, и мы прекрасно провели время, но вы не из тех девушек, которых я могу привезти домой и представить матери?»

— Леа, подождите. Мои слова не имеют никакого отношения к чувствам. Но брак означает детей, а вам как биологу известно, что земные гены...

— Глупая деревенщина! — закричала она. Он не двигался и не пытался остановить ее. — С вашими претензиями на понимание я ждала от вас большего, а вы такой же, как все остальные фанатики с пограничных планет. Я знаю, как вы

смотрите на наш маленький рост, наши аллергии и прочие слабости, сохраняющиеся в нас поколениями. Вам ненавистно...

— Но я имел в виду вовсе не это, — прервал он ее. — Ваши гены гораздо устойчивее, это мои приносят потомству смерть. При естественном рождении мой ребенок убьет и себя, и мать, если вообще доживет до срока. Не забывайте, что вы — homo sapiens, а я — недавняя мутация.

Леа замерла. В его словах была правда, которую она знала, но над которой не задумывалась.

— Земля — это планета, на которой развивалось человечество. За последние несколько тысяч лет в ее генетическом фонде могли появиться какие-то слабости, но это ничто по сравнению с миллионами лет, которые потребовались эволюции, чтобы сформировать человека. Сколько новорожденных на Земле доживает до года?

— Ну... почти все. Умирает какая-то доля процента, а не могу сказать точно.

— Земля — это дом человека, — мягко сказал он. — Покидая дом, люди могут приспособиться к другим условиям, но дорого платят за это. И самая ужасная цена — это мертвые дети. Успешная мутация выживает, неудачная — умирает. Естественный отбор действует очень жестко. Во мне вы видите удачу эволюции. У меня есть сестра — и это тоже удача, но у моей матери было еще шестеро детей, и все они умерли в младенчестве. А еще несколько не успели родиться. Вы знаете, об этом, Леа?

— Знаю... Она плакала, закрыв лицо руками. — Я знаю все это как биолог. Но я устала быть только биологом. Я думаю о вас как женщина. Вы нужны мне, Брайан, очень нужны, потому что я вас люблю! — Она вытерла глаза. — Вы отправляетесь домой, на Анвар? Когда?

— Я не могу ждать слишком долго, — сказал он с несчастным видом. — Когда представишь количество людей, которые страдали и умерли для того, чтобы я мог сидеть здесь... становится страшно. Я понимаю, что в этом нет никакой логики, но я чувствую себя в долгу перед всеми ними.

— Я бы хотела вернуться с вами.

— Это невозможно.

Леа смотрела через иллюминатор на Дис, и глаза ее были сухими.

— В глубине души я всегда предчувствовала, что этим кончится; ваша лекция о происхождении человека не сообщила ничего нового, просто напомнила о том, что я пыталась забыть. И я завидую вашей будущей жене и счастливым детям. Впрочем, не очень. Я рано свыклась с мыслью, что на Земле нет ни одного мужчины, за которого я бы хотела выйти замуж. У меня были девичьи мечты о герое из космоса, который заберет меня с собой, и, думаю, я перенесла их на вас. Я достаточно взрослая, чтобы понять, что люблю свою работу больше банального замужества и, вероятно, кончу суровой старой девой, с большим количеством званий и титулов, чем вы смогли бы запомнить.

Глядя в иллюминатор, они заметили, что Дис сдвигается в сторону — корабль поворачивал к Ниджорду. Теперь они сидели, не касаясь друг друга, словно оставив на планете что-

то, объединявшее их. На короткое время линии их жизни пересеклись, но теперь это время кончилось.

— Выглядите вы не очень-то счастливо, — заметил ковылявший к ним Хис.

— Ну так умрите и сделайте нас более счастливыми, — горько ответила Леа.

Хис не обратил внимания на ее тон и сел на диван рядом с ними. Перестав командовать ниджорской армией, он стал гораздо добродушнее.

— Продолжите работу для УКВ, Леа? — спросил он. — Вы человек того сорта, что нам нужны.

Смысл последних слов дошел до Брайана не сразу.

— Так вы из УКВ?

— Полевой агент с Ниджорда, — ответил Хис. — Не думаете же вы, что нас представляют только беспомощные чиновники типа Фоссела и Мерва? Ниджорд — отличная планета, но мягкие направляющие руки нужны и там. Нужно по мочь им найти свое место в Галактике.

— Что это за грязная игра, Хис? — нахмурилась Леа. — Я слышала достаточно, чтобы понять: УКВ играет совсем не ту роль, о которой мне говорили. Вы что, маньяк, жаждущий власти?

— Это первое обвинение, которое предъявили бы нам, если бы стало известно о нашей деятельности, — сказал Хис. — Потому мы и действуем тайно. Проще всего опровергнуть это обвинение подсчетом денег. Как, по-вашему, где мы берем деньги для операций, подобных этой? — он улыбнулся. — Позднее вы сможете увидеть документы, и тогда у вас не останется сомнений. Правда заключается в том, что наши фонды состоят из пожертвований планет, которым мы помогли. Даже крохотная часть всепланетного дохода составит огромную сумму, а если собрать эти части с нескольких планет, денег будет достаточно, чтобы помогать другим. Но на каждой планете есть люди, которые знают о нас, разделяют наши идеи и помогают нам.

— Почему вы говорите мне об этих секретах? — спросила Леа.

— Разве это не очевидно? Мы хотим, чтобы вы продолжали работать на нас, — он хитро взглянул на нее и добавил: — Надеюсь, Брайан тоже будет работать с нами. Он отличный полевой агент, а мы отчаянно нуждаемся в таких людях.

— Покажите, где подписаться, — сказала Леа, и в голосе ее вновь была жизнь.

— Не хотелось бы называть это шантажом, — улыбнулся Брайан, — но вы отлично изучили психологию и двигаете людьми, как шахматными фигурами. Но на этот раз вам не нужно прилагать особых усилий.

— Так вы подпишете? — быстро спросил Хис.

— Мне нужно вернуться на Анвар, — сказал Брайан, — но есть и другое чувство долга...

— А Земля и так перенаселена, — добавила Леа.

Пер. И. НЕВСТРУЕВА

Кооператив «Свиток» представляет книгу ВЛАДИМИРА СИБИРЕВА «САТИРЫ»

Это сборник поэтических миниатюр, злободневных, острых, отражающих противоречия нашей жизни.

Книгу В. Сибирева «Сатиры» вы можете приобрести в магазинах «Свердлаготорга». Цена 1 руб.

Над спецвыпуском «ПДФ» работали: И. Кузовлев, М. Пудовкин, С. Казанцев, С. Гаврилова, Д. Йокитуппо, О. Аржанников, А. Заявки.

Художник И. Кожевников.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

Издание подготовлено журналом «Уральский следопыт» и кооперативом «Свиток» ПДФ. Спецвыпуск. Приключения и фантастика. Гарри Гаррисон. Чувство долга. Фантастическая повесть. Сдано в набор 18.1.91 г. Подписано в печать 25.02.91 г. Формат 60×84. печ. л. 40. Уч. изд. л. 442. Заказ № 175. Тираж 110 000. Цена 1 руб.

Кооператив «Свиток» Журнал «Уральский следопыт»

Наш адрес: г. Свердловск, ул. 8 Марта, 205.